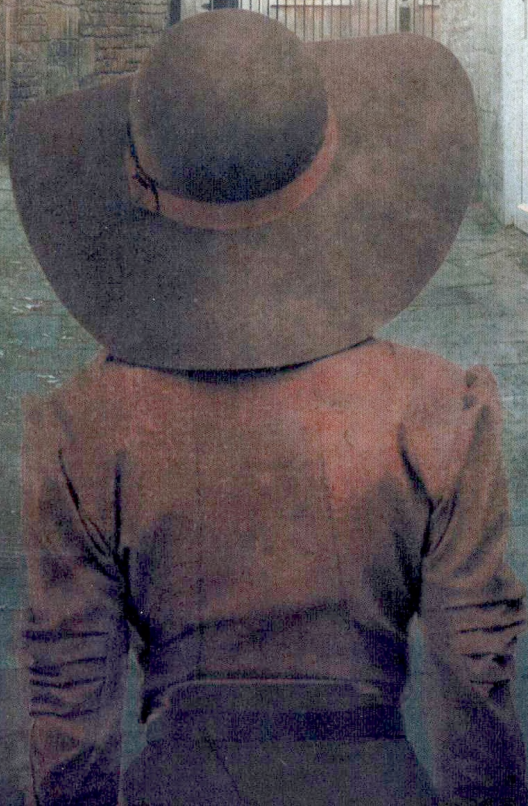

АЙН РЭНД

Идеал

Ayn Rand

IDEAL

Айн Рэнд

ИДЕАЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)
Р96

Ayn Rand
IDEAL

Серия «Айн Рэнд: проза»

Перевод с английского
Юрия Соколова и Татьяны Ребиндер

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown Ltd. и Synopsis Literary Agency

Оформление обложки — *Яна Паламарчук*

Рэнд, Айн.

Р96 Идеал: [авторский сборник] / Айн Рэнд. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Айн Рэнд: проза).

ISBN 978-5-17-095883-2

«Идеал» был написан Айн Рэнд в далеком 1934 году дважды — сначала как повесть, а затем как пьеса. Оба *Идеала* являются ярчайшими философскими повествованиями, в основе сюжета которых лежит возвышенная духовная и физическая красота молодой актрисы Кей Гонды. Драматургия и проза Айн Рэнд — явления весьма незаурядные, а ее философия объективизма и по сей день не утрачивает актуальности и находит своих последователей по всему миру.

Повесть «Идеал» публикуется на русском языке впервые.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-095883-2

©Ayn Rand, 2015
©ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Часть I Повесть *Идеал*

Вступление к повести <i>Идеал</i>	9
Примечание к рукописи <i>Идеала</i>	21
1. Кей Гонда	24
2. Джордж С. Перкинс	51
3. Джереми Слайни	82
4. Дуайт Лэнгли	100
5. Клод Игнациус Хикс	112
6. Дитрих фон Эстерхази	128
7. Джонни Дауэс.....	152

Часть II Пьеса *Идеал*

Вступление к пьесе <i>Идеал</i>	177
---------------------------------------	-----

ЧАСТЬ I

Идеал

ПОВЕСТЬ

Вступление к повести *Идеал*

В 1934 году Айн Рэнд написала *Идеал* дважды: сначала как повесть (на пятьдесят процентов более длинную, чем *Гимн*), которой не удовлетворилась и оттого отредактировала всего лишь поверхностно; а затем переработала, доведя до совершенства, уже в качестве пьесы. Обе версии тождественны в четырех аспектах, которые АР считала ключевыми в отношении литературы (за вычетом поэзии): в каждой из них одно и то же повествование разыгрывается (почти) одними и теми же персонажами; и невзирая на существенные различия в плане редакторской правки, каждый из них выписан в неповторимом литературном стиле АР. И хотя она не стала публиковать повесть, но рукопись сохранила в своем архиве.

Но почему АР превратила *Идеал* в пьесу? Она никогда не рассказывала мне об этом, однако, как я понимаю, основную причину такого решения следует искать в эпистемологическом различии между двумя

литературными формами. Повесть использует понятия, и только понятия для изображения событий, персонажей и окружающего их мира. В пьесе (или в кино) используются понятия *и* объекты; последние возникают в восприятии аудитории реальных актеров, их движений, разговоров и так далее. Примером может служить экранизация новелл даже в точной адаптации. В романе переживание совершается напрямую через чтение; время от времени вы можете захотеть собственными глазами увидеть персонаж или какую-нибудь сценку, однако желание это остается второстепенным и преходящим. В кино — при том, что некая форма диалога как концептуального элемента является обязательной, — лицезрение и продолжение его требуются самой сущностью жанра. Вы можете глубоко погрузиться в повествование и праздно размышлять о том, как выглядела бы та или иная сцена; однако вы не видите ее на экране и не гадаете, каким могло бы стать ее описание.

Хорошие новеллисты способны придать поддающуюся восприятию реальность своим персонажам, однако делают это, оставаясь в рамках собственной формы. Сколь бы масштабным ни был их гений, они не в состоянии наделить читателя подлинным чувственным переживанием. Таким образом, ключевой вопрос в нашем контексте: что, если определенный сюжет по природе своей требует подобного переживания? Что, если его основные элементы могут быть в полной мере представлены и воплощены только с помощью воспринятых средств (конечно, в соединении с концептуальными)?

Ярчайшим примером подобного элемента в *Идеале* является возвышенная, духовная и физическая красота Кей Гонды. Эта особая разновидность красоты лежит в основе пьесы. Красота эта присуща самой героине в качестве очаровательной богини экрана и является тем самым средством, которое позволяет ей становиться воплощением идеала для миллионов людей. И если этот атрибут Кей утратит убедительность, сюжет потеряет правдоподобие. При всех прочих равных обстоятельствах кажется, что в данном контексте необходимость непосредственного восприятия побеждает чисто концептуальный подход. Описание внешности актрисы Греты Гарбо или молодой Катарины Хэпберн, сколь бы ни был велик писатель, никогда не сможет передать (во всяком случае в моих глазах) сияющее совершенство их лиц; однако, если увидеть их на экране (где оно не так очевидно, как на сцене), оно воспринимается с первого взгляда. (Я выбрал оба эти примера, потому что АР выделяла этих актрис из всех прочих; например, Гарбо послужила прообразом Кей.)

А вот и еще один аспект *Идеала*, который может потребовать отдать предпочтение восприятию. Сюжет в обоих его вариантах реализуется в быстрой смене персонажей, каждый из которых представляет собой лаконично стилизованный вариант темы измены собственному идеалу, реализованный в одном коротком эпизоде.

Действующие лица *Идеала* представлены красноречивыми при всей скупости красок портретами, чего требует этот тип стилизации. С учетом этой относи-

тельной простоты, меняя форму, АР теряет некоторое количество информации о своих персонажах, однако приобретает важный смысл. В столь кратком изложении любое описание не способно (по моему мнению) создать убедительное впечатление подлинного переживания, ибо не может сделать каждый эпизод подлинно реальным. На сцене, напротив, даже крохотная роль немедленно воспринимается как подлинная; нам нужно просто смотреть, и мы видим и слышим актера/актрису — лицо, тело, позу, походку, одежду, движения глаз, интонацию голоса и так далее.

Вот и третье соображение. *Идеал* в каждой из своих версий является определенным повествованием, однако, с точки зрения АР, не обладает сюжетом. (Она первой заметила это.) Начало и конец этой повести логически связаны, однако этапы хождения по мукам Кей, переходящей от одного предателя к другому, не представлены в качестве логической последовательности, движущейся шаг за неизбежным шагом в направлении климакса. Поэтому, быть может, АР сочла, что в прозаическом плане повествование это развивается несколько замедленно и может быть прочтено как статичная последовательность зарисовок характеров. По контрасту пьеса способна более непринужденно предположить движение повествования, даже не имеющего сюжета, так как предлагает непрерывное физическое действие. Конечно, таковое само по себе не имеет никакого эстетического значения в любой форме искусств, за исключением танца. Однако можно видеть, что в некоторых случаях оно может помочь облегчить проблему статичности произведения.

Все изложенные мной выше соображения не следует воспринимать в качестве попытки принизить форму новеллы. Сама концептуальная природа прозаического произведения — сама свобода *его* от необходимости делать мир концептуально доступным — позволяет художественной прозе создавать и делать реальными в каждом из своих атрибутов ситуации, несравненно более сложные и впечатляющие, чем это доступно пьесе. Если Кей Гонда на сцене становится более реальной, то о Дагни Таггарт нельзя этого сказать; она покажется нам более реальной на страницах книги, чем в том случае, если бы мы воспринимали ее исключительно как актрису, произносящую строки роли. Причина этого заключается в том, что полное понимание ее природы и силы самым серьезным образом зависит не от ее диалога и видимой деятельности, но от той информации, которую мы получаем не из визуального элемента романа. Три очевидных элемента: роман знакомит нас с тем, что, не облакаясь в слова, происходит в ее уме; с тем, что происходило в ее незримом для зрителя прошлом; а также с не поддающимися подсчету красноречивыми событиями, что делает невозможной его сценическую или даже кинематографическую постановку.

Даже если коснуться сцен, теоретически вполне реальных для визуального воплощения в прозаическом произведении, роман не ограничивается простым описанием того, что увидели бы мы, окажись в нужное время в нужном месте. Напротив, овладев нашим восприятием и *направив* его в нужную сторону, роман способен передать уникальную информа-

цию, добиться уникальных эффектов. Автор управляет нами через природу и масштаб деталей, которые выбирает для конкретной сцены; он может воспользоваться на своей палитре необычайным изобилием красок, выходящим за любые, доступные человеческому взгляду пределы, или свести к минимуму количество нужных ему оттенков, подчеркивая всего лишь один небольшой аспект воспринимаемой сущности, пренебрегая всеми остальными как незначительными и являя тем самым тип избирательности, абсолютно недоступный зрителю (так, например один из архитекторов в *Источнике* характеризуется исключительно посредством его перхоти).

Далее, роман передает всю информацию и чувства, которые мы получаем и испытываем посредством использования авторами прозы словесных и коннотационных оценок. И разве дело ограничивается только этим? Перечисление всех отличительных черт, потенциально присущих такой длинной и сравнительно ничем не ограниченной художественной форме, как роман, выходит за пределы моих возможностей; я не способен даже предложить читателю разумным образом повествующую об этом книгу. Однако здесь я хочу внести определенное ограничение: а именно, многие из атрибутов романа в определенной степени доступны для представления на сцене и на киноэкране — однако, подчеркиваю, именно в *определенной*.

Каждая художественная форма обладает некоторым уникальным потенциалом и посему лишена ряда других преимуществ. Пьеса или кинофильм, создан-

ные по мотивам романа, почти всегда уступают ему в части производимого впечатления, потому что не могут поравняться в сложности с исходным произведением. Аналогичным образом относительно простой роман может блистать на сцене благодаря той силе, с которой повествование подкрепляется визуальным элементом. Посему роман и пьеса равны, оставаясь каждый в рамках собственной формы, то есть оба они отвечают данному АР определению искусства, как «воспроизведению реальности согласно неопределенным метафизическим оценкам художника». Право выбора жанра своего произведения принадлежит автору. АР, как нам известно, предпочла видеть *Идеал* на сцене.

Хотя в указанном выше смысле повесть и пьеса равноправны, сценарий пьесы не тождествен ни тому ни другому. Сам по себе сценарий не является произведением искусства и не относится к литературному жанру. Новелла и пьеса наравне, в своей полноте, позволяют читателю вступить в созданный в обоих произведениях мир и испытать его воздействие на себе. Однако сам по себе сценарий не позволяет достичь этой цели: он опускает сущность в этом контексте литературного искусства; он пишется ради восприятия (дабы быть услышанным из уст выступающего на сцене коллектива актеров), однако сам по себе отстранен от подобного восприятия. Прочтение диалога само по себе, безусловно, обладает некоей ценностью, однако ценность эта не обладает рангом произведения искусства, являясь просто одним из его атрибутов. Подобное различие, полагаю, является

основной причиной существенно большей популярности у читателей романов, а не сценариев.

Подобно всякому драматургу, АР предпочла сценическое воплощение *Идеала*, исходя из того, что пьеса эта будет поставлена. С точки зрения современной культуры, спектакль этот, однако, не состоялся; большинство из нас не имели и не будут иметь никакой возможности увидеть *Идеал* на сцене, не говоря уже о том, чтобы увидеть эту пьесу в ее надлежащем виде и даже с еще меньшими шансами увидеть ее в пристойном кинематографическом воплощении. Полностью войти во вселенную *Идеала* мы сможем, только прочитав саму повесть. Перед нами возникает сравнение между завершенным, но имеющим проблемы произведением, и произведением более качественным, но недоступным для нас.

Однако в повести присутствуют не только проблемы, она обладает многими достоинствами, уникальным образом присущими концептуальному воплощению повествования. Хотя АР осталась недовольна своей работой, не думаю, что, публикуя ее повесть теперь, поступаю против ее желания. Причина заключается как в природе нашей современной культуры, так и в том, что после смерти автора прошло еще не так много времени. Сейчас, по прошествии восьми десятков лет после выхода пьесы в свет, никто не может представить, что она считала эту свою повесть законченным произведением или полностью достойным ее собственных стандартов публикации. И чтобы выразить свое желание подтвердить ее решение, мы не рекламируем эту новую книгу как «но-

вое произведение Айн Рэнд». В самом деле, я пишу это вступление в основном для того, чтобы подтвердить сделанное ею решение, а также объяснить, почему, несмотря на многие достоинства, она отвергла его, а уже потом в данном контексте допустить читателя к его достоинствам.

Воздавая хвалу новелле, я совершенно не хочу упускать из виду те изменения, которые АР внесла в сюжет при написании сценария, потому что в ряде отношений пьеса очевидным образом более красноречива и драматична. Я не пытался сравнивать их постранично и потому не могу прокомментировать все изменения (невозможное дело). Повесть и сценарий преднамеренно соединены в этом томе, так что читатель сам может найти различия и оценить качество обоих произведений.

Преобразование прозаического произведения в пьесу подразумевало две важные задачи. Первая являла собой чисто театральное требование пересказать всю историю короче, ограничиваясь только диалогами, произнесенными в ходе сценических эпизодов. Вторая требовала от писателя произвести полную правку текста. С учетом того и другого были произведены существенные изменения. В нескольких пассажах АР, по сути дела, не столько адаптирует или правит текст новеллы, как заново переписывает его или же просто заменяет новым.

Впрочем, существует одно обстоятельство, выходящее за помянутые выше пределы. В третьей главе повести центральным персонажем является Джереми Слайни, невежественный и малограмотный фермер.

В сценарии же АР зачеркнула всю эту главу, еще только приступая к написанию пьесы, зачеркнула резкими линиями, означающими полное отвержение. (Мне приходилось видеть подобные росчерки, оставленные ее рукой на моих собственных рукописях.) Исключив, таким образом, Слайни из пьесы, она взяла имя его зятя, прежде являвшегося второстепенным персонажем, и сделала его центральным в эпизоде. В новой своей инкарнации Чак Финк несет идеологическую нагрузку в качестве члена коммунистической партии.

Я не знаю, какие причины побудили АР произвести подобное изменение, однако могу предложить читателю кое-какие догадки. Невежество и диалектизмы в устах Слайни лишили бы его как персонажа достоверности в контексте пьесы, то есть сделали бы его менее убедительным в качестве пораженного конфликтом идеалиста. В этой роли, на мой взгляд, более достоверным выглядит грамотный горожанин. В дополнение Финк вносит в повествование новую версию того порока, который оно осуждает: он предает свой идеал из верности не Бэббиту* или Богу, но Марксу и его пониманию «общественного блага». Подобный персонаж допускает куда более философский подход к хождению Кей Гонды по мукам, чем стремление Слайни к деньгам. Впрочем, здесь могла действовать еще одна причина: АР могла подумать,

* Герой одноименного романа Синклера Льюиса *Бэббит*, впервые опубликованного в 1922 году, представляющего собой сатиру на американскую культуру, общество и образ жизни.

что предательство Слайни в отношении Кей могло быть воспринято как подтверждение лозунга, который она презирала, то есть «деньги являются корнем всякого зла». Каковы бы ни были руководившие ею причины, изменение это, однако, дает нам побочную выгоду: Финк предоставляет Рэнд в пьесе прекрасную возможность для сатирических выпадов и таким образом позволяет нам, погруженным в тусклый бытовой контекст, лишний раз улыбнуться, а иногда даже расхохотаться вслух.

Невзирая на то, что АР исключила Слайни из пьесы, я оставил его в повести, поскольку именно так и было в первоначальном наброске. Я сделал это не из-за художественного значения сцены, но потому, что она представляет собой небольшое окошко, позволяющее увидеть АР за работой, окошко, позволяющее нам увидеть ее творческий потенциал даже на самой ранней, не удовлетворившей ее стадии работы, вместе с решимостью вычеркнуть то, что, подобно Риардену, она сочла недостаточно качественным для себя. Конечно, с точки зрения творца, эта новелла может показаться недостаточно выразительной, однако для нас, как мне кажется, ее недостатки не уменьшают достоинств как с точки зрения искусства, так и развлечения.

Я впервые прочел эту новеллу в 1982 году, году смерти АР. До этого о существовании повести мне было неизвестно, хотя с пьесой я был давно знаком. Сидя на складском полу посреди кучи документов АР, я решил бегло ознакомиться с произведением. И, к собственному удивлению, обнаружил, что захва-

чен повествованием, полностью захвачен, а подчас даже до слез растроган. Закончив чтение, я расстроился, потому что мне хотелось побольше побыть в мире Кей Гонды. Рукопись, на мой взгляд, была настолько хороша, что ее просто нельзя было скрывать от глаз публики. Наконец, спасибо Ричарду Ролстону, это время пришло.

При жизни автор публикует свои зрелые, завершённые работы. Однако после кончины писателя принято публиковать его не опубликованные при жизни работы, в том числе *juvenilia*, ранние, несовершенные попытки. В особенности это принято в том случае, если он обрел бессмертие в своем деле, и каждое слово, произнесенное им в начале и конце жизни, вызывает самый живой интерес среди читательских масс и постоянно возрастающего числа ученых. Книга, которую вам предстоит прочитать, относится к числу ранних произведений АР, написанных ею еще до тридцатилетия, когда она еще не знала того, что предстояло ей узнать в последующие пять десятков лет. Вот и все, что можно сказать об этой новелле.

Однако хотелось бы знать, сколько зрелых писателей способны поравняться гением с АР или создать вселенную, подобную созданному ей миру, объединяющему в себе логику и страстность. Эта вселенная пусть и в зачаточной форме присутствует в этой книге, а значит, открывается и для нас.

*Леонард Пейкофф
Алисо Вьехо, Калифорния*

Примечание к рукописи *Идеала*

В 2004 году, подготавливая рекомендации в отношении добавления материала в исправленное издание *The Early Ayn Rand (Ранние произведения Айн Рэнд)*, я просматривал рукопись принадлежащей перу Айн Рэнд короткой новеллы *Идеал*, находящейся в собрании Ayn Rand Archives, но уделил ей лишь самое поверхностное внимание, поскольку пьеса *Идеал* была написана после новеллы. И в связи с тем, что именно на этой медиа-среде остановила в итоге свой выбор Айн Рэнд, в первоначальное собрание была включена одна лишь пьеса.

В 2012 году я (наконец) решил, что новелла заслуживает более пристального внимания. За многие годы я неоднократно слышал от многих читателей Айн Рэнд пожелание найти в архиве ее не известные ранее произведения. И поскольку такое произведение нашлось, я понял, что к нему следует относиться внимательно.

Я прочел сценарий в 32 000 слов, подготовленный в 1934 году Rialto Service Bureau, расположенном по адресу: 1501 Broadway, New York City. Он немедленно приковал к себе мое внимание, как бесспорно принадлежащий перу Айн Рэнд. Меня поразило в том числе и дополнительное измерение, которое предлагала прозаическая форма, причем особенно выделились два пункта. Более подробные письма читателей Кей Гонды в сравнении с их более краткими версиями в пьесе, которые пришлось бы зачитывать на сцене или проектировать на экран, чтобы публика могла прочесть их, нередко сделались трогательными и поясняющими. Более длинный вариант письма Джонни Дауэса, например, позволяет нам глубже понять этого человека и его поступки. Далее, первая глава новеллы, представляющая собой ознакомительный тур по кабинетам и персоналиям Голливуда, не имеет своего соответствия в пьесе. Обе эти подробности существенно обогащают собой контекст мира Кей Гонды в добавление к прочим, столь же просвещающим моментам.

Само по себе интересно, как прозаическая форма демонстрирует восприятие Айн Рэнд фундаментального различия между произведением, написанным для чтения, и произведением, написанным для визуального восприятия. Прозаическая форма, на мой взгляд, допускает большую подробность и ясность. Однако, конечно же, драматическое воздействие произнесенного слова и той нравственной силы, которую оно воплощает, может оказаться более убедительным на сцене.

Примечание к рукописи Идеала

Поскольку доктор Пейкофф не замечал эту новеллу в течение тридцати лет, благоприятное стечение обстоятельств заставило его уделить ей все свое внимание. Он был рад моему содействию и попросил меня процитировать в этом примечании следующие обращенные тогда им ко мне слова: «Где был бы объективизм без вас, Ричард?»»

*Ричард Э. Ралстон, выпускающий редактор
Институт Айн Рэнд*

1

Кей Гонда

«Если это убийство — тогда почему о нем все молчат? Если же нет — тогда почему говорят слишком много? Во время интервью мисс Фредерика Сэйерс не ответила на этот вопрос ни да, ни нет. Она отказалась дать даже самый малейший намек на характер внезапной смерти своего брата. Грантон Сэйерс скончался в Санта-Барбаре в собственном особняке два дня назад, в ночь на 4 мая. Вечером 3 мая Грантон Сэйерс обедал со знаменитой — о, очень знаменитой — кинозвездой. Это все, что нам известно».

«К сожалению, мы не можем предложить вам более подробную информацию, однако можем предложить несколько вопросов, если только они уже не пришли вам в голову. Было бы интересно знать, где находилась эта очаровательная сирена киноэкрана ночью 3 мая

после обеда. А также, где она находится с той поры. И если — как полагает мисс Фредерика Сэйерс — здесь не о чем шептать по углам, откуда берутся эти настойчивые слухи, связывающие некое известное имя со смертью великого на Западе нефтяного короля? Что оставляет мисс Фредерику в положении нефтяной королевы Запада и единственной наследницей миллионов Сэйерса, если таковые существуют».

«Но переменим тему. Многие читатели уже потребовали установить нынешнее место нахождения Кей Гонды. Эта очаровательная леди экрана отсутствует в своем голливудском доме последние два дня, и киношные воротилы отказываются сообщать, где и по какой причине она находится. Некоторые подозрительные личности уже нашептывают, что помянутые воротилы и сами не знают этого».

Редактор отдела местных новостей *Лос-Анджелесского курьера* присел на край стола Ирвинга Понтса... Ирвинг Понтс неизменно улыбался, писал «То да Сё» — ведущую колонку *Курьера* и обладал желудком, вечно протестовавшим против сидячей позы. Редактор отдела новостей перекатил карандаш из правого уголка рта в левый и спросил:

— Скажи честно, Ирв, ты знаешь, где она?

— Можешь поискать у меня в карманах, — предложил Ирвинг Понтс.

— Ее разыскивают?

— Именно так, — проговорил Ирвинг Понтс.

— В Санта-Барбаре ей предъявили обвинение?

— Именно так.

— А что говорят твои друзья в полиции?

— Знание их слов ничем не поможет тебе, — продолжил Ирвинг Понтс, — поскольку ты не сможешь напечатать, куда именно они отправили меня с этим вопросом.

— Ирв, а ты действительно считаешь, что она сделала это? И вообще, за каким чертом ей могло понадобиться убивать его?

— Представления не имею, — отвечивал Ирвинг Понтс. — Однако неужели ты считаешь, что все поступки Кей Гонды имеют рациональную причину?

Редактор отдела городских новостей подозвал Моррисона Пиккенса.

Если обратиться к внешности, Моррисон Пиккенс выглядел так, словно во всех длинных и тощих шести футах его тела не было ни единой кости, и только какое-то чудо поддерживало его в вертикальном положении, не позволяя грудкой осесть на собственные ботинки. Сигарета каким-то чудом не выпадала из угла его вялого рта. Наброшенное на плечи пальто самым чудесным образом не сползло вниз по его спине, а козырек кепки ореолом торчал над черепом.

— Прогуляйся до «Фарроу филм студияс», — предложил ему редактор отдела, — и посмотри, можно ли там что-то увидеть.

— Кей Гонда? — осведомился Моррисон Пиккенс.

— Кей Гонда, если сможешь что-то выяснить, — ответил редактор отдела новостей. — Если же нет, попробуй разузнать, где она может сейчас находиться.

Чиркнув спичкой о каблук редактора, Моррисон Пиккенс явно передумал, бросил спичку в корзину для бумаг, взял со стола ножницы и с задумчивым видом подравнял ноготь большого пальца.

— Угу, — произнес Моррисон Пиккенс. — А не следует ли мне заодно узнать, кто убил Ротштейна* и существует ли жизнь после смерти?

— Обернись до ленча, — проговорил редактор. — Хотелось бы знать, что и как они там говорят.

И Моррисон Пиккенс отправился на «Фарроу филм студIOS». Он вел машину по людной улице, между мелкими лавчонками, прожаренными и высушенными солнцем, мимо пыльных окошек, готовых выставить створки из темного и мрачного ряда. За окнами угадывалось все, что нужно человеку, все, ради чего живут люди: строгие платья с бабочками, усыпанными фальшивыми бриллиантами, банки с клубничным вареньем, жестянки с томатами, швабры и сенокосилки, козьдкремы и аспирин, и знаменитое средство от пучения желудка. Мимо шли люди, усталые, торопливые, безразличные, волосы их липли к влажным горячим лбам. И казалось, что величайшее из людских несчастий сопутствует не тем, кто не может войти в магазин и купить необходимое, но тем, кто в состоянии это сделать.

* Арнольд Ротштейн — гангстер, предположительно стоявший за организацией мировой серии 1919 года по бейсболу.

Над сложенным из желтого кирпича фасадом крохотного кинотеатрика, белой маркизой и кругом с броской надписью «15 ЦЕНТОВ», выведенной на темном, с блестками фоне, высилась картонная фигура женщины. Она стояла, выпрямившись, плечи разведены, стриженные светлые волосы языками огня вздыблены над лбом словно костер, разгоревшийся под напором могучего ветра, — яростное пламя над стройным телом. Бледные прозрачные глаза, крупный рот, наводящий на мысли о рте идола, изображающего некое священное животное. Имени под фигурой не было, однако его и не требовалось, ибо любой прохожий на любой улице мира знал это имя, знал буйные светлые волосы и хрупкое тело. Это была Кей Гонда.

Фигура под скудной одеждой казалась едва одетой, однако люди не замечали этого. Никто не пытался смотреть на нее обыденными глазами, никто не хихикал. Она стояла, запрокинув голову назад, бессильно уронив по бокам руки ладонями вверх, беспомощная и хрупкая, сдающаяся и намекающая на нечто далекое, прячущееся за белой маркизой и крышами, как пламя, качнувшееся под напором незримого ветра, как последняя мольба, поднимающаяся над каждой кровлей, над каждым окном магазина, над каждым усталым сердцем, оставшимся далеко под ее ногами. И минуя кинотеатр, хотя никто этого не делал, каждый испытывал смутное желание приподнять над головой шляпу.

Прошлым вечером Моррисон Пиккенс смотрел одну из ее картин. Полтора часа он провел в полной неподвижности, и если бы дыхание требовало внима-

ния, наверно, забыл бы дышать. С экрана на него смотрело огромное белое лицо, шевелились губы, которые каждый мечтал поцеловать, и глаза, заставлявшие гадать, с болью гадать о том, что они видят. Ему казалось, будто существовало нечто — в глубинах его мозга, где-то позади всего, что он думал и чем являлся, — чего он не знал, но что было известно ей, и что он хотел знать и не понимал, сможет ли когда-нибудь это сделать, и должен ли он это понять, если способен, и почему хочет именно этого. Он думал, что она просто женщина и актриса, однако думал так только до того, как входил в зрительный зал, и после того, как покидал его; но когда он смотрел на экран, мысли его становились иными; он видел в ней уже не человеческое создание, не еще одно существо из тех, что постоянно окружали его, но нечто совершенно неведомое и не подлежащее познанию. Когда он смотрел на нее, в душе его возникало чувство вины, однако при этом он как бы становился молодым — чистым... и очень гордым. Глядя на нее, он понимал, почему древние создавали статуи богов по образу человека.

Никто не знал в точности, откуда взялась Кей Гонда. Некоторые утверждали, что помнили ее по Вене, когда ей было шестнадцать и работала она в лавке корсетных дел мастера. Платьнице на ней было слишком коротко для длинных и тощих ног, бледные и тонкие руки торчали из рукавов. Она двигалась за прилавком с нервической быстротой, заставлявшей клиенток считать, что место этой девчонке в зоопарке, а не в крохотной, пропахшей прошлогодним салом

мастерской, за накрахмаленными белыми занавесками. Никто не мог бы назвать ее красавицей. Мужчины не проявляли к ней интереса, а лендледи охотно выставляли ее на улицу в случае опоздания с оплатой. Долгие рабочие дни она проводила, подгоняя корсеты по фигурам заказчиц, тонкие белые пальцы ее затягивали шнуры над тяжелыми складками плоти. Клиентши жаловались на нее и говорили, что от взгляда этой девицы им становится не по себе.

Были и такие, кто помнил ее по прошествии двух лет, когда она работала служанкой в пользовавшемся дурной славой отеле, притаившемся в темном венском переулке. Они помнили, как она спускалась по лестнице, сверкая дырками на пятках черных хлопковых чулок, в заношенной, открытой на груди блузке. Мужчины уже пытались заговаривать с ней, однако она не слушала их. А потом однажды ночью прислушалась к голосу высокого мужчины, наделенного жестким ртом и глазами, слишком внимательными для того, чтобы позволить ей быть счастливой; мужчина этот, знаменитый кинорежиссер, явился в отель совсем не для того, чтобы поговорить с этой девушкой. Владелица гостиницы затряслась от возмущения, когда услышала, как та смеется, громко и жестоко, выслушивая слова, которые нашептывал ей мужчина. Впрочем, великий режиссер впоследствии с пеной у рта отрицал эту историю, повествовавшую о том, где именно он отыскал Кей Гонду, свою величайшую звезду.

В Голливуде она носила простые темные платья, пошитые для нее французом, жалованья которого хватило бы на финансирование страховой фирмы. К ее

особняку вела длинная галерея беломраморных колонн, а ее дворецкий подавал коктейли в узких и высоких бокалах. Она ходила так, словно бы ковры, лестницы и тротуары тихо и бесшумно сворачивались, стараясь не попасть ей под ноги. Волосы ее никогда не казались причесанными. Она поводила плечами жестом, напоминающим скорее конвульсию, и легкие синеватые тени играли между ее лопатками, когда она бывала в длинных вечерних платьях с открытой спиной. Все ей завидовали. И никто не мог сказать, что она счастлива.

Моррисон Пиккенс спустил на землю длинные ноги с подножки своего открытого двухместного автомобиля и, шаркая ногами, побрел вверх по полированным ступеням, ведущим к приемной «Фарроу филм студии». Оказавшись внутри, он обратился к сидевшему за столом молодому человеку, розовое и неподвижное лицо которого напоминало замерзший клубничный крем:

— Пиккенс. Из *Курьера*. Хочу встретиться с мистером Фарроу.

— Вам назначено?

— Неа. Но разве это существенно — *сегодня-то*. И он оказался прав.

— Входите, сэр, — получив ответ от секретарши мистера Фарроу, бодрым тоном проговорил молодой человек, опуская на место трубку.

У мистера Фарроу были три секретарши. Первая, сидевшая за столом возле бронзовой оградки, с ледяной улыбкой распахнула перед ним бронзовую калитку, открывавшую проход под арку, где находился стол

с тремя телефонами; вторая секретарша открыла перед ним дверь красного дерева, за которой находилась приемная, и последняя секретарша, поднявшаяся перед ним со словами:

— Заходите в кабинет, мистер Пиккенс.

Энтони Фарроу восседал за столом, потерявшимся на фоне просторного белого бального зала. Перечеркнутые переплетами окна поднимались в нем на высоту трех этажей. В нише стояло изваяние Мадонны. В другой нише на беломраморном пьедестале расположился огромный хрустальный глобус. С ним соседствовал крытый белым атласом шезлонг, выглядевший так, словно к нему никогда и никто не прикасался; впрочем, так и было на самом деле. Шезлонг являлся предметом мечтаний мистера Фарроу, и поговаривали, что во дни былые он украшал собой будуар императрицы Жозефины.

К каштаново-золотистым остаткам шевелюры на затылке мистера Фарроу прилагались карие с золотым отливом глаза. Костюм его гармонировал с самым темным оттенком его волос, а рубашка — с самым светлым. Проговорив:

— Доброе утро, мистер Пиккенс. Прошу вас, садитесь, — он протянул гостю открытую коробку сигар жестом, вполне достойным наилучшего первого плана в фильме о высшем обществе.

Мистер Пиккенс уселся и принял сигару.

— Вы, конечно же, понимаете, — проговорил мистер Фарроу, — что вся эта история представляет собой самую нелепую чушь.

— То есть? — переспросил Моррисон Пиккенс.

— Сплетня, которой я обязан вашим визитом. Чушь, которую рассказывают о мисс Гонде.

— О, — произнес Моррисон Пиккенс.

— Мой дорогой друг, вы должны понимать, насколько смехотворна эта нелепая выдумка. И я надеюсь, что ваша газета, ваша достойная уважения газета, поможет нам предотвратить распространение этих полностью ни на чем не основанных слухов.

— Это очень легко сделать, мистер Фарроу. Все в ваших руках. Конечно, слухи ни на чем не основаны, и вам прекрасно известно, где находится сейчас Гонда, так ведь?

— Давайте ненадолго обратимся к этой безумной истории, мистер Пиккенс. Грантон Сэйерс... ну, вы ведь знаете Грантона Сэйерса. Это дурак, если вы разрешите так выразиться, дурак, но пользующийся репутацией гения, как всегда бывает с дураками, не так ли? Три года назад у него было пятьдесят миллионов. А сколько сегодня? Никто не знает... Быть может, всего пятьдесят тысяч долларов... или пятьдесят центов. Ну и хрустальный плавательный бассейн, и греческий храм в собственном саду. Ах, да, еще и Кей Гонда. Дорогая, хотя и небольшая игрушка или произведение искусства — это как посмотреть на Кей Гонду, то есть два года назад. Но не сегодня. О нет, не сегодня. Мне точно известно, что она не встречалась с Сэйерсом больше года до этого самого обеда в Санта-Барбаре, о котором теперь все твердят.

— Так, значит, никакой романтики? И целая пропасть между ними?

— Глубокая и холодная, мистер Пиккенс.

— Вы уверены?

— Безусловно, мистер Пиккенс.

— Но, быть может, они когда-то поссорились, и эта ссора...

— Никаких ссор, мистер Пиккенс. Никаких. Насколько мне известно, он три раза делал ей предложение. И она могла получить его вместе с греческим храмом, нефтяными скважинами по первому же желанию. Зачем ей в подобной ситуации убивать его?

— Но зачем тогда она решила скрыться от глаз общества?

— Мистер Пиккенс, позвольте мне изменить нормальный ход интервью и задать вопрос уже вам?

— Конечно, мистер Фарроу.

— Какой... кто, скажите на милость, пустил этот слух?

— А это, — ответил Моррисон Пиккенс, — я рассчитывал узнать от вас, мистер Фарроу.

— Говорю вам, мистер Пиккенс, это нелепо, это хуже, чем нелепо. Это ужасно... Намеки, шепотки, расспросы. По всему городу. Если бы я мог усмотреть в этом какой-нибудь смысл, то сказал бы, что кто-то распространяет этот слух преднамеренно.

— Но у кого может быть причина для этого?

— В том-то и дело, мистер Пиккенс. Ни у кого. У мисс Гонды на всем свете нет ни одного врага.

— А есть ли у нее друзья?

— Ну, конечно же, конечно... впрочем, нет, — вдруг проговорил мистер Фарроу голосом, в котором чувствовалось искреннее удивление собственными словами, — нет, у нее нет друзей.

Он посмотрел на Моррисона Пиккенса неподдельно беспомощным взглядом.

— Но почему вы спросили об этом?

— А почему вы так отвечаете? — ответил вопросом Моррисон Пиккенс.

— Я... сам не знаю, — признался мистер Фарроу. — Наверно, потому что прежде не задумывался об этом. Просто мне как-то вдруг стало понятно, что на всем белом свете у нее нет ни единого друга. Если не считать Мика Уоттса, которого никак нельзя назвать чьим-либо другом. Ну, ладно, — продолжил он, передернув плечами, — быть может, это вполне естественно. Кто способен представить, что можно дружить с подобной женщиной? Она смотрит на тебя, но так, словно не видит вообще. Она видит нечто другое. И никто не может сказать, что именно. Она говорит с тобой — когда это случается, что бывает не часто, — а ты совершенно не понимаешь, что она думает. Иногда я не сомневаюсь — она уверена в том, что мы неспособны мыслить. Вещи значат для нее нечто совсем другое, чем для всех нас. Но что они значат и что подразумевает она... кто может сказать? И по совести говоря, кого это интересует?

— Примерно семьдесят миллионов людей, если судить по отчетам вашей билетной кассы.

— Ну, это да. Что в конечном счете и имеет значение. Они почитают ее, эти миллионы. Но в их чувстве нет восхищения. В нем нет преклонения поклонников. В нем скрыто нечто большее. Они боготворят ее. Не знаю, что и каким образом Кей Гонда проделыв-

васт над людьми, но она непонятным для меня способом добивается этого.

— А как ее поклонники отреагируют на... убийство?

— Но это же нелепо, мистер Пиккенс. Это невозможно. Разве можно хотя бы на миг поверить в то, что она способна на убийство?

— Никто не стал бы обращать внимание на эту новость, если бы мисс Гонда не исчезла.

— Однако, мистер Пиккенс, она никуда не исчезала.

— Так где же она?

— Мисс Гонда всегда предпочитает быть в одиночестве, когда готовится к съемкам нового фильма. Она сейчас находится в одном из своих пляжных домиков, вживается в новую роль.

— Где же?

— Простите, мистер Пиккенс, но мы не можем позволить, чтобы ее беспокоили.

— А если мы попытаемся найти ее. Будете ли вы препятствовать нам?

— Конечно же, нет, мистер Пиккенс. Мы не имеем даже малейшего намерения препятствовать прессе.

Моррисон Пиккенс поднялся и сказал:

— Вот и отлично, мистер Фарроу. Мы попробуем.

Мистер Фарроу тоже встал и сказал:

— Вот и отлично, мистер Пиккенс. Желаю удачи.

Моррисон Пиккенс был уже у двери, когда мистер Фарроу добавил:

— Кстати, мистер Пиккенс, если вам повезет, будьте так любезны, дайте нам знать? Понимаете ли,

мы не хотим, чтобы нашу великую кинозвезду беспокоили, и...

— Понимаю, — ответил Моррисон Пиккенс, выходя из кабинета.

В приемной мистера Сола Зальцера, помощника продюсера, нервический секретарь мужского пола вспорхнул на ноги и запричитал:

— Но мистер Зальцер занят. Мистер Зальцер очень, очень занят. Мистер Зальцер находится в...

— Скажите ему, что это *Курьер*, — объявил Моррисон Пиккенс. — Возможно, в таком случае он найдет пару минут для нас.

Секретарь порхнул за высокую белую дверь и немедленно выпрыгнул из-за нее наружу, оставив створку открытой, и приветливо зачирикал:

— Входите же, мистер Пиккенс, входите же.

Мистер Зальцер расхаживал по просторному кабинету, украшенному порттьерами из сиреневого бархата, портретами цветов и скотч-терьеров.

— Садитесь, — предложил он, не посмотрев на мистера Пиккенса, и продолжил свое шествие.

Моррисон Пиккенс сел.

Мистер Зальцер расхаживал, заложив руки за спину, в костюме синевато-стального цвета и при булавке с бриллиантом для галстука. Курчавые волосы сходились узким треугольничком на середине его белого лба. Прошествовав туда и обратно три раза, он рывкнул:

— Но это сущая чушь!

— Что именно? — спросил Моррисон Пиккенс.

— То, что вы хотите узнать. То, что вы, ребята, попусту тратя время, высасываете из пальца, а потом печатаете, потому как ничего лучшего не находится!

— Вы имеете в виду мисс Гонду?

— Да, я имею в виду мисс Гонду! И говорю только о ней и ни о ком другом! Я не стал бы тратить свое время на вас, если бы речь не шла о мисс Гонде! О, если бы только мы никогда не связывались с ней! Ничего, кроме головной боли, с тех пор, как она вышла на экран!

— Ладно вам, мистер Зальцер. Вы выпускали все ее ленты. И не могли не заметить в ней чего-то особенного.

— Вы о трех миллионах зеленых наличными за каждую картину? Их я вижу! Но действуйте, предложите мне лучшую причину.

— Ну, тогда поговорим о вашем следующем фильме.

— Что можно о нем сказать? Это будет самая лучшая, величайшая, — на этом слове мистер Зальцер остановился возле стола, чтобы стукнуть по нему кулаком, — и самая дорогая кинокартина, которую вам доведется видеть в своей жизни! Можете написать это в своей газете!

— Отлично, не сомневаюсь, что наши читатели будут рады узнать это. Кстати, им будет приятно узнать и ее... дату выхода на экраны.

— Послушайте, — сказал мистер Зальцер, останавливаясь на месте. — Это же чистая хрень! Чистая хрень, к чему вы ведете! Потому что она никуда не исчезала!

— Я этого не говорил.

— Ну, так и не говорите впредь! Потому что нам известно, где она находится, понятно?

— Я вовсе не намеревался задавать вам этот вопрос. Я собирался только спросить, подписала ли мисс Гонда новый контракт с вашей компанией?

— Подписала, не сомневайтесь. Конечно, подписала. Практически подписала. Словом, почти подписала.

— Значит, все-таки не подписала?

— Она намеревалась подписать его именно сегодня. То есть я хотел сказать, что она *собирается* сегодня подписать его. Она согласна. Все вопросы улажены... Ладно, скажу вам честно, — вдруг проговорил мистер Зальцер с ноткой такого личного отчаяния, которое на киноэкране покорило бы любого зрителя. — То, чего я боюсь, все это по поводу контракта, вот так. Она могла опять передумать, могла оставить нас в дураках.

— Но, быть может, это просто поза, мистер Зальцер? Подобные речи мы слышим от нее после каждой новой ленты.

— Ага? Посмотрел бы я на то, как вы посмеялись бы, два месяца поползав за ней на коленях, как пришлось ползать нам. «Я закончила сниматься в кино, вот что она говорит. — И этот сценарий, зачем и кому он нужен? Стоит ли снимать по нему фильм?» Нет! Мы предлагаем ей пятнадцать тысяч долларов за неделю, и она еще говорит, стоит ли этот фильм труда?

— Значит, вы думаете, что на сей раз она сбежала от вас? И вы не знаете, куда она удалилась?

— Не люблю я вас, газетчиков, — с разочарованием проговорил мистер Зальцер. — И вот почему я никогда вас не любил: я открываю вам душу, делюсь всеми сокровенными переживаниями, а вы снова заводите свою прежнюю баланду.

— Так вы не знаете, где она сейчас находится?

— О боже, какая фигня! Мы знаем, где она. У своей тетки, старухи тетки из Европы, больной тетки... она отправилась в пустыню погостить у нее на проклятом ранчо. Понятно?

— Угу, — молвил Моррисон Пиккенс, вставая. — Конечно, понятно.

Ему не нужно было предупреждать о своем приходе Клер Пимоллер, звезду «Фарроу филмс», писавшую сценарии всех фильмов Кей Гонды. Он просто вошел к ней. Клер Пимоллер всегда была рада прибытию представителя прессы. В данный момент она восседала на длинном и невысоком диване в стиле модерн.

Место, на коем она сидела, не озаряли своими лучами никакие театральные прожектора; однако казалось, что она находится на освещенной сцене. Одежда ее обладала гармоничной элегантностью современной стеклянной утвари, подвесных мостов, трансатлантических гидросамолетов. Она казалась последним словом великой цивилизации — строгим, чистым, мудрым, обращенным, пожалуй, к самым тончайшим... глубочайшим проблемам жизни. Однако на диване восседала только плоть Клер Пимоллер; душа ее обреталась на стенах собственного кабинета, заклеенных увеличенными фотографиями иллюстраций из ее журналов. На снимках этих нежные девы

обнимали крепких и надежных молодых людей, младенцы взирали на заботливые родительские руки, изымавшие их из колыбели, а лики старых леди могли бы подсластить чашку самого крепкого черного кофе.

— Мистер Пиккенс, — молвила Клер Пимоллер, — невероятно рада видеть вас. Чудесно, просто великолепно, что вы заглянули ко мне. У меня есть для вас очень занимательная история. Я как раз думала, что общество никогда на самом деле не понимало психологического влияния тех мелких моментов, происшедших в детстве писательницы, которые в итоге определили ее будущую карьеру. То есть мелочей... Понимаете ли, мелочи — вот что по-настоящему существенно в жизни. Например, когда мне было семь лет, помню, однажды я увидела бабочку с поломанным крылышком, и это заставило меня подумать о...

— Кей Гонде? — вставил Моррисон Пиккенс.

— Ох, — проговорила Клер Пимоллер, прежде чем поджать тонкие губы. А потом снова шевельнула ими и произнесла: — Так вот по какому поводу вы явились ко мне...

— Я бы сказал, мисс Пимоллер, что вы должны были бы догадаться об этом... сегодня-то.

— А вот и не догадалась, — проговорила Клер Пимоллер. — Никогда не считала, что мисс Кей Гонда является единственной интересной темой на свете.

— Я только хотел спросить у вас, что вы думаете обо всех этих слухах по поводу мисс Гонды.

— Ни на минуту не задумывалась об этом. Мое время слишком дорого стоит.

— А когда вы видели ее в последний раз?

— Два дня назад.

— А случайно не третьего мая?

— Да, именно третьего мая.

— Но быть может, вы заметили нечто особенное в ее поведении?

— А когда в ее поведении не было чего-то особенного?

— А не хотите ли рассказать мне о вашей встрече?

— И в самом деле хочу. А кто не захотел бы на моем месте? В тот день я проехала за рулем весь путь до ее дома, чтобы обсудить наш новый сценарий. Очаровательная история, очаровательная! Я говорила и говорила, час за часом. А она сидела как изваяние. Не то чтобы слова, звука не произнесла. Повседневности, обыденного, простоты... вот чего в ней нет. И тонких чувств. Никаких! Никакого внутреннего ощущения великого братства людей. Никакого...

— А не показалась ли она вам озабоченной или встревоженной?

— Вот что, мистер Пиккенс, у меня много более интересных дел, чем размышлять над настроениями мисс Гонды. Могу сказать вам одно, она не позволила мне включить в сценарий младенца или собачку. Песики такие трогательные. Знаете ли, все мы братья, если копнуть под кожей и...

— А она не упоминала, что вечером собирается отправиться в Санта-Барбару?

— Она ничего не упоминает. Она окатывает тебя своими словами как из ведра. Она просто встала посреди предложения и оставила меня с открытым ртом. Сказала, что ей нужно переодеться, потому что она

обедает в Санта-Барбаре. А после добавила: «Терпеть не могу благотворительные миссии».

— И что она подразумевала под этими словами?

— А что она подразумевает под любыми словами?

Благотворительный — только представьте себе! — обед с мультимиллионером. Тут уж я не утерпела, не могла утерпеть! И сказала ей: «Мисс Гонда, неужели вы и впрямь считаете себя лучше всех остальных людей?» И знаете, что она ответила? «Да, — сказала она, — я так считаю. И мне хотелось бы, чтобы у меня были основания думать иначе». Подумайте только!

— Ничего больше она не говорила?

— Нет. Я отношусь к числу тех людей, которые просто не понимают тщеславия. Посему я даже не подумала продолжать разговор. И не имею ни малейшего желания продолжать его сейчас. Простите, мистер Пиккенс, но эта тема совсем не интересует меня.

— А вам известно, где сейчас находится мисс Гонда?

— Не имею ни малейшего представления.

— Но если с ней что-то случилось...

— Тогда я попрошу передать роль Салли Суини*.

Я всегда хотела писать для Салли. Она — такая милая девочка. А теперь вам придется извинить меня, мистер Пиккенс. Я очень занята.

Билл Макнитт заседал в грязном кабинете, в котором откровенно разило бильярдной: стены его были оклеены афишами картин Гонды, которые он ставил.

* В характерной для себя манере АР вставляет значащее имя. Sweeney = Свиньяна, Поросенкова.

Билл Макнитт гордился собой как гением и как мужчиной: если люди хотят видеть его, то вполне могут посидеть между окурков сигар и возле плевательницы. Он сидел, откинувшись на спинку вращающегося кресла, положив ноги на стол, и курил. Рукава его рубашки были закатаны выше локтя, открывая крупные волосатые руки. Заметив вошедшего Моррисона Пиккенса, он помахал ему громадной лапой, на корявом пальце которой колечком свернулась золотая змейка.

— Выкладывай, — объявил Билл Макнитт.

— Собственно, — ответил Моррисон Пиккенс, — выкладывать мне нечего.

— Мне тоже, — сказал Билл Макнитт, — так что проваливай.

— Не похоже, чтобы ты был очень занят, — проговорил Моррисон Пиккенс, удобно устраиваясь на брезентовом табурете.

— Я не занят. Только не спрашивай, почему. По той же самой причине, которая не дает покоя тебе.

— Полагаю, что ты имеешь в виду мисс Кей Гонду.

— С чего это ты решил предполагать, поскольку прекрасно знаешь причину. Только это тебе здесь ничем не поможет, потому что ты не сумеешь ничего выудить из меня. В любом случае я никогда не хотел с ней работать. Я бы решительным образом предпочел Джоан Тюдор. Я бы предпочел...

— В чем дело, Билл? Ты поссорился с Гондой?

— Слушай. Я расскажу тебе все, что знаю. А потом проваливай, ладно? На прошлой неделе, значит, еду я к ее пляжному домику, а она там, в море, носится между скалами на моторке... пока я наблюдал за ней,

чуть сердце не лопнуло. Ну вот, наконец, она поднимается от воды по дороге, мокрая насквозь. Ну, я и говорю ей: «Однажды вы так убьетесь», а она смотрит на меня, смотрит и говорит: «Мне это, собственно, безразлично, говорит, и не только мне одной, но и всем на свете».

— Она так сказала?

— Так и сказала. «Послушайте, говорю, если вы сломаете здесь шею, я и пальцем не пошевелю, но вы точно схлопочете пневмонию ровно посреди моей будущей картины!» Тут она смотрит на меня, странно так смотрит, как у нее в обычае, и говорит: «А может быть, новой картины не будет». И топает прямо к своему дому, а меня останавливает лакей!

— Она, действительно, так сказала? На прошлой неделе?

— Сказала. Ну, я бы беспокоился. Вот и все. А теперь вали отсюда.

— Слушай, я хотел спросить тебя...

— Не спрашивай меня о том, где она сейчас! Потому что я этого не знаю! Понятно? И, более того, большим боссам об этом тоже ничего не известно, только они помалкивают об этом! Почему, по-твоему, я сижу здесь и кормлю мух за три штуки баксов в неделю? Или ты думаешь, что они не отправили бы за ней пожарную команду, если только знали бы, где искать ее?

— Ну а если попробовать догадаться.

— Я не занимаюсь догадками. Я вообще ничего о ней не знаю. И не хочу ничего знать об этой женщине. Я к ней и близко не подошел бы, если бы по какой-то

дурацкой причине простачки не были готовы расстаться с деньгами ради того, чтобы посмотреть на ее на беленную рожу!

— Ну, эти твои слова мне не удастся процитировать в газете.

— Мне нет дела до того, что ты там цитируешь. Мне нет дела до того, что ты будешь делать, когда умотаешь отсюда в...

— Сначала в отдел рекламы, — проговорил Моррисон Пиккенс, вставая.

В отделе рекламы по плечу Моррисона Пиккенса похлопали четыре разные руки, четыре лица посмотрели на него пустыми, но ласковыми глазами, так как если бы никогда прежде на слыхали имени Кей Гонда, но все-таки с большим трудом припомнили его, а припомнив, поняли, что ничего о ней не знают, кроме самого имени. И лишь одно лицо, пятое, склонилось к уху Моррисона Пиккенса и шепнуло:

— Приятель, нам ничего не известно. Не положено знать. Но даже если бы было положено, мы все равно ничего не знали бы. Помочь тебе может только один человек. Может помочь, но на это заранее не рассчитывай. Ступай-ка к Мику Уоттсу. Уверен в том, что этот бездельник кое-что знает.

— С чего бы вдруг? Кстати, он трезвый?

— Нет. Пьянсе обычного.

Мик Уоттс исполнял обязанности личного агента Кей Гонды. Его успели уволить из каждой студии Голливуда, из каждой газеты на обоих берегах конти-

нента и из многих газет между этими двумя берегами. Однако Кей Гонда взяла его в фирму Фарроу. Там ему платили большие деньги и не возражали против его персоны, как не возражали против появления датского дога Кей Гонды на любимом шезлонге Энтони Фарроу и императрицы Жозефины.

У Мика Уоттса были светлые волосы с платиновым оттенком, лицо убийцы и голубые младенческие глаза. Он сидел в своем офисе, уронив голову на лежавшие на столе руки. Когда Моррисон Пиккенс вошел, он посмотрел на него кристально чистыми голубыми глазами, однако Пиккенс понимал, что они ничего не видят, ибо из-под стола выглядывали две пустые бутылки.

— Отличная сегодня погодка, Мик, — предложил тему Моррисон Пиккенс.

Мик Уоттс кивнул и ничего не сказал.

— Отличная и жаркая, — продолжил Моррисон Пиккенс. — Жуткая сегодня жара. Что, если мы с тобой сегодня сползаем в каптерку за чем-нибудь жидким и холодным?

— Я ничего не знаю, — отреагировал Мик Уоттс. — Побереги свои деньги. Уматывай.

— О чем ты говоришь, Мик?

— Ни о чем, совершенно ни о чем, и это относится вообще ко всему.

Моррисон Пиккенс заметил вставленный в пишущую машинку листок пресс-релиза, который сочинял Мик Уоттс. И не веря своим глазам, прочитал: «Кей Гонда не готовит на себя и не вяжет себе штанишки. Она не играет в гольф, она не призирает младенцев,

не жертвует на жизнь госпиталям для бездомных лошадей. Она не чтит старость своей старой доброй матушки, потому что у нее *нет* никакой старой доброй матушки. Она не похожа на нас с вами. Она никогда не была похожа на нас с вами. Она не похожа на все, что знакомо вам, говнюки».

Моррисон Пиккенс укоризненно покачал головой. Мик Уоттс явно не возражал против того, чтобы он прочел эти строчки. Мик Уоттс оставался на месте и рассматривал стену таким взглядом, словно успел забыть о самом существовании Пиккенса.

— Вот что, Мик, тебе, по-моему, уже пора снова выпить... а?.. как ты на это посмотришь, Мик? — проговорил Моррисон Пиккенс. — Вижу, тебе хочется.

— Я ничего не знаю о Кей Гонде, — произнес Мик Уоттс. — Я никогда не слышал о ней... Кей Гонда. Забавное имя, правда? И что в нем? Однажды я ходил к исповеди, давно... очень давно... и там говорили об искуплении всех грехов. Смешное дело, крикни «Кей Гонда» и думай, что твои грехи омыты. Заплатишь четвертак за место на балконе — и выходишь чистый как снег.

— Впрочем, если хорошенько подумать, Мик, — проговорил Моррисон Пиккенс, — я больше не буду предлагать тебе выпить. Давай лучше перекусим.

— Я не голоден и про голод забыл много лет назад. Но она голодна.

— Кто? — немедленно спросил Моррисон Пиккенс.

— Кей Гонда, — ответил Мик Уоттс.

— А ты знаешь, где она теперь собирается есть?

— На небе, — ответил Мик Уоттс. — На синем небе посреди белых лилий. Очень белых лилий. Только она туда не попадет.

— Не понимаю тебя, Мик. О чем ты на этот раз?

— Не понимаешь? Она тоже не понимает. Только все это бесполезно. Бесполезно даже пытаться распутать этот клубок, потому что как только начинаешь его мотать, немедленно оказывается, что на руках твоих больше грязи, чем ты в состоянии стереть. Во всем мире не хватит полотенца, чтобы стереть ее. Не хватит, понимаешь. В этом и вся беда.

— Ладно, забегу к тебе в следующий раз, — проговорил Моррисон Пиккенс.

Поднявшись, Мик Уоттс пошатнулся, выудил бутылку из-под стола, основательно приложился к ней, и, снова выпрямившись в полный рост, поднял сосуд к потолку, и, покачиваясь на ногах, торжественным тоном произнес:

— Великий поиск. Поиск не имеющих надежды. Почему не имеющие надежды всегда хотят надеяться? Почему нам нужна эта самая надежда, если нам становится лучше, когда мы даже не подозреваем, что ее можно обрести? Почему она делает это? Почему ей нужно причинять себе боль?

— До свидания, — распрощался Моррисон Пиккенс.

В последнюю очередь Моррисон Пиккенс на своем пути посетил костюмерную Кей Гонды. Ее секретарша, мисс Терренс, как обычно, находилась в при-

емной. Мисс Терренс не имела никаких известий от Кей Гонды уже два дня, однако каждый день являлась в костюмерную в точности в девять утра и просиживала за безупречным стеклянным столом до шести вечера. Мисс Терренс была в черном платье с ослепительно белым воротником. На носу ее сидели квадратные, без оправы очки, отлакированные ногти отличали розовым перламутром.

Мисс Терренс ничего не знала об исчезновении мисс Гонды. Она не видела ее с тех пор, как мисс Гонда два дня назад отправилась в Санта-Барбару. Однако она предполагала, что после того обеда мисс Гонда возвратилась в студию, скорее всего уже ночью. Ибо когда она, мисс Терренс, вошла в костюмерную на следующий день, то заметила, что из разложенной веером корреспонденции мисс Гонды исчезли шесть писем.

2

Джордж С. Перкинс

«Дорогая мисс Гонда!

Не скажу, что я являюсь постоянным посетителем кинематографа, однако ни одной вашей картины я пока не пропустил. И я даже не могу сказать, что так уж люблю ваши фильмы. Например, комедии с Вилли Вуки нравятся мне куда больше. Однако в вас есть нечто такое, что я непременно должен видеть. Иногда мне кажется, что в тот день, когда я перестану хотеть видеть это... в тот день я пойму, что более не живу на свете. Это нечто такое, чему я не могу даже дать имени, нечто такое, что у меня было, и я потерял его, но вы храните его для меня, храните для всех нас. Оно было у меня давным-давно, еще в детстве. Вам известно, как это бывает: когда ты очень молод, впереди тебя ждет нечто, настолько огромное, что ты боишься его, бо-

ишься, но ждешь, и оттого так счастлив. Но годы проходят, и оно так и не приходит. А потом ты однажды вдруг обнаруживаешь, что больше ничего не ждешь. Тобой овладевает печаль, и это глупо, потому что ты даже не представлял, чего именно ждешь. Я гляжу на себя и не знаю. Но когда смотрю на вас, знание возвращается.

И подчас я думаю, что, если бы каким-то чудом подобное вам существо вдруг объявилось бы в моей жизни, я бросил бы все, последовал бы за вами и с радостью положил бы свою жизнь к вашим ногам, ибо, понимаете ли, я еще остаюсь человеком.

Подлинно ваш,

*Джордж С. Перкинс
Саут-Гувер-стрит,
Лос-Анджелес, Калифорния».*

Днем 5 мая Джорджа С. Перкинса повысили в должности. Его возвели в сан помощника директора консервной компании «Нарцисс». Босс вызвал его в свой кабинет, чтобы поздравить, и сказал:

— Если кто-то когда-то и где-то заслуживал повышения, так это ты, ДжиЭс.

Джордж С. Перкинс расправил свой вязаный галстук в зеленую и синюю полоску, моргнул, кашлянул и ответил:

— Спасибо за честь, доверие оправдаю.

На что босс проговорил:

— Кто бы сомневался, старина. А как насчет порции декокта по такому случаю?

Джордж С. Перкинс проговорил:

— Не имею никаких возражений.

Босс наполнил два бокала с красными кромками и забавными черными фигурками пьянчуг, цепляющихся за фонарные столбы. Джордж С. Перкинс поднялся, принимая бокал, поднялся и босс, и они чокнулись через стол.

— Ну, за твое, — молвил босс.

— Не сглазь, — ответил Джордж С. Перкинс.

Они опорожнили бокалы, и босс продолжил:

— Наверняка ты хочешь скорее попасть домой и рассказать новость своей малышке.

— Миссис Перкинс будет очень благодарна, так же, как и я, — проговорил Джордж С. Перкинс.

За дверями кабинета босса менеджер по рекламе — остряк по природе — загнул колечком жидкую светлую прядку посреди скальпа Джорджа С. Перкинса со словами:

— Всегда знал, что ты у нас такой способный, старина, старина, старина.

Джордж С. Перкинс уселся за стол, чтобы закончить свое дневное задание. Последние двадцать лет он проводил за этим столом каждый рабочий день. Он знал его крышку от каждой прожилки старого дерева до обугленного пятнышка, которое некогда оставила на поверхности беспечно брошенная кем-то сигарета. Он так и не заметил, как и когда с широкой поверхности исчез яркий блеск, как скрестились на ней длинные серые полосы. Не заметил он, и как за-

легли между его пальцами мелкие морщинки; ведь ладони его оставались прежними, белыми, мягкими, с пальцами слишком короткими для тела, а когда он сжимал их в беспомощные небольшие кулаки, на запястьях залегали мягкие, как у младенца, похожие на браслеты складочки.

Лицо его не переменилось, кабинет не изменился, все вокруг оставалось неотвратимо знакомым, подобно чертам его собственного лица. Ножки шкафа с необходимыми документами успели глубоко врасти в ковер, который солнце опалило и сделало сероватым, оставив более насыщенное коричневое пятно под шкафом. Джордж С. Перкинс сидел на своем месте, когда в доме его ожидала невеста, сидел, когда торговец подержанными автомобилями ожидал его в своей конторе с первым в его жизни автомобилем, сидел, пока его жена в госпитале ожидала новую жизнь, уже готовую присоединиться к их собственным. И смотрел — с надеждой, с горечью, с радостью, с усталостью в одно и то же, находящееся рядом с акварелью пятнышко — серое, похожее на кролика с округлым рыльцем и одним длинным ухом.

На полке возле окна выстроились ряды жестяных банок с яркими, зелеными, красными, розовыми этикетками, постепенно выцветавшими до одного пыльно-желтого колера: грушевое и яблочное повидло, рубленое мясо и лососина. Строй их напоминал прямую неподвижную решетку. Иногда ему в голову приходила дурацкая мысль: что будет, если эта решетка перекроет окно? Однако банки с лососиной ему

нравились, потому что он сам предложил рисовавшему этикетку художнику изобразить на ней пучок зеленой петрушки возле сочного розового куска рыбы на белой тарелке, на что тот ответил:

— Прекрасная идея, мистер Перкинс. Именно то, что надо. Взывает к чувству прекрасного.

За окном до самого горизонта тянулся бесконечный лес крыш и печных труб. Небо позади крыш обретало цвет грязновато-бурый со слабым красноватым оттенком, какой бывает в кухонной миске после мытья посуды, в которой подавали свеклу. Однако на общем коричневатом фоне присутствовало и несколько розовых пятнышек, нежным отливом напоминавших весенний яблоневый цвет. Джордж С. Перкинс еще помнил, что много лет назад в этот час наблюдал розовое пятно за карнизом высокого старого дома и невольно гадал о том, что находится там, за домом, и еще дальше, за розовым пятном, в каких-то неведомых странах, где солнце еще только что встает, и что могло бы случиться с ним в неведомой дали, куда он непременно попадет однажды. Впрочем, воспоминание это много лет не приходило к нему, а старый дом скрылся за огромным черным небоскребом, на крыше которого выставили рекламный знак фирмы «Моторные масла “Торнадо”», путаным металлическим силуэтом вырисовывавшийся на фоне заката.

Джордж С. Перкинс взял два письма из недавней почты... первое было из знаменитого гольф-клуба, с приложенным конвертом для вступительного взноса, а другое — от дорогого портного. Адрес портного он

обвел красным карандашом. «Надо бы поискать хороший спортивный зал, — подумал он, — пора что-то делать с этим брюшком, которое испортит самый лучший костюм, брюшком, еще не внушительным, но все-таки проступавшим».

За окном зажглась вывеска «Моторные масла “Торнадо”», огромные литеры вспыхивали и гасли, густые капли, очеркнутые желтыми неоновыми трубками, судорожно стекали из длинной масленки в подставленное ведерко. Джордж С. Перкинс поднялся и запер свой стол, насвистывая мотивчик из музыкальной комедии, который подхватил в Нью-Йорке во время своего медового месяца. Менеджер по рекламе промолвил:

— Ну-ну!

Джордж С. Перкинс ехал домой, насвистывая за рулем «Там за морем»*. Вечер выдался прохладным, в гостиной огонь плясал в электрокаmine над псевдо-поленьями. В комнате пахло лавандой и фритюром. На каминной доске горела лампа, составленная из двух огромных игральных костей и абажура, украшенного этикетками старинных марок виски.

— Ты сегодня поздно, — заметила миссис Перкинс.

Она была в халате из коричневого крепдешина, скреплявшемся на груди брошкой с большим фальшивым бриллиантом, постоянно расстегивавшейся,

* Написанная в 1917 году песня «Over There» пользовалась популярностью в США в обеих Мировых войнах, призывая молодежь служить в армии и сражаться с «гуннами».

открывая розовое белье, дополняли наряд темно-серые толстые домашние чулки и коричневые удобные туфли. Лицом она напоминала птицу... птицу, старящуюся, неторопливо подсыхая на солнце. И ногти ее были подстрижены очень коротко.

— Ну, голубка моя, — бодрым тоном заговорил Джордж С. Перкинс. — На сегодня у меня отличная причина для опоздания.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила миссис Перкинс, — лучше послушай меня, Джордж Перкинс, тебе надо заняться своим Джорджем-младшим. Этот юноша опять притащил из школы пару по арифметике. Как я и всегда говорила, если отец не проявляет должного интереса к своим детям, чего можно ждать от мальчика, который...

— Вот что, моя дорогая, забудем пока о парне, чтобы отпраздновать...

— Что отпраздновать?

— А не понравилось бы тебе стать супругой помощника директора консервной компании «Нарцисс»?

— Понравилось бы и даже очень, — ответила миссис Перкинс. — Однако на это я уже и не надеюсь.

— Так вот, моя дорогая, ты уже являешься ею. С сегодняшнего числа.

— Ох, — восхитилась миссис Перкинс. — Мама! Иди сюда!

Явилась миссис Шлай, теща мистера Перкинса, в просторном платье из шелковой набойки с голубыми ромашками и колибри на белом фоне, с ниткой ис-

кусственного жемчуга на шее и в сетке, прикрывавшей густые седеющие светлые волосы.

— Мама, — проговорила миссис Перкинс, — Джорджи получил повышение.

— Что ж, — произнесла миссис Шлай, — как долго мы ждали этого.

— Но вы не поняли, — беспомощно моргнул Джордж С. Перкинс, — меня назначили заместителем директора... — он искал реакцию в их глазах, однако таковой не обнаружил и, запнувшись, добавил: — Всей консервной компании «Нарцисс».

— Ну и? — спросила миссис Шлай.

— Розы, — проговорил он мягким голосом, посмотрев на свою жену, — я работал ради этого целых двадцать лет.

— Этим, мой мальчик, — заметила миссис Шлай, — бахвалиться нечего.

— Но я сделал это... Двадцать лет, это же так долго... целых двадцать лет. Нетрудно устать. Но теперь... Розы, теперь мы можем расслабиться... почувствовать себя светло и непринужденно. — В голосе его на мгновение проступил молодой пыл. — Понимаешь, светло... — пыл проступил и скончался. Перкинс добавил виноватым голосом: — То есть легко, я хотел сказать.

— О чем ты говоришь? — спросила миссис Перкинс.

— Голубка моя, я тут вроде как начал... планировать... думал, вот, по дороге домой... я уже давно думал, ночами, понимаешь ли... строил планы...

— В самом деле? И не посвятил свою жену ни в один из них?

— Ну, я... это были вроде как пустые мечтания... и ты могла решить, что я размечтался... могла подумать, что я... несчастен... но это совсем не так... сама знаешь, как обстоит дело: работаешь, работаешь весь день напролет, и все идет как надо, а потом вдруг ни с того ни с сего ты ощущаешь, что не выдержишь ни одной минуты подобной жизни. Но потом это проходит. Всегда проходит.

— Уверяю тебя, — заявила миссис Перкинс, — никогда не слышала ничего похожего.

— Ну, я просто подумал...

— Перестань думать сию же минуту, — проговорила миссис Шлай, — или от жаркого останутся одни угольки.

За обеденным столом, когда служанка подала жареную баранью ногу под мятным соусом, Джордж С. Перкинс произнес:

— Вот о чем я думал, голубка...

— Во-первых, — перебила его миссис Перкинс, — нам нужно купить новый «Фриджидэр»*. У нашего старого еще тот видок. Ледники теперь никто не использует. А вот, миссис Таккер... Кора Мэй, неужели тебе обязательно надо мазать маслом сразу весь кусок? Неужели ты до сих пор не научилась есть так, как полагается леди? Да, а вот у миссис Таккер новый холодильник — просто конфетка. Внутри электрический свет и все такое.

* Американская марка холодильника.

— Но нашему всего только два года, — запротестовал Джордж С. Перкинс. — И на мой взгляд, он совсем не плох.

— Ты говоришь так, — сказала миссис Шлай, — потому что очень прижимист, однако единственное, на чем ты можешь экономить, это на собственном доме и семье.

— Я подумал, — проговорил Джордж С. Перкинс, — знаешь, дорогая, если мы будем бережливы, то через год или два сможем взять отпуск — съездить в Европу, ну там, в Швейцарию или в Италию. Словом, туда, где у них горы.

— И что?

— И озера. А еще снег на вершинах. И закаты.

— И что же мы будем там делать?

— Ох... ну... просто отдыхать, наверное. И смотреть на окрестности, примерно так. Сама знаешь, на лебедей там и на парусные лодки. Сидеть вдвоем и смотреть.

— Угу, — проговорила миссис Шлай, — именно что *вдвоем*.

— Да, — проговорила миссис Перкинс, — ты всегда умел найти способ потратить хорошие денежки, Джордж Перкинс. Я тут кручусь как раба, экономлю на всем, чтобы отложить в копилку лишний пенни. А тебе лебедей подавай. Ну, прежде чем думать о лебедях, купи-ка мне новый «Фриджидэр», вот что я тебе скажу.

— Да, — согласилась с дочерью миссис Шлай, — что нам нужно, так это новый миксер для майонеза.

И еще электрический кухонный комбайн. А кроме того, уже пора подумать о новой машине.

— Вот что, — проговорил Джордж С. Перкинс, — вы не поняли. Я не хочу ничего из того, что нам нужно.

— Как это? — спросила миссис Перкинс, оставшаяся дожидаться ответа с открытым ртом.

— Прошу тебя, Розы. Послушай меня. Ты *должна* понять... Я хочу чего-то такого, что нам не нужно вообще.

— Джордж Перкинс! Ты выпил?

— Розы, если мы начнем заново ту же самую песню... что купить... за что заплатить... машина, дом, счета от дантиста... и так далее... и снова сначала... и ничего нового — можно утратить последний шанс...

— Что с тобой случилось? Что это на тебя вдруг накатило?

— Розы, дело совсем не в том, что я несчастен. И не в том, что мне не нравится то, что я имею от жизни. Все прекрасно, все мне нравится. Только... ну, просто наша жизнь стала похожа на мой старый домашний халат, Розы. Я рад тому, что он у меня есть, он красивый, в нем тепло и уютно, он мне нравится, как нравится здесь все остальное. Выходит именно так. И ничего более. А этого мало.

— Это мне нравится! Я подарила тебе на день рождения этот шикарный халат. И вот какую благодарность я от тебя слышу! Ну, если тебе он не нравится, почему же ты не обменял его?

— Ой, Розы, дело же не в этом! Халат чудесный. Только, понимаешь ли, человек не может прожить всю

свою жизнь ради домашнего халата. Или ради вещей, к которым он относится подобным образом. Ради хороших вещей, Розы, однако этого мало, должно быть что-то еще.

— И что же?

— Не знаю. Просто так получается. Это нужно понять.

— Он тронулся, — проговорила миссис Шлай.

— Розы, человек не может жить ради вещей, ничего не значащих для него... ну, то есть не значащих для его души. В жизни должно существовать нечто такое, чего он боится... да, боится, и чему радуется. Это как ходить в церковь — только здесь речь не о церкви. Должно быть нечто такое, на что он будет смотреть снизу вверх. Нечто... высокое, Розы... Да-да, *высокое*.

— Ну, раз тебе не хватает культуры, разве я не записалась в Клуб книги месяца? Скажи, записалась?

— Ох, да я это знаю, только не могу объяснить. Розы, я прошу тебя всего об одной вещи, всего об одной. Давай съездим в отпуск. Давай попробуем. Быть может, там с нами нечто произойдет... нечто неожиданное... как бывает в мечтах. Если я откажусь от этой поездки, то сделаюсь стариком. А я не хочу стариться, пока еще не хочу, Розы. Боже мой, мне еще рано! Оставьте мне еще несколько лет, Розы.

— Ой, да твой отпуск меня не волнует. Можешь получить свой отпуск, если мы сможем позволить его себе после того, как уладим все важные дела. Сначала главное, понимаешь. В первую очередь нужно думать о важном. О новом «Фриджидэре», напри-

мер. Наш старый уже никуда не годится, в нем все постоянно портится. Вот у меня было яблочное повидло и...

— Ма-а, — протянула Кора Мэй, — а Джордж-младший таскал повидло из холодильника. Я сама видела.

— Я не таскал! — воскликнул Джордж-младший, поднимая бледную физиономию над тарелкой.

— Таскал, таскал! — заверещала Кора Мэй.

Третий ребенок, Генри Бернард Перкинс, в скандале участия не принимал. Он сидел на высоком стульчике перед миской с кашей, задумчиво пуская слюни на клеенчатый нагрудник с изображением Матушки Гусыни.

— Ну вот, например, — проговорила миссис Перкинс, — если бы Джордж-младший действительно съел это повидло, страшно сказать, что стало бы с его животом. Повидло точно испортилось. Этот холодильник...

— А мне казалось, что он исправен, — возразил Джордж С. Перкинс.

— Ах, ему казалось? Это все потому, что ты не видишь ничего дальше собственного носа. Тебя не волнует, что твои дети едят увядшие овощи. А позволь мне сказать: ничего хуже увядших овощей в природе не существует. Миссис Таккер была на лекции, так там дама говорила, что если не давать детям достаточное количество тех витаминов, которые идут на рост костей, у них будет рахит. Вот что у них будет.

— В мое время, — проговорила миссис Шлай, — родители старались думать о том, чем они кормят

своих детей. Возьмем, к примеру, китайцев. Они ничего не едят, кроме риса. Вот почему все китайцы болеют рахитом.

— Вот что, мама, — проговорил Джордж С. Перкинс, — кто вам это сказал?

— Я знаю, о чем говорю, — отрезала миссис Шлай, — не одни только бизнесмены знают что почем!

— Но мама. Вовсе не... Я только хотел сказать, что...

— Не волнуйтесь, Джордж Перкинс. Ничего особенного. Я прекрасно знаю, что именно вы хотели сказать.

— Оставь маму в покое, Джордж.

— Но, Роза, я не...

— Розали, с ним говорить бесполезно. Если у мужчины хватает порядочности только на то, чтобы...

— Мамаша, вы оставьте нас с Розой...

— Я понимаю. Я прекрасно понимаю вас, Джордж Перкинс. В наши дни старой мамочке остается только заткнуться и ждать, пока ее отнесут на кладбище!

— Мадам, — набрался отваги Джордж С. Перкинс, — нельзя ли попросить вас перестать... скандалить.

— Ах, так? — взвизгнула миссис Шлай, бросая салфетку в соус. — Так, значит, получается? Значит, я мешаю вам? Значит, я вам в тягость, так? Отлично, рада, что вы это сказали, мистер Перкинс! А я, несчастная дура, надрываюсь в этом доме, думая, что это мой собственный дом! Полирую им плиту, только

вчера это было, пока все ногти не переломала! И вот благодарность за это! Что ж, не желаю больше терпеть этого ни единой минуты! Ни минуты!

Она вскочила, дергая складками кожи на шее, и вылетела из комнаты, хлопнув за собой дверь.

— Джордж! — проговорила миссис Перкинс с округлившимися от ужаса глазами. — Джордж, если ты не извинишься, мама уйдет от нас!

Джордж С. Перкинс воздел глаза к потолку и моргнул. Усталость, накопившаяся за годы, счет которым он потерял, вдруг придала ему отчаянную смелость.

— Ну и пусть... пусть уходит, — проговорил он.

Миссис Перкинс замерла на месте, наклонилась вперед. А затем закричала:

— Значит, дошло уже и до этого? Так вот что оно делает с твоей семьей, твое крупное повышение? Явился домой и уже успел перессориться со всеми... готов вышвырнуть в уличную канаву старую мать своей жены! Если ты считаешь, что я намереваюсь...

— Послушай, — неторопливо проговорил Джордж С. Перкинс. — Я терпел ее столько, сколько мог. Лучше пусть уходит. Все равно этим, рано или поздно, и кончится.

Миссис Перкинс выпрямилась, и брошка с фальшивым бриллиантом на ее груди расстегнулась.

— Послушай-ка теперь меня, Джордж Перкинс. — Ее тонкий голос трепетал и захлебывался сухими звуками, исходившими откуда-то из гортани. — Если ты не извинишься перед мамой, если ты не извинишь-

ся перед ней до завтрашнего утра, я до самой смерти не буду разговаривать с тобой!

— Не возражаю, — проговорил Джордж С. Перкинс. Обещание это он слышал уже много раз.

Миссис Перкинс, взрыдав, бросилась вверх по лестнице в свою спальню.

Джордж С. Перкинс неловко поднялся и, тяжело ступая, побрел вверх по лестнице, склонив голову, уставившись на округлость собственного живота, одряхлевшая лестница крикала под его шагами. Кора Мэй с любопытством наблюдала за тем, куда направит свои стопы отец. Не сворачивая к двери в комнату миссис Перкинс, он пошаркал дальше по коридору в собственную спальню.

Джордж-младший протянул руку через стол, стащил с тарелки миссис Шлай оставшийся на ней кусок бараньей ноги и торопливо переправил его в рот...

Часы в гостиной пробили десять раз.

В доме погашены были все огни, если не считать неяркой лампочки, светившей в окне спальни Джорджа С. Перкинса, понуро сидевшего на постели в линялом купальном халате из сиреневой фланели и задумчиво изучавшего носки старых шлепанцев.

В дверь позвонили.

Джордж С. Перкинс вздрогнул. Это было странно; его окно располагалось как раз над крыльцом, а он не слышал шагов ни по улице, ни через лужайку, ни по бетонному полу крыльца.

Служанка уже ушла на ночь домой. Он нерешительно поднялся и зашаркал вниз по скрипучим ступеням.

Пройдя через темную прихожую, он отворил дверь.

— О, Боже мой! — только и сказал Джордж С. Перкинс.

На крыльце его стояла женщина в прямом черном костюме, застегнутом под самым подбородком, в шляпке с широкими мужскими полями, низко надетой на один глаз; он заметил плотно облегающую руку черную перчатку, блеснувшую в скудном свете лампы крыльца... тонкую невероятную руку, сжимавшую черную сумочку. Из-под полей шляпы выбивалась прядка светлых волос. Он не был знаком с этой женщиной, однако слишком хорошо знал ее лицо.

— Прошу вас, молчите, — шепнула она, — и впустите меня в дом.

Растопыренная пятерня прикрывала рот Джорджа С. Перкинса, и он самым дурацким образом пробормотал:

— Вы... вы... вы...

— Кей Гонда, — проговорила женщина.

Ладони его гирями свалились вниз, увлекая за собой руки. Ему пришлось заново учиться говорить. Он попытался. Издав нечленораздельный протяжный звук, превратившийся в — ч-ч-что...

— Вы Джордж Перкинс? — спросила она.

— Д-да, — неуверенно выговорил он. — Да, мэм. Джордж Перкинс. Джордж С. Перкинс. Да.

— Я попала в беду. Вы слышали об этом?

— Д-да... О, Боже!.. Да...

— Мне надо спрятаться. На одну ночь. Позво-
те ли вы мне остаться у вас?

— У меня?

— Да. На одну ночь.

Это была не его прихожая. Это был не его дом. Он не мог услышать слова, которые только что услышал.

— Но вы... — он запнулся. — То есть... как... ну, *почему вы...*

— Я прочла ваше письмо. И подумала, что у вас меня никто не будет искать. И что вы захотите помочь мне.

— Я... — Он задохнулся. — Я... — Возвращаясь, слова обжигали его гортань, потерявшую все умение произносить звуки. — Мисс Гонда, пожалуйста, простите меня, вы знаете, как это бывает... то есть, если я не кажусь вам... ну если вам нужна помощь, вы можете провести здесь весь остаток дней своих, и если кто-то попытается... нет ничего, что я не сделал бы ради вас... если вы нуждаетесь во мне... во мне... мисс Гонда!

— Благодарю вас, — проговорила она.

— Проходите сюда, — прошептал он. — Не шумите... сюда.

Он провел ее вверх по лестнице, и она следовала за ним как тень, так что он не слышал ее легких шагов за своей тяжелой поступью.

Закрыв за собой дверь собственной спальни, он задернул шторы на окнах, а потом остановился, разглядывая ее бледное лицо, широкий рот, глаза, при-тененные длинными ресницами, глаза, видевшие

слишком много, глаза, подобные звуку... глаза, подобные множеству звуков... глаза, говорящие то, что он давно хотел понять, всегда опаздывая на один, последний звук... глаза, готовые объяснить ему смысл того, что они говорили.

— Так это вы... — пробормотал он. — Это вы... Кей Гонда.

— Да, — сказала она.

Кей Гонда бросила свою сумочку на его кровать, сняла с головы шляпку и швырнула на его комод. Стащила с рук перчатки, и он с волнением увидел длинные прозрачные пальцы, ладони, казавшиеся призраком обыкновенных человеческих рук.

— То есть... вы хотите сказать, что вас действительно разыскивают?

— Полиция, — проговорила она, и спокойным тоном добавила: — За убийство, как вам известно.

— Послушайте, но они не могут арестовать вас. Только не вас. Это ни во что не укладывается. Если я могу что-то сделать...

Он умолк, прикрывая ладонью рот. В коридоре зазвучали шаги, тяжелые, торопливые, шлепанцы хлопали по босым пяткам.

— Джордж! — слышался из-за двери голос миссис Перкинс.

— Да, г-голубка?

— Кто это звонил у дверей?

— Н... никто, голубка. Кто-то ошибся адресом.

Они вдвоем стояли, прислушиваясь к удалявшейся по коридору поступи шлепанцев.

— Это моя жена, — шепнул он. — Нам... нам лучше помалкивать. Она женщина нормальная. Только она... она ничего не поймет.

— Если меня застанут у вас, — проговорила она, — это может повредить вам.

— Мне все равно... меня это не волнует.

Она улыбнулась ему той самой неторопливой улыбкой, которую он столько раз видел в бездонной дали, на экране. Только теперь лицо это находилось перед ним. И он угадывал слабый красный отсвет на ее бледных губах.

— Что ж, — моргнув, он беспомощно развел руки, — что ж, почувствуйте себя как дома. Можете заночевать здесь. А я... я спущусь в гостиную и...

— Нет, — ответила она. — Я не хочу спать. Оставайтесь здесь. Нам, вам и мне, нужно поговорить очень о многом.

— О, да. Конечно... то есть... о чем же, мисс Гонда?

Она опустилась на постель, не замечая этого, так, словно бы провела в этой комнате всю жизнь.

Он присел на краешек кресла, поплотнее завернувшись в старый купальный халат, горько и неявно для себя самого сожалел о том, что не купил тот, новый, который понравился ему на распродаже компании «Дей».

Ее широкие, бледные, полные удивления глаза были обращены к нему, словно бы она чего-то ждала. Моргнув, он кашлянул.

— Холодная сегодня выдалась ночь, правда, — пробормотал он.

— Да.

— Такова Калифорния... Золотой Запад, — добавил он. — Солнце светит весь день, но становится холодно, когда... но очень холодно ночью.

— Бывает.

Ему казалось, что она ухватила в самой глубине его нечто непонятное, ухватила и стиснула своими невозможными голубоватыми пальцами, потом потянула, причинив боль, которую он помнил по временам, очень далеким, и теперь оказалось, что он в состоянии снова ощутить эту боль, заставившую его задохнуться.

— Да, — проговорил он, — ночью всегда холоднее.

— Дайте мне сигарету, — попросила она.

Вскочив, он залез в карман своего пиджака, извлек из него пачку и дрожащей рукой поднес ей. Он сломал три спички, прежде чем ему удалось зажечь четвертую. Она откинулась назад, красное пятнышко трепетало на конце сигареты.

— Я... такие вот я курю, — пробормотал он, — меньше раздражают горло...

Это мгновение он ждал сорок лет. Сорок лет... для того, чтобы увидеть изящный черный силуэт, присевший на постеленное на его кровати лоскутное покрывало. Он не мог поверить в это мгновение, но ведь ждал его. Ждал и знал, что ждет. Так что же он хотел сказать ей?

— Вот Джо Таккер — один мой приятель, так вот, этот Джо Таккер курит сигары. А я так и не привык к ним, — сказал он.

— У вас много друзей? — спросила она.

— Да, конечно. Конечно же, много. Не могу пожаловаться.

— И вам приятно быть с ними?

— Конечно, вполне приятно.

— А вы им нравитесь? Они уважают вас и кланяются вам на улице?

— Ну... ну, наверно, да.

— А сколько вам лет, Джордж Перкинс?

— В этом июне исполнится сорок пять.

— А вам будет тяжело — не правда ли? — потерять свою работу и оказаться на улице? На темной и одинокой улице, когда ваши друзья будут проходить мимо вас и смотреть в сторону, не замечая, как нечто не существующее в природе? И вам захочется закричать, обратить на себя их внимание, чтобы рассказать о ведомых вам великих тайнах, но никто не захочет услышать вас и никто не решится ответить?

— Но... когда... когда может случиться нечто подобное?

— Когда меня обнаружат у вас, — спокойным голосом проговорила она.

— Послушайте, — возразил он. — Не будем беспокоиться об этом. Вас здесь не найдут. И я не боюсь за себя.

— Они ненавидят меня, Джордж Перкинс. И ненавидят всех тех, кто принимает мою сторону.

— Но почему они ненавидят вас?

— Потому что я — убийца, Джордж Перкинс.

— Ну, знаете, если спросите мое мнение, я в это не верю. Я даже не стану спрашивать вас о том, почему вы сделали это. Я просто не верю.

— Если вы про Грантона Сэйерса... нет, я не хочу говорить о Грантоне Сэйерсе. Забудем о нем. Но я остаюсь убийцей. Во многих отношениях. Видите ли, я пришла к вам и, возможно, разрушу вашу жизнь — все, что вы считали своей жизнью целых сорок пять лет.

— Это не так уж много, мисс Гонда, — прошептал он.

— Вы всегда смотрите мои фильмы?

— Всегда.

— И выходя из кинотеатра, вы чувствуете себя счастливым?

— Да. Конечно... Впрочем, нет. Наверное, нет. Забавно, подобное соображение ни разу не приходило мне в голову. Я... мисс Гонда, — вдруг проговорил он, — а вы не будете смеяться, если я кое-что скажу вам?

— Конечно же, нет.

— Мисс Гонда, я... после каждой вашей новой ленты я плачу. Запираюсь в ванной комнате и рыдаю. Сам не знаю, почему. Конечно, глупо, когда взрослый человек ведет себя подобным образом... И я ни единой душе не рассказывал об этом, мисс Гонда.

— Я знаю это.

— Вы... откуда?

— Я же сказала вам, что я — убийца. И я убиваю многое. Я убиваю в мужчинах то, чего ради они живут. Однако они приходят в кинотеатры, чтобы увидеть меня, потому что я позволяю им понять, что они сами хотят, чтобы их цели погибли. Что они хотят жить ради других, более высоких целей. Или хотя бы дума-

ют, что хотят. И в этом заключена вся их гордость, что они так думают и говорят.

— Я... боюсь, что я не вполне понимаю вас, мисс Гонда.

— Однажды поймете.

— Вот что, — спросил он, — вы и в самом деле сделали это?

— Что?

— Вы действительно убили Грантона Сэйерса?

Она посмотрела на него и ничего не ответила.

— Мне... я просто хотел узнать, почему вы смогли это сделать, — пробормотал он.

— Потому что я не могла больше терпеть его. Бывает так, что ты не в состоянии больше терпеть.

— Да, — проговорил он. — Такое случается.

Голос его сделался ровным, естественным и уверенным в себе.

— Вот что, — проговорил он. — Я не отдам вас полиции. Пусть сперва разберут по камешку весь дом. Даже если они явятся сюда с газовыми бомбами и всем прочим.

— Почему? — спросила она.

— Не знаю... только...

— В вашем письме было сказано...

— Ах да, — он осекся. — А знаете, никогда не думал, что вы прочтете эту глупую бумажонку.

— Совсем не глупую.

— Ну, вы должны простить меня, мисс Гонда, сами знаете, такой уж народ мы, кинолюбцы, и у вас, наверно, много таких поклонников, я имею в виду, и писем от них.

— Мне приятно думать, что я не безразлична людям.

— Вы должны простить меня, если в этом письме наговорил чего-то резкого и слишком личного.

— Вы писали, что не ощущаете себя счастливым.

— Я... я не собирался жаловаться, мисс Гонда, или... Просто... не знаю, как объяснить... Должно быть, я что-то потерял по пути. Не знаю, что именно, но знаю, что потерял, только не знаю причину.

— Но, быть может, вы и хотели утратить это самое нечто?

— Нет. — Голос его был тверд. — Нет.

Он поднялся и стал, глядя ей в лицо.

— Понимаете ли, я не могу назвать себя несчастным. Более того, я очень счастлив, если разложить все по полочкам. Только какая-то частица меня знает о жизни, которой я никогда не жил, о жизни, которой никто не жил, хотя должен был жить.

— Вы это знаете? Так почему же вы сами не живете такой жизнью?

— А кто живет? Кто способен на это? Кто вообще получает шанс на... на самое близкое и возможное подобие? Мы все стараемся что-то выторговать. Мы берем только второй сорт. Потому лишь, что другого нет. Но... Бог в каждом из нас знает это другое... самое лучшее... которое никогда не приходит.

— Ну... а если оно придет?

— Мы вцепимся в это лучшее, потому что в нас есть Бог.

— И... вы действительно хотите этого? Тот Бог, который в вас?

— Слушайте, — сказал он суровым тоном, — я твердо знаю: пусть они, копы, придут сюда и попытаются увести вас. Пусть они даже сломают весь этот дом. Я сам построил его, пятнадцать лет ушло у меня на то, чтобы за него расплатиться. Пусть разбирают его по кирпичику. Пусть приходят сюда, пусть кто угодно приходит сюда за вами...

Дверь распахнулась настежь.

На пороге стояла миссис Перкинс, комкавшая на животе застиранный синий вельветовый халат. Длинная, розово-серая хлопковая ночная рубашка спускалась на носки поношенных бархатных шлепанцев. Волосы ее были собраны на затылке тугим и жидким пучком, из которого на шею выпадала булавка. Миссис Перкинс дрожала.

— Джордж! — охнула она. — Джордж!

— Тихо, моя голубка... входи... и закрой дверь!

— Мне показалось, что я услышала голоса. — Булавка скользнула между ее лопатками.

— Розы... это... мисс Гонда, позвольте представить — моя жена. Розы, это мисс Гонда, понимаешь, мисс Кей Гонда!

— В самом деле? — произнесла миссис Перкинс.

— Розы... ну, ради Бога! Ты не поняла? Это мисс Гонда, кинозвезда. Она... она, как ты знаешь, попала в беду, ты слышала об этом и в газетах писали...

Он в отчаянии повернулся к своей гостье, ожидая от нее поддержки. Однако Кей Гонда не пошевели-

лась. Она встала, встала и замерла, уронив по бокам бессильные руки, огромные глаза ее смотрели на них обоих, не моргая, без выражения.

— Всю свою жизнь, Джордж Перкинс, — проговорила миссис Перкинс, — я знала, что ты — подлый лжец! Но это уже выше всякой меры! Чтобы у человека хватило совести привести эту бродяжку в свой собственный дом, в свою спальню!

— Да заткнись ты! Рози! Послушай! Это такая огромная честь, что мисс Гонда решила... Послушай же! Я...

— Ты? Ты точно пьян! И я не стану слушать ни единого твоего слова, пока ты не выставишь эту бродяжку из дома!

— Рози! Послушай и успокойся, ради Бога, послушай, тебе не о чем волноваться, дело в том, что мисс Гонду разыскивает полиция и...

— Ох!

— ...по делу об убийстве...

— Ох!

— ...и она просит разрешения переночевать у нас. И все.

Миссис Перкинс расправила халат, ночная рубашка вылезла из него на груди, выцветшие голубые розы и бабочки трепетали на серовато-розовом фоне.

— Послушай меня, Джордж Перкинс, — сказала она неторопливо. — Я не знаю, что случилось с тобой. Не знаю. И не хочу знать. Скажу тебе только одно: или эта женщина сию минуту уберется из этого дома, или уйду я.

— Но голубка, позволь мне объяснить.

— Я не нуждаюсь в объяснениях. Я заберу свои вещи и детей тоже. И буду молить Бога, чтобы мне не пришлось еще раз увидеть тебя.

Голос ее оставался медленным и спокойным. И он понял, что на сей раз она действительно так и поступит.

Она ждала. Он молчал.

— Вели ей убираться отсюда, — сквозь зубы прошипела она.

— Розы, — пробормотал он, задохнувшись, — Я не могу этого сделать.

— Джордж, — прошептала она, — мы прожили вместе пятнадцать лет...

— Я это знаю, — ответил он, не глядя на нее.

— Мы же боролись с тобой, трудились, разве не так? Вместе, ты и я.

— Розы, всего только на одну ночь... если бы ты знала...

— И не хочу знать. Не хочу знать, по какой причине мой муж ставит меня в такое положение. Не хочу знать, кто она, особа легкого поведения, убийца или, может быть, и то и другое вместе. Я была тебе верной женой, Джордж. Я отдала тебе лучшие годы моей жизни. Я родила твоих детей.

— Да, Розы...

Он посмотрел на ее осунувшееся лицо, на морщинки, залегшие в уголках тонкогубого рта, на руку, все еще глупо комкавшую на животе полинялый халат.

— Дело не во мне, Джордж. Подумай о том, что будет с тобой. Ты укрываешь убийцу. Подумай о детях.

— Да, Розы...

— И о своей работе. Ты только что получил повышение. Мы как раз намеревались купить новые портьеры в гостиную. Зеленые, которые ты всегда хотел.

— Да, Розы.

— Тебя же выгонят из компании, как только узнают об этом.

— Нет, Розы.

Он оглянулся в надежде на слово, на взгляд женщины в черном. Он хотел, чтобы она приняла решение. Однако та не шевельнулась, словно бы сцена вовсе не касалась ее.

— Подумай о детях, Джордж.

Он не ответил.

— Мы ведь были счастливы с тобой, правда, Джордж?.. целых пятнадцать лет.

Он представил себе темную ночь за окном, и за ночью этой бесконечный мир, неведомый и грозный. Он любил свою комнату. Розы полтора года шила для него это самое одеяло. А у женщины этой были светлые волосы... холодные, золотые, к которым никто не смел прикоснуться. Розы связала ему ко дню рождения тот самый галстук в синюю и зеленую полоску, что лежал теперь на комод. В другой женщине, в ее тонких белых ладонях чувствовалось нечто бесчеловечное. Пройдет еще один год, и Джорджу-младшему

пора будет поступать в среднюю школу; и он часто думал о том колледже, в котором Джордж-младший будет носить черную мантию и забавную квадратную шапочку. Улыбка этой женщины причиняла ему боль. Роза пекла превосходные оладьи, в точности такие, какие он любил. Помощник бухгалтера всегда завидовал ему, всегда хотел стать заместителем директора, и теперь он обошел этого типа. Гольф-клуб предоставлял возможность завязывать самые лучшие в городе связи, притом среди самых лучших его членов, солидных респектабельных людей, отпечатки пальцев которых не хранятся в полиции и портреты их не появляются на первых страницах газет по подозрению в убийстве. Эта женщина говорила ему о темной и пустынной улице, на которой ему будет хотеться вопить... вопить... вопить... А Роза была ему доброй женой, трудолюбивой, терпеливой и верной. Жить ему оставалось лет двадцать, а может быть, тридцать, не более того. А потом жизнь будет кончена.

Он повернулся к женщине в черном костюме.

— Простите меня, мисс Гонда, — произнес он уже голосом деловым, каким заместителю директора надлежит обращаться к секретарше, — но в сложившихся обстоятельствах...

— Понимаю, — проговорила Кей Гонда.

Подойдя к комоду, она надела свою шляпку, нагнув ее на один глаз. Потом натянула перчатки и взяла с постели сумочку.

Все трое молча спустились по лестнице, и Джордж С. Перкинс открыл дверь. Кей Гонда повернулась к миссис Перкинс.

Джордж С. Перкинс

— Простите меня, — сказала она. — Я ошиблась адресом.

Стоя на крыльце, они проводили взглядом уходившую по улице изящную черную фигуру, наконец, под светом фонаря блеснули золотые волосы.

Джордж С. Перкинс обнял жену за талию.

— Мама спит? — спросил он.

— Не знаю. Но почему ты спрашиваешь?

— Я подумал, что нужно зайти и поговорить с ней. Подлатать отношения. Она лучше меня знает о том, какой «Фриджидэр» надо покупать.

3

Джереми Слайни

«Дорогая мисс Гонда!

Думаю, што лучши вас никакой кинозвезды не было. И скажу што каждая ваша фильма шикарна. И со дна своего сердца хощу поблагодарить вас за то щастье, которое вы даете нам в нашей старости. Других кинозвезд много, но они не такие. Таких как вы больше нет и никогда не было. Мы с женой дождаемся каждой вашей новой фильмы, посещаем все сеансы и возвращаемси домой на следующий день. Нам вы не штобы просто нравитесь. Посетить вашу фильму все равно как в церкву сходить, токо лучше. Я так и не понял, как случается, что вот вы играете скверную женщину и других таких, но всякий раз вижу, что получается святая Божья мать, и не могу понять, как это выходит. Вы для нас все равно как родная доча, такая какой у нас не было.

У нас, меня то есть и жены, трое детей, две девочки, только они не как вы. Мы всего лишь простые старики, мисс Гонда, и вы — все, что у нас есть. Мы хотим отблагодарить вас, тока я не знаю, как это сказать, потому што никогда не писал писем таким важным леди как вы. И если мы могли што-та сделать, штобы показать вам, какие мы благодарные, патамушта долгая жизнь нас уже не ждет.

Почтительно ваш,

*Джереми Слайни
Бульвар Вентура
Лос-Анджелес, Калифорния».*

Вечером пятого мая Джереми Слайни праздновал золотую годовщину собственной свадьбы.

Стол расставили посередине гостиной. Миссис Слайни извлекла из комода лучший комплект серебряной утвари, все утро полировала ее, а потом аккуратно расставила под светом висячей медной масляной лампы.

— А индюшка у нас будет? — спросила она утром.

— Знамо дело, — ответил Джереми Слайни.

— Это последняя, Па. Я как раз думала, что если свезти ее в город, то можно...

— Ой, Ма, золотая свадьба в жизни бывает только один раз.

Мисс Слайни вздохнула и побрела на задний двор ловить индейку. Стол накрыли на девять пер-

сон. На праздник собрались дети. После воздушно-го лимонного пирога Джереми Слайни, злодейски подмигнув, раскупорил галлон своего лучшего крепкого сидра.

— Вот так, — усмехнулся он, — по случаю.

— Тебе прекрасно известно, — провозгласила старшая дочь, миссис Юстас Хеннеси, — что я не прикоснусь к этому зелью.

— Я заменю тебя, Моды, — отреагировала миссис Чак Финк, младшая.

— Ну-ну, — просиял Чак Финк, — за такое радостное событие выпить должен всякий. Вреда от этого не будет! Стаканчик за день опрокинь, и доктор сгинь.

— Вот что вам всем скажу, Мелисса этого вот пить не будет, — сказала миссис Юстас Хеннеси. — Пусть другие люди делают все, что им угодно, но дочь свою я воспитаю так, как положено воспитывать леди.

Джереми Слайни наполнил восемь бокалов. Мелисса Хеннеси, единственная среди всех прочих внуков, по возрасту удостоенная присутствия, бросила мрачный взгляд на мать, но ничего не сказала. Мелисса Хеннеси вообще заговаривала редко. Ей уже исполнилось двадцать лет, хотя мать ее настаивала на том, что ребенку еще только восемнадцать. Тусклые каштановые волосы тугими кудряшками неудачного перманента окружали лицо, усыпанное не покидавшими кожу угрями. На ней было длинное зеленое платье из хлопчатобумажного муслина в мелкий го-

рошек, с модными оборками, высокими и жесткими на плечах, плоские коричневые оксфордские туфельки с резными язычками и новые с иголки часики на кожаном ремешке.

— Ну, поехали с ветерком Санта-Анны*, как говорят в светском обществе, — заносчивым тоном произнесла миссис Улисс С. Грант Слайни, поднимая бокал.

— И здесь твои модные штучки, Анжелина, — умиротворяющим тоном проговорил Улисс С. Грант Слайни. При своем длинном носе и худой шее, торчавшей из воротника, он всегда казался угрюмым.

Анжелина Слайни пожала плечами. Крупные целлулоидные серьги в ее ушах звякнули друг о друга, прикоснувшись к ее коже, пять целлулоидных браслетов звякнули, ударившись об косточку на запястье.

— Тост! — воскликнул Чак Финк. — Нужен тост!

— Ага, сейчас, — промолвил Джереми Слайни, беспомощно замерев на ногах, сторбившийся, смущенный, широко расставивший ладони с коротким обрубком на месте левого мизинца. — Ну, вот что, я никогда еще... даже не знаю как... я...

— Я скажу за тебя, — проговорил, вскочив с места Чак Финк. Он был не слишком высок ростом; жилет его обтягивал круглое брюшко, а улыбка — круглую

* *Veter santee* — характерные для Калифорнии ветры, связываемые с вечерней выпивкой.

физиономию, на которой торчал короткий нос с широкими ноздрями.

— За лучших родителей под всем Господним солнышком, — рассиялся Чак Финк. — Многих, многих и счастливых лет. Да будут они тихими и спокойными на этой старой доброй ферме.

Миссис Юстас Хеннеси толкнула в бок своего мужа, придремавшего над тарелкой с пирогом. Юстас Хеннеси вздрогнул, потянулся одной рукой к бокалу, другой — к одному из усов, механическим движением подкручивая острую тонкую нафабренную стрелку.

И все выпили, кроме Мелиссы.

Миссис Джереми Слайни тихо сидела в тени во главе стола, крохотные ладони ее были сложены на коленях, на бесцветных губах почивало мягкое, не требующее слов вдохновение. Ясное лицо морщинистого херувима светилось под блестящими белыми волосами, прекрасно расчесанными и уложенными желтоватым пучком на затылке. На ней было парадное платье из лоскутов сиреневой тафты, небольшая желтая кружевная шаль, скрепленная лучшей булавкой из тусклого золота.

— Ладно, — проговорила миссис Юстас Хеннеси, — старая добрая ферма и все такое, это очень хорошо, но мне думается, что тебе, Па, нужно что-то сделать с этой дорогой. Скажу честно, едва душу из меня не вытрясло, когда мы подъезжали сюда.

— Ничего, — возразила Анжелина Слайни, — иногда можешь и потерпеть. Видит Бог, ты здесь не часто бываешь.

— Когда мне нужно чье-то мнение, — проговорила миссис Юстас Хеннеси, — я прошу людей высказать его.

— Ладно тебе, Моды, — Юстас Хеннеси зевнул. — Дорога не так уж плоха. Тебе бы поездить по некоторым дорогам, которые случаются в этих местах.

Юстас Хеннеси работал коммивояжером косметического концерна.

— Некоторым людям приходится ездить, — высказалась миссис Чак Финк, — а некоторым не приходится. Вот так.

У Чака Финка было собственное дело — ночной ресторанчик на Саут-Мэйн-стрит, называвшийся «У Чака», с восемью высокими табуретами у стойки и электрической кофеваркой.

— Что ты, что ты, Флобель, — заторопился Джереми Слайни, ощутив опасность, — все мы делаем то, что можем, как позволяет Бог.

Когда со стола убрали и все уселись кружком на старых потертых креслах, глядя в окна, за которыми высокие серые травы негромко терлись о подоконник; когда Джереми Слайни раскурил свою трубку, Юстас Хеннеси — сигару, Анжелина Слайни — сигарету под испепеляющими взглядами сестер мужа, и Мелисса с таинственным видом исчезла на кухне, миссис Джереми Слайни умиротворенно вздохнула и застенчивым голосом проговорила, нервно сплетая и расплетая маленькие пальцы:

— Кстати, а как насчет закладной... послезавтра как раз срок?

Наступило мертвое молчание.

— Интересно, сколько же народа носится по горам в нынешние времена, — заметил Чак Финк, разглядывая дальние лучи фар, — и это в такое позднее время. Тем более что в горах.

— Если мы не заплатим, у нас отберут дом. Банк, который давал залог, — проговорила миссис Джереми Слайни.

— Трудные времена настали, — проговорила миссис Юстас Хеннесси. — У каждого из нас свои беды.

— Если... жаль будет потерять этот старый дом, — усмехнулся Джереми. Выцветшие голубые глаза его моргнули под влажной, чуть беловатой пленкой. На благородном старом лице его появилась неуверенная улыбка.

— Каждый из нас должен нести свой крест, — вздохнула миссис Юстас Хеннесси. — Времена теперь не такие, как прежде. Вот если взять нас, к примеру. Надо подумать о будущем Мелиссы. В наши дни девушка должна кое-чем располагать, чтобы выйти замуж. Мужчины теперь привередливы. Другое дело люди, у которых есть собственное дело.

— У Чака-младшего коклюш, — заторопилась миссис Чак Финк, — и доктор выставляет нам жуткие счета. Мы никак не можем вылезти из долгов. Но, может быть, что-то скажут люди, так и не познавшие родительских радостей.

Она с возмущением посмотрела на Анжелину Слайни. Та передернула плечами, серьги ее звякнули.

— Хорошо, что некоторым людям не приходится цениться каждые девять месяцев, — мрачным тоном проговорил Улисс С. Грант Слайни. — Человек имеет возможность подумать о своем будущем. Каким, скажите, образом я сумею купить собственную мясную лавку? Или вы думаете, что я намереваюсь весь остаток своей жизни кроить гамбургеры на чужого дядю?

— Мы прожили в этом доме пятьдесят лет, — проговорила миссис Джереми Слайни и тихо вздохнула. — О боже! Что теперь с нами будет?

— При том, как несутся куры, — вздохнул Джереми Слайни, — и том, что осталось от цены за последнюю корову, которую нам пришлось продать... нам не хватает денег, чтобы внести залог. — Он усмеялся. Он всегда усмеялся, когда говорил, производя неуверенный какой-то смешок, скорее похожий на стон.

— О боже! — снова вздохнула миссис Джереми Слайни. — Значит, нас тогда ждет богадельня.

— Трудные сейчас времена, — еще раз пожаловалась миссис Юстас Хеннесси.

Снова настало молчание.

— Ну что ж, — проговорил Чак Финк, с шумом вставая, — смотрю, а уже одиннадцатый час, да еще до дома придется ехать двадцать миль. Так что пора ехать, Флобель. Пора и в постельку. Завтра надо рано вставать. Только ранняя пташка склевывает старые добрые пяточки.

— И нам тоже пора, — сказала миссис Юстас Хеннесси, поднимаясь. — Мелисса! Куда подевалась эта девица? Мелисса!

Та вышла на зов из кухни, несколько покраснев-
шись под прыщами.

У дверей начались поцелуи и рукопожатия.

— А теперь, Ма, ложись спать, — проговорила
миссис Чак Финк. — И не засиживайся допоздна со
своими тревогами.

— Ну ладно, люди, пока, — проговорил Чак
Финк, забираясь в свою машину. — Радуйтесь и улы-
байтесь. Самый темный час сменяется серебряной
зарей.

Миссис Юстас Хеннеси несколько удивилась
тому, что Мелисса как-то неуверенно садилась в ма-
шину и как будто бы не сразу нащупала дверь.

Мистер и миссис Джереми Слайни, стоя на доро-
ге, проводили взглядом три подпрыгивавших на уха-
бах небольших красных огонька, растворявшихся в
повисшем над землей облачке пыли.

А потом они вернулись в дом, и Джереми Слайни
запер дверь.

— О боже! — вздохнула миссис Слайни. — Па,
нас с тобой ждет богадельня.

Погасив свет, они задернули шторы на окнах, и
миссис Слайни уже была готова в своей мягкой
фланелевой ночной рубашке забраться в постель,
как вдруг остановилась, повернулась и прислу-
шалась.

— Па, — прошептала она в тревоге.

Джереми Слайни откинул с головы одеяло:

— Что такое?

— Па, ты слышишь?

— Нет. Что я должен слышать?

— Звуки... звуки... похоже, что к нам кто-то идет.

— Не ерунди, Ма. Кролик, наверно, скачет...

В дверь постучали.

— Отец небесный! — прошептала миссис Слайни.

Джереми Слайни нащупал ногами шлепанцы, набросил на плечи старое пальто и решительным шагом прошелся до двери.

— Кто там? — спросил он.

— Прошу вас, откройте, пожалуйста, дверь, — произнес негромкий женский голос.

Джереми Слайни отпер дверь.

— Чем я могу помочь вам... О Боже! — Он невольно охнул, увидев перед собой под черной шляпой настолько знакомое ему бледное лицо.

— Я — Кей Гонда, мистер Слайни, — произнесла женщина в черном.

— Вот это да, чтоб я так жил! — вырвалось у Джереми Слайни.

— Вы можете впустить меня?

— Могу ли я впустить вас? Могу ли я впустить вас? Ну, я немного того... но входите, входите, мэм, входите... Ма! Ох, Ма! Иди сюда! О Боже!

Он распахнул дверь настежь. Кей Гонда вошла и аккуратно притворила ее за собой. Миссис Слайни с трудом добралась до двери и замерла на пороге, всплеснув руками, с широко раскрытым ртом.

— Ма! — заохал Джереми Слайни. — Ма, ты можешь поверить своим глазам? Это вот Кей Гонда, кинозвезда, собственной персоной!

Миссис Слайни только смотрела на него круглыми глазами, и не в силах вымолвить даже слово, только кивнула.

— Я в бегах, — объявила Гонда. — Скрываюсь. Скрываюсь от полиции. И мне некуда идти.

— О Господи! О Господи Боже мой!

— Наверно, вы уже слышали обо мне?

— Слышала ли я? Ну, а кто не слышал? Что ж, в газетах было написано...

— Там было написано... убийство! — поперхнулась последним словом миссис Слайни.

— Можно я переночую у вас?

— У нас?

— Да.

— То есть вот здесь?

— Да.

— Великий Боже! Но... но, конечно же, мэм. Ну а как же! Вы оказываете нам такую честь и... и...

— Большую честь, мэм, — проговорила миссис Слайни и сделала реверанс.

— Спасибо, — проговорила Кей Гонда.

— Только, — пробормотал Джереми Слайни, — только как это получилось... я хочу спросить, как вышло так, что вы пришли именно к нам на всем белом свете... то есть, как вы могли узнать о нас?

— Я получила ваше письмо. Никто не станет искать меня здесь.

— Мое письмо?

— Да. Письмо, которое вы написали мне.

— О Боже, это? Значит, вы получили его?

— Да.

— И вы прочли его?

— Да.

— И вы... вы пришли сюда? Чтобы спрятаться?

— Да.

— Ну и чудеса! А что, почувствуйте себя как дома, мэм. Снимайте свою шляпку. Садитесь. И не волнуйтесь. Никто вас здесь не найдет, это точно. А если к нам сюда завалятся разнюхивать копы, так у меня на них и ружье есть, вот оно как! Устраивайтесь, значит...

— Подожди-ка минуточку, — заметила миссис Слайни, — не то ты говоришь. Мисс Гонда устала. Ей нужна комната, место для сна в такое-то позднее время.

— Да, проходите сюда, мэм... сюда... здесь у нас свободная комната. Хорошая такая свободная комната. В ней никто вас не потревожит.

Джереми Слайни с поклоном открыл дверь. Они впустили в комнату свою гостью и поспешно юркнули внутрь следом за нею. В комнате пахло сухим сеном и маринадом. Миссис Слайни торопливым движением смахнула с подоконника паутину.

— Вот вам и кровать, — объявила миссис Слайни, торопливо взбивая подушку и разворачивая локутное хлопковое одеяло. — Отличная мягкая постелька, мэм. Устраивайтесь поудобнее и уснете, как киска.

— Простите меня, мэм, мисс Гонда. Комнатушка эта не годится такой большой леди, как вы, но она

сегодня ваша, как и весь наш дом... Боже, вы, конечно же, жилали в таких роскошных местах, где положено жить вашему брату, киношникам!

— Ну что вы, здесь совсем неплохо.

— Только поосторожней садитесь в это кресло, мэм. Оно у нас не слишком прочно на ногах стоит. А наверное, это страшно, когда на вас смотрят эти камеры, которыми снимают фильмы?

— Я принесу вам еще одно одеяло, мэм. Ночами-то здесь у нас холодновато... Ой, а какой же у вас симпатичный костюм, мисс Гонда! Наверно, стоит аж двадцать долларов, никак не меньше.

— Я принесу вам, мэм, воды в этом кувшине. И пару чистых полотенец... Боже мой, вы совсем такая, как в кино на экране! Я сразу это заметила!

— А вам было больно, мисс Гонда, когда этот тип ткнул вас большим ножом... то есть в прошлом году в фильме это было?

Старики нервными и тревожными шагами расхаживали по комнате, не отводя глаз от странной гостьи. Тонкая тень ее обрисовывалась на беленой стене, прическа огромным черным цветком распускалась на потолке, широко раскинув по нему свои путаные лестки.

— Спасибо, — проговорила она. — Мне будет здесь очень уютно... И, пожалуйста, не беспокойтесь ни о чем. Я не хочу причинять вам какие-то неудобства. Хочу лишь напомнить вам об одном: принимать меня в своем доме, как известно, опасно.

Джереми Слайни горделиво расправил согбенные плечи.

— Об этом, мисс Гонда, не беспокойтесь. В мире не найдется такого копа, который сумел бы выковырять вас из дома Джереми Слайни. Не позволю, пока жив, то есть!

Кей Гонда смотрела на них с улыбкой — глазами круглыми, чистыми и невинными, как у маленькой девочки, очень маленькой девочки, одетой в платье, слишком жесткое для ее нежного тела. Она стояла, прислоняясь к комоду, и ладонь ее казалась изваянной из матового хрусталя, врезанной в старые, местами облупившиеся от лака доски.

— Очень приятно это слышать, — проговорила она неторопливо. — Но почему вы хотите пойти на риск? Вы же не знаете меня.

— Это вы... вы, мисс Гонда, не знаете, — ответил Джереми Слайни, — что значит для нас. Мы старые люди, мисс Гонда, старые бедные старики. В нашей жизни никогда не было ничего такого, как ваш вот приход к нам. Какие тут копы, ей-богу! Мы же не думаем о них в церкви, мисс Гонда, не думаем и здесь, в этой комнате. И если... Тьфу! Простите болтливого старика! Устраивайтесь поудобнее и ни о чем не беспокойтесь. Если вам что-то понадобится, позовите, мы тут же придем. Спокойной ночи, мисс Гонда.

Во всем доме не было слышно ни звука, не видно и огонька. За окнами в высокой траве трещали сверчки, пронзительные, неумолкающие голоса которых напоминали равномерные взвизги пилы. Задушенным голосом несколько раз коротко вскрикнула птица, умолкла и вскрикнула снова. Ночная бабочка забила шелестящими крыльями в оконное стекло.

Кей Гонда одетой лежала на постели, подложив руки под голову, скрестив ноги в черных туфлях на выгоревшем старом одеяле. Она не шевелилась. И в полной тишине услышала, как скрипнула кровать под чьим-то телом, кто-то повернулся в соседней комнате. Она услышала тяжелый вздох. И снова наступила тишина. А потом она услышала голос, тихий, приглушенный, прошептавший:

— Па... Па-а, ты спишь?

— Нет.

Женщина вздохнула. А потом опять зашептала:

— Па, послезавтра-то... пора платить залог...

— Ну да.

— Все семь сотен долларов то есть.

— Ну да.

Кто-то из них повернулся, кровать скрипнула.

— Па-а...

— Ну да?

— У нас отберут дом.

— Не сомневайся.

Вдалеке в полной тишине вскрикнула птица.

— Па-а, по-твоему, она уснула?

— Должна бы.

— Это ж она убийство совершила, Па...

— Ну да.

Они снова умолкли.

— А ведь она большого богача убила, Па.

— Богатющего.

— Подумай-ка, небось, семейке его хотелось бы знать, где она сейчас...

— О чем ты говоришь, женщина?

— Ох, я просто думаю вслух...

Опять наступила тишина.

— Па, если бы они, родные его, узнали, где она сейчас, это для них чего-нить стоило бы, а?

— Ты, старая... что ты хочешь...

— Представляешь, а вдруг они назначат награду.

Тыщу долларов, к примеру.

— Гм?

— Тыщу долларов, говорю...

— Ну, старая перечница! Может, закроешь свой рот, пока я тебя не удавил!

На сей раз молчание затянулось надолго.

— Ма...

— Ну?

— Подумай-ка... а ведь они и впрямь могут дать... больше тысячи?

— Дадут, почему не дать. У их денег много.

— Ух, заткнись, старая рожа!

Ночная бабочка с новой силой забила в оконное стекло.

— А нас, Па, ждет богадельня. До конца наших дней.

— Ну да...

— За нее заплатят много больше, чем за всяких разных банковских грабителей и прочую шушеру.

— Бога ты не боишься, вот что тебе скажу!

— Пятьдесят лет, Па. Пятьдесят лет прожили мы в этом доме, а вот теперь, в старости, можем оказаться на улице...

— Ну да.

— Дети тоже здесь родились... прямо в этой комнате, Па... все трое.

— Ну да.

— А если бы у нас оказалась тысяча долларов, мы смогли бы прожить здесь до самой смерти.

Он молчал.

— И мы смогли бы построить новый курятник, который нам так нужен.

Последовало долгое молчание.

— Ма...

— Ну да?

— А как... как нам сделать это?

— Ну, очень просто. Выскользнем из дома, пока она спит. Она ничего не услышит. А мы съездим в участок, к шерифу. Вернемся с копами. Очень просто.

— Ну, а если она услышит?

— Не услышит. Только нам придется поторопиться.

— Старый грузовик очень тарахтит, пока не заведется.

— Правильно.

— Вот что я тебе скажу. Мы с тобой вдвоем вытолкнем его на дорогу и покатаем дальше, пока не окажемся вдалеке от дома. Придется только придерживать ту доску в кузове, которая дребезжит.

Они торопливо, не издав ни звука, оделись. Только дверь чуть скрипнула, открываясь и закрываясь за ними. Только негромко вдали забормотал мотор, и слабый скрежет вздохом затерялся в траве.

Джереми Слайни

Вернулись они в блестящей машине, подкатившей прямо к двери и с визгом тормозов остановившейся на месте. Два ослепительно белых луча фар били далеко вперед, прорезая темноту. Из нее выскочили двое мужчин в темных мундирах с блестящими пуговицами, за ними, крихтя, выбрался Джереми Слайни в незастегнутом на груди пальто.

Но когда они вошли в свободную комнату, в ней никого не оказалось. Только слабый запах неизвестных духов еще витал в воздухе.

4

Дуайт Лэнгли

«Дорогая мисс Гонда!

Вы не знаете меня. И все же являетесь единственным на всем белом свете человеком, которого я по-настоящему знаю. Вы никогда не слышали моего имени. Однако люди еще узнают его и узнают его через вас.

Я — неизвестный художник. Но я знаю, каких высот достигну, ибо в руках моих знамя, которое не может подвести, и это знамя — вы. Все, что я рисовал, — это вы. Я не нарисовал ни единого холста, на котором не было бы вас, на котором вы не присутствовали бы в качестве богини.

Я никогда не видел вас в жизни. Но мне это не нужно. Я могу нарисовать ваше лицо с закрытыми глазами. Мой дух стоит перед вами как зеркало. Мое искусство — радиоприемник, принимающий звучащую в вас песню.

Вся моя жизнь состоит в искусстве, а искусство в вас.

Однажды вы узнаете обо мне, но в тот раз не из письма. Ну а пока... примите первый поклон своего преданного жреца...

*Дуайт Лэнгли...
...Авеню-Норманди
Лос-Анджелес, Калифорния».*

Вечером пятого мая Дуайт Лэнгли получил первый приз выставки за свою последнюю картину, называвшуюся *Боль*.

Прислонившись к стене, он обменивался рукопожатиями, кивал, улыбался оживленной толпе, плотным потоком текшей мимо него, ненадолго задерживаясь возле картины; на ее пути он стоял как скала, одинокая и взволнованная, вмятая в стену скала. Между рукопожатиями он потирал лоб тыльной стороной ладони, прохладной ее кожей прикасаясь к воспаленным векам. Он улыбался. Потому что сомкнуть губы у него не было времени. Рот его оставался открытым, белые зубы сверкали на загорелом лице. Веки чуть прикрывали темные заносчивые глаза.

Голубой ореол огня окружал его. За высокими окнами громыхал, катил поток белых круглых огней, бурлящий, затоплявший улицу, блестящими струями скользивший вверх по стенам домов; вздымавшийся еще выше, до редких еще звезд на синем небе; и ему казалось, что огромные белые шары, словно бы парившие над его головой, под потолком, заброшены в

зал уличным потоком пылавшего города, смыкавшегося вокруг него, приветствовавшего его.

Неуклюжий потоп ног тек по мраморному полу. На поверхность потока всплыла шкурка большой черной лисы, тронутая серебристым морозцем, закачалась и поплыла, следуя течению. Длинная ветка с какими-то голубыми цветами клонилась из черной вазы в углу. Густая смесь тонких духов, тяжелая, как туман над фонарями, душила его.

Стены занимал ясный в своем великолепии ряд вынырнувших из этого тумана картин, подобных выстроившимся участникам закончившейся битвы, гордых в своем поражении. Одна из них победила, и она принадлежала его кисти.

Дауйт Лэнгли кивнул, улыбнулся, произнес слова, которых не мог услышать, и разобрал доносящиеся из толпы негромкие шепотки.

— Кей Гонда, конечно... Гонда... Посмотрите внимательно на эту улыбку... на этот рот... Кей Гонда... Значит, он... и она... Как вам кажется?.. Ну, нет! Боже мой, да он ведь даже не знаком с ней... Уверяю тебя... Он никогда не видел ее, говорю же... Это настоящая Кей Гонда... Кей Гонда... Кей Гонда...

Дауйт Лэнгли улыбался. Он отвечал на вопросы, которых не мог вспомнить, уже отвечая. Он запомнил душившие его испарения духов. Он запомнил огни и руки, пожимавшие его ладонь; а еще слова, слова, о которых молил, которых так долго ждал от старых лысых голов, определявших его судьбу, а также судьбы сотни подобных ему художников, и от очка-

стой журналистки, все старавшейся выпытать у него, где именно он родился.

А потом кто-то положил ему руку на плечи, кто-то потрянул, кто-то рывкнул у самого уха: «А чё, теперь пора отмечать, пора отмечать, старина Лэнни!» — и его поволокли вниз по бесконечным лестницам, усадили в чью-то открытую машину, и холодный ветер затрепал волосы на его непокрытой голове.

Потом они сидели в ресторане, упираясь животами в края столов, ощущая спинами другие края, и официанты проскальзывали между столами, высоко поднося блюда. Дуайт Лэнгли не знал, сколько столов занимает его компания, все или только несколько. Однако он твердо знал, что на него смотрят, слышал отзвуки своего имени, гулявшие над столами, и выглядел при этом недовольным, хотя не пропускал мимо ушей ни единого звука. Бокалы желтели и искрились, потом становились пустыми, багровели, рассыпая красные искры, опустошались снова, становились молочно-белыми, и взбитые сливки перетекали через края на стол... некто, сидевший напротив него, уже громким голосом требовал имбирного эля.

Дуайт Лэнгли наклонился к столу; прядка черных волос прилипла к его лбу, на загорелом лице блеснули белые зубы. Он говорил:

— Нет, Дороти, я не буду позировать тебе.

Тряхнув прямыми, густыми, явно нуждавшимися в стрижке волосами, девушка заскулила:

— Да ладно, Лэнни, как художник ты выдохся, честно говорю, ты выдохся как художник, тебе надо

быть натурщиком. Разве кто-нибудь видел такого очаровательного натурщика? Ты погубишь мою карьеру, если не согласишься позировать мне, погубишь, понял.

Кто-то разбил бокал. Кто-то другой завопил во всю глотку:

— А где музыка? Что, вообще нет никакой музыки? Любой, какой угодно? Вот тебе и раз!

— Лэнни, друг мой, эта желтизна... желтизна волос женщины на твоей картине... совершенно новый колер... я называю его желтым только потому, что нет подходящего имени... только это не желтый... это совершенно новый цвет, ты создал его... Сдери с меня кожу, ничего подобного не придумаю.

— И не пытайся, — проговорил Дуайт Лэнгли.

Некий обладатель широкой побагровевшей физиономии сунул в руку официанта мятую банкноту, бормоча:

— Просто на память... маленький сувенирчик... для того, чтобы запомнил, что имел честь прислуживать величайшему художнику двадцатого века... черт, вообще величайшему из всех художников!

А потом они снова ехали, одна из машин отстала, и, проезжая мимо, они услышали громкий спор с регулировщиком уличного движения.

А потом они оказались в чьих-то апартаментах, и девушка с торчащими вперед зубами, ходившая без чулок, но в очень короткой юбке, взбивала коктейли в молочной бутылке. Кто-то включил радио, кто-то, фальшивя, заиграл на пианино *Военный марш* Шуберта. Дуайт Лэнгли сидел на широкой тахте, застеленной

блеклым кретоном*, а большинство других гостей на полу. Какая-то пара пыталась танцевать, спотыкаясь о протянутые ноги.

Некто, дыша чесноком, конфиденциально шептал ему на ухо:

— Вот и все, Лэнни, все беды закончились, так ведь? Скоро у подъезда тебя будет ждать «Роллс-ройс», а не старая развалюха, так?

— А скажи, Лэнни, ты знаешь, кто пригласил тебя в удобное время попить чайку? Знаешь? Сам Мортимер Хендриксон!

— Нет!

— Да. А если этот парень сказал, что человек состоялся, значит, так и есть!

— А ты видел, — зудела нестриженная девица, — а ты когда-нибудь видел у мужчины такие длинные ресницы, как у Лэнни?

Кто-то разбил бутылку. Кто-то с раздражением забарабанил в дверь в ванную комнату, подозрительным образом оказавшуюся запертой слишком давно. Женщина с длинным черным мундштуком в руках настаивала на том, что надо послушать по радио выступление какой-то евангелистки.

Явившаяся лендледи в купальном китайском халате приказала всем утихнуть и начала стучать в дверь ванной.

Кто-то рыдал над высоким бокалом.

— Лэнни, ты гений, вот кто ты, гений, Лэнни, и всё тут, а мир гениальность на дух не переносит...

* Плотная и жёсткая хлопчатобумажная ткань из окрашенных в разные цвета нитей, образующих геометрический орнамент.

Молодой человек, шевеля покрашенными губами, заиграл на пианино «Лунную сонату».

Дуайт Лэнгли лежал поперек невысокой тахты. Худощавая и грудастая, стриженная бобриком под мальчишку блондинка, положив ему голову на плечо, ерошила пальцами его волосы.

Кто-то притащил непочатую галлонную бутыль.

— Ну, за Лэнни!

— За будущее Лэнни!

— За Дуайта Лэнгли, штат Калифорния!

— За величайшего художника, который...

Дуайт Лэнгли произнес спич.

— Горчайшим мгновением в жизни художника является миг его триумфа. Свое одиночество он может осознать, лишь оказавшись посреди толпы. Художник — это горн, вызывающий на битву, в которой никто не хочет участвовать. Художник — это чаша, поднесенная им людям, чаша, наполненная его же собственной кровью, однако он не может найти жаждущего. Мир не видит и не хочет видеть того, что открыто ему. Но я не боюсь. Я смеюсь над людьми. Я презираю их. В презрении моя гордость. В моем одиночестве моя сила. Я призываю людей настезь распахнуть двери своих сердец для самого святого из того, что свято, однако эти двери остаются закрытыми... закрытыми... навсегда... о чем это я... ах, да... навсегда...

Было уже далеко за полночь, когда автомобиль высадил Дуайта Лэнгли у дверей его собственной студии, на тихой, задремавшей под сенью пальм улочке.

— Нет, — чуть пошатнувшись, он помахал сопровождавшим, — нет, я не хочу, чтобы вы поднимались... я хочу побыть в одиночестве... в одиночестве...

Он торопливо пошел по опрятной лужайке к выставленному у двери знаку: **ДАМСКИЕ ШЛЯПКИ НА ЗАКАЗ. СТРОЧКА: 5 ЦЕНТОВ ЗА ЯРД.** Над открытой аркой у входа висел испанский фонарь. В окне по одну сторону входа между вуалевыми занавесками уныло чахли две шляпки на деревянных болванках. В окошке с другой стороны двери находился плакат со звездами и полумесяцем, гласивший: **МАДАМ ЗАНДА ПСИХОЛОГ И АСТРОЛОГ. НЕ СТОИТ ВОЛНОВАТЬСЯ. ВАШЕ БУДУЩЕЕ ЗА ОДИН ДОЛЛАР.**

Он торопливо поднялся по узкой и длинной белой испанской лестнице. Лестничный марш до второго этажа прикрывал красный ковер; последний пролет до третьего этажа не мог похвастать ничем, кроме голых, местами шелушащихся скрипучих ступеней, по ширине своей едва достаточных для того, чтобы пропустить стройного художника. Легкими восторженными шагами он взбежал через две ступени кряду, всем телом наслаждаясь самим движением — молодой, свободный триумфатор. На площадке его не было света, однако на ней была всего одна дверь, и он никогда не запирал ее. Дуайт Лэнгли распахнул дверь.

Проникавший сквозь высокие окна лунный свет чертил в комнате широкие полосы, пробираясь сквозь чащу картин и свободных мольбертов, начатых и неоконченных холстов, прислоненных к ножкам стуль-

ев. Проливавшийся из потолочного люка широкий синий луч выхватывал из тьмы сделанный углем крупный набросок Кей Гонды: запрокинутая голова, изогнутая шея, нагие груди напряжены.

Дуайт Лэнгли нажал на кнопку выключателя.

И примерз к месту. В противоположном конце комнаты медленно поднялась на ноги женщина и повернулась к нему лицом. Высокая, стройная, плечи расправлены, нежная настолько, что тянувший из двери сквозняк, казалось, шатал ее, вся в черном, от кончиков пальцев до носков тонких лодочек... на фоне черной бархатной шторы фигура ее исчезала, так что сперва он увидел только лицо — сотканное из белого света лицо и синие тени, залегшие на нем под скулами.

Дуайт Лэнгли замер на месте, подняв брови. Женщина не шевелилась, даже не проронила ни слова.

— Итак? — проговорил он, наконец, хмурясь.

Она не ответила.

— Что вы делаете здесь? — спросил он нетерпеливо.

— Нельзя ли мне переночевать у вас? — прошептала она.

— У меня? А с какой стати?

— Мне грозит опасность.

Презрительно улыбаясь, он засунул руки в карманы брюк.

— Для начала — кто вы? — спросил Дуайт Лэнгли.

Женщина ответила:

— Я — Кей Гонда.

Скрестив руки на груди, Дуайт Лэнгли расхохотался:

— Вот как? Так это точно вы? А не Елена Троянская? И не мадам Дюбарри?

Глаза Кей Гонды, огромные, не мигающие, медленно расширились, однако она не шевельнулась.

— Давайте, — предложил Дуайт Лэнгли, — выкладывайте. В чем дело-то?

— Значит, вы не узнаете меня? — прошептала она.

Осмотрев ее с ног до головы, не вынимая рук из карманов, он пренебрежительно ухмыльнулся:

— Ну да, вы похожи на Кей Гонду. Как и ее дублерша. Как и не одна дюжина голливудских девиц. Так что вам нужно? Я не могу устроить вас в кино, моя девочка. Я не способен устроить вам даже пробу. Так говорите же, кто вы?

— Кей Гонда.

— И бродите по улицам по ночам, забираетесь в чужие дома? — Он с горечью усмехнулся. — Кей Гонда на свете одна. И я знаю ее. Один только я на всем белом свете. Я посвятил свою жизнь тому, чтобы рассказать о ней людям. Чтобы пробудить в их душах стремление к ней, недостижимой. Она не может вступить в наши жизни и в наши дома. Наша судьба — петь о ней, вливать собственные души в священный и безнадежный гимн, прославлять ее в своих страданиях и устремлениях. Только вы не в состоянии это понять. И не только вы. А теперь, короче: чего вы хотите?

Женщина скрестила руки за спиной, плечи ее подались вперед, но поднятая голова, уставившиеся на него глаза были полны странной мольбы, скорее, по-

хожей на невысказанную угрозу. Она неторопливо проговорила:

— Не знаю. И поэтому я здесь.

— Что у вас на уме?

— Ничего. Просто я очень устала!

— От чего?

— От поисков. Я ищу уже так долго!

— Чего же?

— Не знаю. И я подумала, что, быть может, найду это... здесь.

— Ладно, хватит шутить! Кто вы?

Женщина подошла к нему. Остановилась, глядя на него с просьбой в глазах; она стояла посреди полотен, казавшихся зеркалами, разбивавшими ее тело на дюжины осколков, на дюжины отражений, взиравших на нее ее же собственными бледными глазами, протягивавшими к ней ее же белые руки, отражавшими ее губы, ее груди, ее голубые плечи... зеркалами, игравшими с ее телом, облачавшими его в пламенно-алые одеяния, в прозрачно-голубые туники, пока она стояла между ними, черная и стройная, и только волосы ее оставались одними и теми же в этой комнате, дюжинами рассыпанных по студии бледно-золотых звезд, наполнявших ее, заливавших собой эти зеркала от ног и до верха.

— Пожалуйста, разрешите мне остаться у вас, — прошептала она.

Дауит Лэнгли стоял как стена, и темные глаза его блистали огнем.

— Послушайте, — проговорил он голосом, столь же напряженным, как электрический ток, пытающийся-

ся прорваться по перегруженному проводнику, — как и у всех людей, у меня всего одна жизнь. Только их жизни разбиты на много слов и ценностей. А моя жизнь укладывается всего в одно слово, и слово это «Кей Гонда». В нем всё, что я несу в мир, всё, что я имею сказать ему, всё, что я могу преподать миру. В этом слове вся моя кровь, вся моя религия. И вы приходите ко мне и называете себя Кей Гондой... ко мне, знающему ее лучше, чем все на свете! Убирайтесь отсюда!

— Прошу вас! — прошептала она. — Я нуждаюсь в вашей помощи.

— Убирайтесь отсюда!

— Я так надеялась на вас.

— Убирайтесь отсюда!

— Разве вы не знаете, насколько я одинока?

— Убирайтесь!

Руки ее бессильно упали, черная сумочка качнулась на двух бессильных пальцах. Повернувшись, она направилась к двери.

Он стоял, напряженно дыша, ловя воздух ртом.

Она уходила медленно, он видел, как волосы ее блеснули на площадке, услышал, как прозвучали шаги на лестнице.

Дуайт Лэнгли захлопнул дверь.

5

Клод Игнациус Хикс

«Дорогая мисс Гонда!

Некоторые могут называть это письмо святотатством. Другие могут назвать его изменой моей святой вере. И все же и то и другое несправедливо. Ибо я пишу его, не ощущая себя грешником, нисходящим к земным материям. Напротив, я словно бы сочиняю одну из своих проповедей, пытаюсь осознать нечто, чего не могу понять, нечто, превосходящее понимание любого человека, который может прочесть эти полные смирения строки.

Огромный, широкий мир лежит у ваших ног, мисс Гонда, мир печальный, греховный, который видит в вас символ всех своих пламенеющих грехов. Несчетные заблудшие души видят в вас не что иное, как цветок зла, обладающий всей силой и всей темной красотой, которой располагало зло с незапамятных вре-

мен. И все же, если мои проповеди бичуют те плоды разврата, которые вы предлагаете миру, в своей душе я не нахожу слов, обращенных против вас.

Ибо, когда я смотрю на вас, мне иногда кажется — и не дай Бог, чтобы кто-нибудь из моей паствы когда-либо услышал подобные слова, так как я не могу рассчитывать на какое бы то ни было понимание со стороны их бедных слепых сердец, — так вот, иногда мне кажется, что мы с вами, вы и я, возделываем одну и ту же ниву. Это все, что я могу сказать вам, ибо не в моей власти объяснить эти слова.

Но когда я возлагаю свою душу на алтарь Извечного Духа, когда я призываю своих собратьев-людей к Истинной жизни, священной Истине и Священной радости, находящейся за пределами столь знакомых им мелких печалей и скорбей плоти, за пределами их недолговечных и крохотных удовольствий, мне кажется, что в сердце своем вы несете ту же самую вечную, запредельную и возвышенную Истину, которую мои слова тщетно пытаются открыть им. Мы с вами, мисс Гонда, идем по разным дорогам, однако направляемся к одной общей цели.

Но так ли на самом деле? Быть может, вы, великая жрица Маммоны, с презрением осмее-те эти слова смиренного Божьего человека, в безумии своем полагающего, что *вы* и есть то,

что он пытается привлечь на нашу землю. Однако я верю в другое, потому что в глубине сердца своего не сомневаюсь в том, что вы поймете меня.

Ваш смиренный слуга,

*Клод Игнациус Хикс
...Бульвар Слоссон,
Лос-Анджелес, Калифорния».*

Вечером пятого мая Клод Игнациус Хикс обнаружил в кружке для пожертвований своего храма всего только один доллар и восемьдесят семь центов.

Вздохнув, он еще раз пересчитал потертые никелевые пятицентовики и потускневшие медные центовые монетки. После чего аккуратно переложил их в ржавую жестяную коробку и запер ее.

Храм Вечной Истины Духа так нуждался в органе. Что ж, он сможет позволить себе это приобретение. Он обойдется без этой заново перебранной механики машины, которую уже давно хотел приобрести; ему нетрудно будет еще какое-то время поехать на троллейбусе, однако орган он приобретет.

Он задул две свечи на пюпитре, две высоких, белых, настоящих свечи, которые всегда зажигал на службе. Закрыв окна. Взяв из угла щетку, аккуратно подмел пол между длинными рядами узких и некрашенных, лишенных спинки скамей. Щетка шелестела в тишине, царившей в длинном и темном сарае, а электрическая лампа, подвешенная посреди помещения, отбрасывала на скамьи его одинокую тень.

Постояв у открытой двери, он посмотрел на небо: на чистой синеве сверкала луна, завтра дождя не будет. Он был рад этому. Кровля храма Вечной Истины Духа безбожно текла между некрашеными балками.

Дождь испортил бы длинные и узкие полотнища из хлопковой ткани, прибитые изнутри к темным стенам храма; полотнища, на которых его собственной рукой были выведены аккуратные и ровные красные и синие буквы, на написание которых он потратил так много долгих, утомительных и требующих напряжения часов.

БЛАЖЕННЫ КРОТКИЕ: ИБО ОНИ НАСЛЕДУЮТ ЗЕМЛЮ.

БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ: ИБО ИХ ЕСТЬ ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ.

**ЛЮБЯЩИЙ ДУШУ СВОЮ, ПОГУБИТ ЕЕ, А НЕ-
НАВИДЯЩИЙ ДУШУ СВОЮ В МИРЕ СЕМ, СОХРА-
НИТ ЕЕ В ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ.**

Клод Игнациус Хикс неторопливо пошел по проходу между скамьями. Его высокое худое тело всегда располагалось сугубо вертикально, словно бы какой-то старомодный фотограф прикрепил к спине его железную линейку для того, чтобы она оставалась безупречно прямой. Густые черные волосы уже начали отступать с его высокого лба к затылку, а на висках появились седые пряди. Голову он держал высоко, а на длинном и узком лице почивал строгий, полный терпения, ясный в своей надменности покой, хотя темные глаза его казались полными огня и молодости даже в окружении первых мелких и сухих морщинок. Он всегда ходил только в черном, соединив на груди

длинные белые пальцы, в облачении, как бы составленном из мрачных и развевающихся полотен, хотя белый воротничок его оставлял желать лучшего, да и ногти не всегда бывали чисты.

Он присел на ступени своей старой кафедры, движением усталой руки подперев лоб ладонью. Он не мог более скрывать от себя смутное и все возрастающее недовольство собой. Храм Вечной Истины Духа никак нельзя было назвать процветающим. Прихожане понемногу покидали его ровной и узкой струйкой, истекающей из колбы песочных часов. На каждой новой службе все меньше лиц обращалось к его кафедре, все меньше сердец воспринимали заветные, страстные слова, которые он с таким упорством и искренностью готовил для них.

Причина охлаждения была ему известна. По соседству, в каких-то шести кварталах появился соперник, и он нередко замечал столь знакомые ему стариковские лица в новой церкви на Бойком углу, Маленькой церкви под большим синим куполом, где преподобная Исси Туми «правила во славе». Локоны преподобной спускались на шею, и бутоны роз сорта Сесиль Бруннер были вплетены в эти локоны. Стены церкви на Бойком углу были обшиты досками, покрашенными толстым и блестящим слоем белил, ее венчал купол подлинно небесного цвета. Клод Игнациус Хикс не возражал бы в том случае, если бы его паства находила утешение и духовную пищу вне его храма; однако не верил в искренность сестры Туми.

Он посетил одну из ее служб, носившую название «Станция техобслуживания души», выведенное крупными красными буквами над дверью ее церкви. Сестра Туми устроила за своей кафедрой подлинную заправочную станцию с высокими бензиновыми колонками с надписями: **НЕПОРОЧНОСТЬ, НАБОЖНОСТЬ, МОЛИТВА и МОЛИТВА С ВЕРОЙ НЕПРЕВЗОЙДЕННОЙ**. А высокие и стройные юноши стояли при них в белых ливреях с золотыми крылышками за плечами и в белых бейсболках с золотым козырьком и надписью золотыми буквами: «Вера Ойл Инк». Она произнесла длинную проповедь о том, что, странствуя по длинному и трудному жизненному пути, ты всегда должен твердо знать, что бак твой заправлен наилучшим бензином Веры, что шины твои надуты воздухом Доброты, что твой радиатор охлаждает чистая вода Умеренности, а аккумулятор полон силы Праведности, и что ты знаешь о коварных Обьездах, ведущих к гибели. Она велела опасаться богохульных нарушителей правил уличного движения, привела пространные и убедительные образцы их богохульств, так контрастирующих с ездой чистого сердцем водителя. Паства блаженно хихикала, задумчиво вздыхала и опускала хрустящие банкноты в кружку для пожертвований, устроенную в виде канистры для бензина.

Клод Игнациус Хикс сидел в одиночестве на ступенях своей кафедры. За открытой дверью оставалась темная тихая ночь, где-то вдали громыхал одинокий трамвай.

В тот самый вечер он впервые за всю жизнь не довел службу до конца. Это была самая лучшая из всех проповедей, которые он написал; из недр собственной души он выжал самые тонкие, самые красноречивые слова, которые могла подсказать ему вера. Но, стоя на кафедре, глядя на ряды серых пустых скамей, глядя в бельма слепой старухи, глядя на склоненную шею долговязого бродяги, что-то рисовавшего большим пальцем ноги на пыльном полу, на кивающую лысину уснувшего нищего, на горстку согбенных, оборванных, усталых, жавшихся друг к другу тел, он ощутил, что не способен более ничего говорить. Оборвав проповедь, он благословил паству и проследил за тем, как они вереницей последовали к выходу, виновато сжимая в руке жестянку с их скромными пожертвованиями.

Он прекрасно знал, почему в тот вечер его храм остался пустым. Преподобная Исси Туми совершала одну из своих знаменитых полуночных служб под названием «Ночная жизнь ангелов». Сие отважное нововведение задерживало прихожан на лишний час и сделалось величайшим успехом сестры Туми. Клод Игнациус Хикс побывал и на этой службе. На сей раз за ее кафедрой был устроен бар, блестящий мишурой и золотой фольгой, за которым находился бармен в просторном белом одеянии и при окладистой белой бороде, несколько похожий на святого Петра, если забыть про оставшееся на носу пенсне; ангелы в белых одеждах, губы на белых напудренных лицах были подведены красной помадой, восседали на высоких табуретах, держа в руках коктейли в виде длинных

бумажных свитков с разнообразными цитатами из писаний. Преподобная Исси Туми, невысокая и пухлая, была облачена в греческую тунику из серебристого газа, открывавшую белые и округлые руки с целой охалкой калл, она говорила и говорила, раскачивалась, закрывала глаза, тихо стонала, хриплым тоном скандировала, победоносно кричала, румяные щечки растягивала лучистая улыбка.

Он не мог сопротивляться ей. Он был побежден. Ему оставалось только перебраться в какое-то другое место, оставив здесь те погибающие души, за которые он столь отчаянно сражался. Он проиграл.

Клод Игнациус Хикс неловким движением поднялся со ступеней, расправил плечи и ровным шагом направился к выходу. Нажал на кнопку, чтобы включить электрический крест над кафедрой. Крест этот являлся его величайшей гордостью, самой дорогой принадлежностью храма, купленной многими приношениями, многими жертвами, собранными за многие годы. По ночам, уходя домой, он включал этот крест, оставляя дверь храма открытой. Над входом был вывешен транспарант: **«ДВЕРЬ ЭТА НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ НИКОГДА»**, и всю ночь в недрах темного узкого сарая огненный крест пламенел на пустой стене.

Клод Игнациус Хикс неторопливо прошел через пустынный двор к своему дому — жалкому, находящемуся позади храма сарая. Задний двор представлял собой скучное пространство, изрытое канавами и заросшее сорняками, освещенными красными и синими толстыми струями пара, поднимающимися над

неоновой вывеской находящейся по соседству желтой кирпичной прачечной.

На половине пути до дома Клод Игнациус Хикс вдруг остановился, услышав за своей спиной очень легкие, торопливые шаги, и, повернувшись, увидел темный силуэт высокой женщины, исчезающий в его храме.

Он в смущении замер. Клоду Игнациусу ни разу в жизни не приходилось встречать в своем храме посетителя в столь позднее время. Кроме того, незнакомка была хорошо одета и не принадлежала к типу верующих, обретавшихся по соседству. Он не стал бы мешать ей; однако, быть может, незнакомке понадобится совет в ниспосланной ей печали, заставившей эту особу явиться в послеполуночное время в это уединенное место поклонения? И он решительными шагами направился назад, к храму.

Женщина стояла под крестом. Длинный черный костюм ее строгостью напоминал мужской; золотые волосы облачком окружали лицо — бледное лицо святой. На какую-то долю секунды он вдруг внезапно подумал, что это изваяние Мадонны возникло перед его алтарем в лучах креста.

Он шагнул вперед. И разом остановился на месте. Лицо ее было ему знакомо, однако он не мог поверить своим глазам. Он потер рукой глаза. И выдохнул:

— Вы... не может быть...

— Да, — ответила она. — Это я.

— Неужели... Кей Гонда?

— Да, — снова сказала она. — Я — Кей Гонда.

— Чему... — неловко выдавил он, — чему я обязан этой честью... редкой честью...

— Убийце, — ответила она.

— Вы хотите сказать... неужели вы действительно хотите сказать, что эти слухи верны... эти сплетни... эти злые сплетни...

— Я скрываюсь от полиции.

— Но... как...

— Помните письмо? То, что вы написали мне?

— Да.

— Поэтому я и здесь. Могу ли я остаться?

Клод Игнациус Хикс неторопливо подошел к открытой двери и закрыл ее. После чего вернулся к ней и сказал:

— Эта дверь не закрывалась тринадцать лет. Сегодня она будет закрыта.

— Благодарю вас.

— Здесь вы в безопасности. В полной безопасности... как в потустороннем королевстве, куда отсюда не долетит ни одна стрела.

Она села, сняла шляпу, тряхнула светлыми волосами.

Он стоял и смотрел на нее, соединив пальцы на груди.

— Сестра моя, — проговорил он дрогнувшим голосом, — моя бедная заблудшая сестра, тяжелое бремя взвалила ты на свои плечи.

Она посмотрела на него, и чистые голубые глаза были полны такой печали, какой не являл миру ни один киноэкран.

— Да, — согласилась она, — тяжелое бремя. И подчас я не понимаю, долго ли мне захочется его нести.

Клод Игнациус Хикс сочувственно улыбнулся. Однако сердце его ощущало, что годы трудов легки на его плечах, и пела в нем такая радость, какой он никогда не знал. И он почувствовал себя виноватым.

Ему казалось, что он берет нечто такое, на что не имеет права, пусть он не мог понять, что и каким образом. Пламенеющий крест на темной стене взирал на него с осуждением, и дюжины раскаленных лампочек на нем смотрели на него словно глаза — пристальные, суровые, осуждающие.

И тут он понял, что именно забыл.

Он отвернулся от нее, не клоня голову, и собственные пальцы его, напряженные и суровые, лежали на его груди. Потом негромко сказал:

— Тебе здесь ничто не грозит, сестра. За тобой сюда никто не придет. Никто не приблизится к тебе, кроме одного человека.

— Кого же?

— Тебя самой.

Склонив голову к плечу, она посмотрела на него удивленными глазами:

— Меня самой?

— Ты можешь избежать осуждения мира. Но суд собственной совести последует за тобой повсюду, куда бы ты ни пошла.

Она негромко проговорила:

— Я не понимаю вас.

Глаза его горели. Он стоял над своею гостьей суровый и строгий как судия.

— Ты совершила грех. Смертный грех. Ты нарушила Заповедь. Ты отобрала у человека жизнь. И по-

следствия этого ты будешь пожинать в своей совести до конца дней своих.

— Но что я могу сделать?

— Велика власть Отца нашего. И велика Его доброта. И прощение ожидает самого ужасного грешника, если тот покается, и покаяние его будет исходить из глубины души.

— Но если я покаюсь, меня отправят в тюрьму.

— Ах, сестра моя, неужели ты хочешь свободы? Какая тебе будет польза в том, что ты обретешь весь мир, но погубишь собственную душу?

— Но чего стоит душа, если ею нельзя приобрести мир?

— Ах, дитя мое, гордыня и есть величайший из наших грехов. Ибо разве Сын Его не сказал нам: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царствие небесное?»*

— Но зачем мне надо входить в него?

— Если бы ты знала жизнь, полную высшего счастья и красоты, разве ты могла бы не возжелать вступить в нее?

— Но как могу я не мечтать, чтобы она была здесь, именно здесь?

— Мир наш темен и несовершенен, дитя мое.

— Но почему в нем нет совершенства? Потому что его не может здесь быть? Или потому, что мы не хотим этого?

— Ах, дитя мое, ну кто из нас не хочет этого? У всех нас есть только одна утраченная надежда... в

* Евангелие от Матфея, 18:3.

самом темном уголке нашей души живет этот луч света, эта светлая мечта о чем-то лучшем того, что мы видим в нашей жизни, о чем-то недостижимом.

— И все мы хотим этого?

— Да, дитя мое.

— Но если это светлое и недостижимое придет, мы узнаем его?

— Да.

— Но захотим ли мы увидеть его?

— Кто из нас не отдаст с радостью всю свою душу, чтобы только увидеть такой мир? Но в нашем мире царят слезы и несправедливость. И в ничтожестве его высшая награда. Тем не менее там нас ожидает вечное блаженство и вечная красота, которую наши бедные души не способны воспринять. Если бы мы только могли отречься от наших грехов и покаяться перед Ним. А ты, дитя мое, согрешила. Тяжело согрешила. Однако Он добр и милостив. Покайся, покайся всем своим сердцем, и Он услышит тебя!

— Значит, вы хотите, чтобы меня повесили?

— Сестра моя! Моя бедная, потерявшаяся, страдавшаяся сестра! Разве ты не понимаешь, что я приношу бóльшую жертву, чем ты? Разве ты не понимаешь, что я разрываю свое собственное сердце на алтаре *нашего* долга? Что я предпочел бы увезти тебя прочь, бежать с тобой на край света и защищать тебя до последнего дыхания? Только плохую службу сослужу я тебе тогда. Я предпочел бы спасти твою душу ценой моей собственной, корчащейся в самой худшей из смертных мук!

Поднявшись, она стала перед ним, хрупкая, беспомощная, посмотрела на него круглыми, полными страха глазами и прошептала:

— Что же вы хотите, чтобы я сделала?

— Чтобы отважно и с желанием возложила на свои плечи крест своего наказания. Признайся! Исповедуй свое преступление перед лицом всего мира! Ты — великая женщина. Мир склоняется к твоим ногам. Смирись. Войди в средину толпы на рыночной площади и крикни так, чтобы все слышали: я согрешила! Не бойся того наказания, которое может ожидать тебя. Прими его со смирением и радостью.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас!

— Но в такой поздний час толпу невозможно найти.

— В такой час... в такой час... — Он вдруг ухватил мысль, незаметно созревавшую где-то на задворках его ума. — Сестра моя, в этот самый час большая толпа собралась в храме заблуждения, находящемся всего в шести кварталах отсюда, бедная, несчастная толпа, жаждущая спасения. Туда-то мы и поедем! Я отвезу тебя туда. Я отвезу тебя для того, чтобы эти несчастные слепые души увидели, что может творить подлинная вера. Перед ними ты исповедаешь свое преступление. Ради спасения их ты совершишь свою великую жертву, ради своих братьев, ради людей!

— Ради моих братьев-людей?

— Подумай о них, дитя мое. На тебе лежит великий долг перед своими братьями на земле, как и перед Отцом своим Небесным, ибо все мы его дети. Призри

на них! Они страдают в грехе и в грехе оставят сию юдоль. Ты получила великую возможность, ты можешь показать им истинный свет Духа. Велика твоя слава, и имя твое услышат на всех четырех концах Земли. Они узнают о спасенной мной женщине, великой женщине, услышавшей зов Истины, и последуют твоему примеру.

Ему уже представлялся просторный белый зал, наполненный дыханием тысяч людей, и тысячи глаз, с надеждой обращенных к позолоченному в блесках алтарю. Прямо в логово своего врага приведет он эту женщину, величайшее из собственных завоеваний, поставит перед лицами тех, кто отвернулся от него, покажет им всем, на что он способен в своем смиренном служении славе Господней. Кей Гонда! Великое имя, волшебное имя! Где-то за дешевой мишурой бара он уже слышал трепет белых крыльев... белых крыльев и шелест белых газетных страниц, испещренных огненными буквами! «Священник обращает Кей Гонду! Евангелист спасает величайшую из убийц...» Тогда все, богатые и бедные, придут к нему от самых далеких земных пределов; они побегут к нему; они... Он ощутил легкое головокружение.

— Ах, сестра моя, они покаются так же, как покалась ты. Твое великое преступление проложит путь великому чуду. Воистину велики пути Господа нашего. И неизмерима Его мудрость!

Кей Гонда надела на голову шляпку, легким беззаботным движением надвинув ее на один глаз, словно бы готовясь к сигналу оператора. Столь же легким движением кончиком прямого пальца поправила ме-

таллическую застежку на воротнике, как будто только что закончила одеваться в студийной гримерной. И спросила, удивляя его спокойной и непринужденной интонацией:

— Вы говорите, что дотуда шесть кварталов, так?

— А?.. Ну да.

— Не надо, чтобы меня заметили на улице. Сходите за такси.

Дрожащими руками Клод Игнациус вытряхнул из жестянки доллар и восемьдесят семь центов и без шляпы выбежал на темную улицу искать такси. Пробежав несколько кварталов, он остановил подъехавшую машину. Вскочил в нее и поехал обратно... в висках его стучало.

Автомобиль остановился у храма, и он велел водителю посигналить. Ответа не было. Тут он заметил, что дверь широко открыта. В храме никого не было. Только белый крест пылал над кафедрой на черной стене.

6

Дитрих фон Эстерхази

«Дорогая мисс Гонда!

На свете осталось не столь много поступков, которые могли бы похвастать тем, что я их не совершал, и поскольку до сих пор мне еще не доводилось писать кинозвездам, сам факт сочинения сего письма предоставляет мне редкую возможность совершить подобное деяние. Воспользуюсь им, чтобы завершить список.

Не сомневаюсь в том, что мое письмо не представит для вас особого интереса посреди тех тысяч, которые вы получаете ежедневно, но я хочу добавить свою каплю к этому океану только по той причине, что мне хочется написать вам, и поступок этот предоставляет мне повод в последний раз проявить какой-то интерес к жизни.

Не стану рассказывать вам, какое удовольствие доставили мне ваши фильмы, потому

что никакого удовольствия я не испытал. На мой взгляд, они дешевы и безвкусны в той мере, насколько это способно понравиться нынешнему миру. Итак, вас приветствует неблагодарный поклонник. Впрочем, слово «поклонник» несколько смущает меня, истинное преклонение давно вышло из моды, и то, что теперь называется этим именем, способно всего лишь оскорбить сам предмет преклонения. Я не стану говорить и о вашей великой красоте, ибо красота представляет собой опасное проклятие в глазах мира, простертого в почитании у ног куда более чудовищного уродства, чем могли представить себе прошедшие столетия. Не могу я и назвать вас величайшей актрисой среди живущих, потому что к величию устремлены все великие нашего века, и они не намерены делиться своей целью.

Я видел в жизни все то, что она способна приготовить для взгляда, и теперь мне кажется, что я как бы покидаю третьеразрядное шоу, поставленное на пользующейся скверной репутацией боковой улице лишенным вкуса режиссером и разыгранное неловкими любителями. Я испил до последней капли то, что некоторые самонадеянно именуют «чашей жизни», и обнаружил в ней всего лишь жидкий, скверно состряпанный и недосоленный супчик, оставляющий во рту дурное послевкусие, и такой голод, какого не было, когда ты

приступал к еде, но не вызывающий никакого желания продолжать трапезу.

И если я считаю возможным говорить все это, если сижу и сочиняю обращенное к вам письмо, то потому лишь, что в вас я обрел единственное исключение, последнюю искру того, чего больше не существует. Это не ваша красота, не ваша слава, не ваше актерское мастерство. Это не присутствует в женщинах, которых вы изображали, ибо вы никогда не играли того, что я увидел в вас, того, чем считаю — всеми остатками веры во мне — вы действительно являетесь. Это нечто не имеет имени, оно прячется за вашими глазами, за движениями тела... ради этого нечто можно поднять знамена, можно поднять за него бокал, можно выйти в последний и священный бой — если таковой еще возможен в нашем сегодняшнем мире.

Глядя на вас на экране, я вдруг понимаю, чего именно жизнь никогда не давала мне, понимаю, кем мог бы стать, и осознаю — с тревогой, беспомощностью, страхом — жуткую искру того, что приносит с собой способность желать.

Я упомянул уже, что оставляю это вульгарное шоу. Отсюда, впрочем, не следует, что я умираю. И то, что я не позволяю себе умереть, происходит исключительно по той причине, что моей жизни присуща вся пустота могилы и смерть не принесет мне никаких изменений.

Впрочем, теперь она может прийти ко мне в любой день, и никто, даже сам я, пишущий эти строки, не заметит разницы.

Но, прежде чем это случится, я хочу воздать вам честь всеми останками моей души... вам, такой, какой мог быть весь мир. *Morituri te salutamus.*

Дитрих фон Эстерхази
«Беверли-Сансет Отель»,
Беверли-Хиллз, Калифорния».

Вечером пятого мая Дитрих фон Эстерхази выписал чек на одну тысячу семьдесят два доллара, хотя на банковском счету его оставалось всего триста шестнадцать долларов.

Лало Джонс передернула плечиками и шепнула:

— Не понимаю, почему я должна кончать игру, Рикки? Если ты позволишь мне задержаться за столом, будь уверен, я все отыграю.

Он ответил:

— Прости. Я немного устал. Пожалуй, пойдем?

Она вздернула вверх подбородок, длинные жемчужные серьги влажными розовыми дождевыми каплями качнулись над ее плечами, и с неудовольствием встала.

Плотное кольцо черных фраков и белых нагих спин вновь сомкнулось около рулеточного стола. Огромная белая люстра под косым абажуром спускалась пониже к столу, проливая на него в синем, полном дыма сумраке желтую лужицу, вокруг которой распо-

ложились блестящие черные головы с аккуратными проборами, головки с золотыми локонами, головы, посеребрённые сединой... розовые ушки, искрящиеся бриллиантами, склонявшиеся к точке, где сухо позвякивали фишки и что-то кружило, жужжало и шипело в полной тишине.

— Что сегодня с тобой, Рикки? — спросила Лало Джонс, опуская мягкую белую руку на черный рукав. — Должна сказать, что сегодня с тобой не весело.

— Моя дорогая, я теряюсь в твоём блистательном присутствии, — ответил он безразлично.

— Выпьем, Рикки? На дорожку? По одной?

— Как хочешь.

Под широкой аркой на темном баре в табачном дыму рядом поблескивали бокалы, похожие на перевернутые серебряные колокольчики. Неизвестно откуда доносилась негромкая музыка, кружащаяся мелодия вздыхала, прерываясь резкими высокими нотами.

Лало Джонс неторопливым, словно бы усталым движением поднесла бокал к губам. Ее движения всегда оставались неспешными, утомленными, совершавшимися с самым изящным безразличием. Открытые круглые руки и плечи ее покрывал загар, золотивший незаметный глазу, но угадывавшийся пушок, напоминавший о персике, который непреодолимо хочется распробовать. Оставив один локоть на прилавке бара, она припала к столешнице мягким, ленивым движением, опустив подбородок на тыльную поверхность небольшой, в ямочках ладони с изящными, утончаю-

щимися к концам пальцами. На одном из них находилось простое кольцо с огромной розовой жемчужиной, круглой и словно бы светящейся собственным неярким светом, как и ее плечи.

— Но тогда нам, Рикки, надо ехать в Агуа Салиенте, — продолжала она, — и на сей раз поставлю все на Черного Раджу. Он будет участвовать в скачках, и Мариан говорит, что ей точно известно — она узнала это прямо от Дикки, — что он наверняка придет первым. Кстати, мадам Аден говорит, что может и в самом деле достать для меня эти французские духи, если ты дашь ей сотню или около того, чтобы она заказала их... Здесь делают совершенно невероятный мартини... Кстати, Рикки, вчера мне надо было выплатить зарплату моему шоферу. И еще, Рикки...

Дитрих фон Эстерхази слушал, но отвечал ли он, не знал ни он сам, ни Лало. Пустой бокал стоял возле его локтя, однако он не стал заказывать второй, хотя Лало тихо расправлялась уже с третьим.

Блестящий джентльмен похлопал его по плечу, Лало лениво кивнула ему, джентльмен с хохотом поделился какой-то, только что услышанной шуткой, и Лало рассмеялась, обнажив мелкие жемчужные зубки, а Дитрих фон Эстерхази улыбнулся, глядя в пространство.

Затем он бросил двадцатидолларовую кредитку бармену и отвернулся, не дожидаясь сдачи. За его спиной бармен рассыпался в мелких торопливых поклонах.

— Что мне в тебе нравится, Рикки, — шепнула Лало, прижимаясь к его руке по пути в гардероб-

ную, — так это манера, в которой ты тратишь свои деньги.

Дитрих фон Эстерхази улыбнулся. А когда он улыбался, тонкий рот его, не открываясь, становился длиннее, нижняя губа чуть выступала, а на бледных впалых щеках появлялись глубокие, полные иронии морщинки. Шапку золотых волос, голубые с серебристым отливом глаза дополняло высокое и прямое, словно вычерченное тело, созданное для мундиров и смокингов.

В гардеробе он подал Лало ее накидку, и белый мех горностая мягкими ленивыми складками лег на ее плечи.

Потом они покачивались на мягких подушках его «Дюзенберга»*, и Лало выпрямила ноги в крохотных атласных туфельках, и опустила темную, надушенную головку на его плечо.

— Жаль, что я проиграла эти деньги, — лениво шепнула она. — Хотя и небольшие, между прочим.

— Не о чем жалеть, моя дорогая. Рад, что ты получила удовольствие от вечера.

На плечи Дитриха фон Эстерхази вдруг обрушилась огромная усталость; руки его бессильно повисли между колен, и у него не было силы поднять их.

Автомобиль плавно подкатил к двери высокого и аккуратного здания с позолоченной, неярко ос-

* Американский производитель дорогих автомобилей класса «люкс», действовавший с 1913 по 1937 год в городе Оберн, штат Индиана.

вещенной прихожей, видневшейся за стеклянной дверью.

— Что такое? Ты привез меня домой? — спросила Лало, морща небольшой носик. — А ты не хочешь взять меня с собой? Чтобы я могла пожелать тебе спокойной ночи?

— Не сегодня. Ты поняла меня?

Пожав плечами, она поплотнее закуталась в горностаевую накидку. После чего вышла из автомобиля, бросив через плечо:

— Ладно, позвони мне когда-нибудь. Я отвечу — если будет настроение.

Дверь закрылась, и машина рванулась вперед. Дитрих фон Эстерхази откинулся на спинку сиденья, не поднимая повисших между колен ладоней.

Выйдя к двери отеля «Беверли-Сансет», он обратился к шоферу:

— Джонсон, завтра вы не будете мне нужны.

Он не намеревался произносить эти слова; однако, сказав их, понял, почему это сделал.

Он торопливым шагом пересек длинное фойе, покачивая зажатой под локтем тросточкой. Оказавшись наверху, в своем номере, где круги неяркого света рисовались на мягком ковре, а длинные шторы как будто бы поглощали все шумы, доносившиеся из оставшегося далеко внизу города, он надел темную домашнюю куртку, подошел к столу, на котором его ожидал хрустальный графин и пребывавшие в безупречной чистоте бокалы, взял в руку один из них, подумал и поставил обратно. Подойдя к окну, он раз-

двинул шторы и застыл в неподвижности, разглядывая огни, мигавшие над молчанием спящего города.

Все произошло так внезапно, и теперь дальнейшее было абсолютно ясно. Он не намеревался выписывать этот чек; но несколько часов назад у него были проблемы, целая куча проблем, на решение которых у него просто не оставалось сил; но теперь он был свободен после одного-единственного удара, который не хотел наносить.

У него были и другие долги: счет из отеля, счет за новый «Паккард-Лало», счет от портного, счет за бриллиантовый браслет, подаренный Хьюджетт Дорси, счет за последний устроенный им прием — потом кокаин ныне дорог, — еще за соболиную шубу для Лоны Вестон. И хотя в недавние месяцы Дитрих фон Эстерхази неоднократно повторял себе эти слова, теперь он впервые отчетливо понял, что у него больше ничего не осталось.

В последнюю пару лет он как-то смутно, неосознанно понимал это; однако состояние в несколько миллионов не может исчезнуть без ряда завершающих конвульсий; всегда находилось нечто такое, что можно было продать или заложить; всегда находился некто, у кого можно было занять. На сей раз состояние его пребывало в смертном покое, в жутком молчании нескольких сотен долларов в каком-то банке, в закрытых сейфах депозитов и в неоплаченных счетах. Наутро граф Дитрих фон Эстерхази получит приглашение для объяснений по поводу выдачи неправильного чека. Он не ответит на это приглашение.

Графу Дитриху фон Эстерхази осталось жить всего одну ночь.

Мысль эта оставляла его в полном безразличии; оно удивляло его самого, однако граф был безразличен даже в отношении собственного безразличия. Там, внизу, за этими огнями, мерцающими в тусклых окнах, люди страдают и терпят муки, которых не вместить никакому аду, но держатся за этот драгоценный, неопенимый дар, от которого он отказывается легко и непринужденно, с легкой усталостью — как будто дает чаевые официанту.

Пятнадцать лет назад революция выбросила его из Германии, молодого и надменного, последнего наследника гордого старого имени, с миллионами в кармане и бесконечным высокомерием в сердце. С тех пор он скитался по всему свету, растрачивая по пути по капле на каждом шагу свое состояние и свою душу. Глядя на календарь, он понимал, что прошло всего лишь пятнадцать лет; однако, заглядывая в душу, ощущал, что миновало, наверно, пятнадцать столетий.

Он смутно помнил канделябры, отражающиеся в полированном полу, туфли на высоком каблуке на стройных, поблескивающих ногах, жесткий и золотистый теннисный корт и собственное тело — быстрое, легкое, в белых брюках и влажной белой рубашке; ревущий в пространстве пропеллер и плоскую бесконечную землю, распростершуюся где-то далеко внизу; белых чаек и раскричавшийся под солеными брызгами мотор, его руки на штурвале, собственные светлые волосы под синим небом; крохотный шарик, отчаянно кружащий между черными и красными

квадратами; белые спальни и белые плечи, откинувшиеся назад, бессильные, утомленные. И ни один момент этой жизни не стоило бы пережить заново. Ни на один фут этой земли не стоило бы ступить заново, в этом пустынном мире, с которым надменный и одинокий аристократ не мог заставить себя примириться, одурманивая воспаленный мозг.

С этим покончено. Он мог бы, как и прежде, носить свои аккуратные вечерние костюмы, мог бы выпрашивать по мелочи доллары у тех, у кого они водились, скрывая за невозмутимой маской подобострастную улыбку, претендуя на более не существующее равенство; он мог бы ходить с блестящим чемоданчиком, и бойко болтать об облигациях и доходе, и кланяться как умелый лакей. Однако для всего этого Дитрих фон Эстерхази обладал слишком хорошим вкусом.

Он сделает это утром. Хватит одной пули. И он уйдет, усталый и одинокий, уйдет без особой причины, без последнего достойного жеста, расставшись со своей жизнью ради нескольких азартных мгновений за рулеткой, доставленных им женщине, которую он никогда не любил.

Зазвонил телефон.

Он усталым движением поднял трубку.

— Сэр, вас хочет видеть леди, — сообщил ему донесшийся от конторки в приемной вежливый и бесстрастный голос.

— Кто именно? — спросил Дитрих фон Эстерхази.

После недолгого молчания голос ответил:

— Леди не хочет называть свое имя, сэр. Однако она пошлет вам записку.

Дитрих фон Эстерхази выронил трубку из пальцев и зевнул. Зажег сигарету и автоматическим движением переправил ее в угол рта. В дверь постучали. На пороге возникла выкаченная вперед грудь с двумя рядами полированных пуговиц, два прямых пальца держали запечатанный конверт.

Дитрих фон Эстерхази вскрыл его. В записке оказалось всего два слова: «Кей Гонда».

Дитрих фон Эстерхази расхохотался.

— Ладно, — обратился он к коридорному. — Пусть леди войдет.

Если это розыгрыш, хотелось бы знать, кто и почему решил позабавиться таким образом. Когда в дверь снова постучали, на тонких, так и не приоткрывшихся губах его появилась легкая улыбка, и он проговорил:

— Входите.

А потом дверь открылась, и улыбка исчезла с его лица. Он не шевельнулся, если не считать того, что рука его извлекла изо рта сигарету и медленно опустилась.

Невозмутимо поклонившись всем телом, Дитрих фон Эстерхази произнес:

— Добрый вечер, мисс Гонда.

Она ответила:

— Добрый вечер.

— Прошу вас, садитесь. — Он пододвинул ей удобное кресло. — Искренне восхищен.

Он предложил ей сигарету, она отрицательно качнула головой.

Кей Гонда осталась на ногах, глядя на него из-под полей черной шляпы.

— Вы действительно хотите, чтобы я осталась? — спросила она. — Это может оказаться опасным. И вы не спросили меня о том, почему я пришла.

— Вы пришли, и мне этого довольно. Если только вы сами не захотите назвать мне причину.

— Я хочу сказать вам о том, что скрываюсь от полиции.

— Я догадался об этом.

— Мне грозит опасность.

— Понимаю. Можете ничего не объяснять, если только не хотите поделиться подробностями.

— Предпочту этого не делать. Но я вынуждена просить у вас позволения провести у вас эту ночь.

Поклонившись еще раз быстрым и точным движением, он проговорил:

— Мисс Гонда, если бы мы с вами встретились два века назад, я сложил бы свой меч к вашим ногам. К несчастью, наш с вами век более не верит в мечи. Однако и моя жизнь, и мой дом у ваших ног в знак благодарности за ту великую честь, которую вы оказали мне, избрав своим помощником.

— Благодарю вас.

Сев в кресло, она усталым движением стащила с головы шляпку и выронила ее из руки на пол. Дитрих фон Эстерхази поторопился поднять головной убор. После чего подошел к окну, задвинув шторы, проговорил:

— Здесь, у меня вам ничего не грозит. Считайте, что находитесь в одном из замков, которые мои предки возводили, дабы хранить в них самые ценные для них сокровища.

— А теперь дайте мне сигарету.

Он открыл перед ней свой портсигар, чиркнул колесиком темной металлической зажигалки с золоченым гербом и поднес огонек, глядя прямо в глаза своей гостье, — в огромные бледные глаза, казавшиеся такими спокойными и открытыми, таящими в себе некую непостижимую для него тайну.

Дитрих фон Эстерхази сел к ней лицом, опершись на подлокотник, свет лампы лег на его золотые волосы.

— А знаете ли вы, что это я на самом деле должен благодарить вас? Не просто за то, что вы пришли ко мне, но за то, что вы сделали это именно сегодня.

— Почему?

— Странная вещь. Можно подумать, что судьбы наши действительно соблюдает некое провидение. Быть может, вы забрали одну жизнь, чтобы спасти другую.

— То есть?

— Вы убили человека. Прошу простить мне это напоминание, если оно неприятно вам. Однако прошу понять, что говорю это без всякой укоризны. В конце концов, люди слишком уж преувеличивают факт убийства. Убившему полагается больше чести, чем тому, кто достоин смерти.

— Но вы не были знакомы с Грантоном Сэйерсом.

— Это далеко не обязательно. Я знаю вас. Допуская великую ошибку, общество полагает, что жизнь сама по себе представляет драгоценную сущность и все жизни равноценны друг другу, когда на самом деле существуют такие жизни, утрату которых не могут компенсировать миллионы жизней в грядущих столетиях. Люди преследуют убийцу, хотя первый и единственный вопрос заключается в том, были ли убитый достоин собственной жизни. В данном случае разве можно так думать, раз это *вы* сочли необходимым убить его? И только в этом, каким бы ни был этот человек и что именно он совершил, кроется оправдание того, что люди могут считать вашим преступлением. Тысяча жизней — что представляет она собой рядом с одним только часом жизни вашей?

— Но вы не знаете меня.

Он склонился поближе к ней, сигарета незамеченной выскользнула из его пальцев.

— Я знаю, что вы можете рассказать мне о себе. Я знаю тот мир, в который вы попали. Как знаю и то, что он мог сделать с вами. Но я знаю еще и то, что позволило вам вырваться из его лап. Нечто такое, чего мне лучше было бы не видеть. И нечто, чего не видеть я не в состоянии. Только не могу дать ему имени.

— Так что же это такое? — спросила она негромко. — Моя красота?

— Красота — это всего лишь одно из тех слов, которые так много как будто бы значат, но при внимательном рассмотрении превращаются в ничто. Я испытал все, что люди называют красотой, и возже-

лал какой-то несуществующей борной кислоты, чтобы промыть мои глаза.

— Моя мудрость?

— Я выслушал все, что люди называют мудростью, и не нашел более ценных рекомендаций, кроме тех, как чистить мои ногти.

— Мое искусство?

— Я видел все, что люди называют искусством, и зевал от этого. Если бы мне было позволено высказать одну просьбу всемогущему Мессии этого мира — если таковой существует, — я попросил бы его, молил на коленях о зелье, способном избавить меня от зевоты. Только гарантии все равно не будет.

— Тогда что же это?

— Сам не знаю. Нечто, не нуждающееся в имени, в объяснении. Нечто такое, пред чем с почтением склонится самая гордая, самая усталая голова. Вы отдали себя безнравственному миру, множеству безнравственных людей. Я это знаю. Однако нечто все еще удерживает вас вдали от них. Нечто... Но что именно?

— Надежда, — прошептала она.

Дитрих фон Эстерхази поднялся и принялся расхаживать по комнате... легкой, взволнованной, молодой поступью. Усталость оставила глаза его; они сделались бодрыми, искрящимися, живыми. Он внезапно остановился перед Кей Гондой.

— Надежда! У кого ее нет? Любой человек в глубине своего сердца всегда ощущает, что жизнь его складывается не так, как надо. Сам он обыкновенно настроен на славные, но бесперспективные крестовые

походы. Однако всегда возвращается из них с пустыми руками. Потому что никогда не получает ни одного шанса. Поиск его безнадежен и утомителен! Я видел всё, что люди называют своими добродетелями. Я видел и всё, что люди именуют своими пороками, и я наслаждался пороками, чтобы забыть о добродетелях. Однако я сохранил в себе зрение, способное видеть подлинную, единственно возможную жизнь, которая поддерживает на плаву меня самого, высочайшее в ней, вас.

— А вы уверены, — прошептала она, — вы уверены в том, что нуждаетесь во мне?

— Ответ вам известен, — ответил Дитрих фон Эстерхази, — завтра.

Он стоял перед ней, глаза его пылали.

— Я сказал уже, что сегодня вы спасли жизнь. Так оно и было. Я был готов свести с ней счеты. Но не теперь. Не теперь. Теперь мне есть за что бороться. Нам надо бежать — нам обоим. Бежать прочь отсюда, бежать в такое место, где когти общества не дотянутся до нас. Я не хочу ничего другого, кроме как служить вам. Служить в качестве простого рыцаря, как служили мои предки. Увидев меня, они позавидовали бы мне. Ибо мой Святой Грааль находится здесь. Реальный, живой, достижимый. Но и тогда они могут ничего не понять. Никто не поймет. Все останется между мной и тобой. Все будет только для нас.

— Да, — шепнула она, не отводя от него глаз, открытых, доверчивых, покорных, — только для тебя и меня.

Он вдруг улыбнулся, широко, заразительно блеснув зубами, и проговорил самым серьезным тоном:

— Надеюсь, я не испугал тебя своим ужасно серьезным тоном. Пожалуйста, прости меня. Ты дрожишь. Тебе холодно?

— Немного.

— Я зажгу очаг.

Подбросив несколько поленьев в мраморный камин, он чиркнул спичкой и нагнулся, наблюдая за тем, как крепнут и поднимаются выше язычки пламени.

Кей Гонда поднялась и, заложив руки за голову, пересекла комнату, а когда их взгляды соприкоснулись, оба они улыбнулись, как будто бы очень давно знали друг друга.

Взяв в руки бокалы, Дитрих фон Эстерхази подошел к столу.

— Вы позволите? — спросил он.

Она кивнула.

Он наполнил бокалы. Кей Гонда сняла жакет, бросила его на кресло, взяла бокал. Она стояла, чуть покачиваясь, возле противоположного от него края стола, опираясь одним коленом на мягкий подлокотник низкого кресла, тонкие плечи ее казались еще более нежными под черным атласом длинной блузы со строгим стоячим воротником. Он едва ли не ощущал прикосновение ее груди, прикрытых блузкой, одним только тонким и блестящим черным шелком.

Она подняла бокал длинными тонкими пальцами и чуть отпила, немного запрокинув назад голову, отчего светлые волосы рассыпались по черным плечам.

Потом она опустила бокал. Он залпом осушил свой и заново наполнил.

— Ты боишься аэропланов? — спросил он с улыбкой. — Потому что нам придется путешествовать долго-долго.

— Ужасно боюсь.

— Ну что же, тебе придется привыкать к ним. Я позабочусь об этом.

— Но ты не будешь слишком строгим со мной?

— Буду.

— Видишь ли, у меня тяжелый характер. И тебе придется обеспечивать меня шоколадом. Обожаю шоколад.

— Всего одну плитку в день.

— И не больше?

— Безусловно, нет.

— На мне просто горят чулки. За день приходится менять по четыре пары.

— Тебе придется научиться штопать их.

Кей Гонда лениво прошлась по комнате с бокалом в руке, словно бы ощущая себя дома. Дитрих фон Эстерхази снова наполнил свой бокал и остановился возле камина, наблюдая за ней. Она не спешила. Тело ее чуть откинулось назад. Под черной длинной блузкой была заметна игра каждого мускула. Он спросил:

— И ты все время теряешь перчатки и носовые платки?

— Все время.

— Так не пойдет.

— Не пойдет?

— Не пойдет.

— Еще я часто теряю кольца. С бриллиантами.

— Ну, от этой привычки, безусловно, придется отказаться. Терять можно кольца с жемчужинами, ну, быть может, с рубинами. Но только не с бриллиантами.

— А как насчет изумрудов?

— Не знаю, надо подумать.

— Ну, пожалуйста!

— Нет, обещать не могу.

Опустившись на кушетку, стоявшую возле камина, Кей Гонда вытянула ноги к огню, ее изящные ступни окрасил багрянец. С бокалом в руке он опустился на пол и скрестил ноги, язычки пламени заморгали в бокале. Они говорили, быстрыми искрами роняя слова, и смеялись — негромко и радостно.

Где-то далеко внизу часы пробили три раза.

— Ох, а я и не думал, что уже так поздно, — проговорил он, вставая. — Должно быть, ты устала.

— Да, очень.

— Тогда пора спать. Немедленно. Располагайся в моей спальне. Я останусь здесь на кушетке.

— Но...

— Никаких но. Мне будет удобно. Прошу сюда. Ты можешь воспользоваться какой-нибудь из моих пижам. Хорошо сидеть на тебе она не будет, однако, увы, от ночи осталось уже немного. А нам придется рано вставать.

У двери спальни она остановилась, подняла свой бокал и сказала:

— До завтра.

— До завтра, — ответил он, поднимая свой.

Она стояла возле двери, изящная, хрупкая, лицо ее оставалось спокойным, невинным, юным, и губы на нем казались губами святой.

— Спокойной ночи, — шепнула она.

— Спокойной ночи.

Она протянула ему руку. Неторопливо и нерешительно он поднес ее ладонь к губам, легким и почти-тельным жестом прикоснувшись к мягкой и прозрачной, бело-голубой коже...

В здании воцарилась тяжелая тишина, тишина толстых ковров, мягких штор и забывшихся во сне людей. Тяжелая тишина властвовала и над раскинувшимся за окном городом, тишина опустевших мостовых и темных домов. Дитрих фон Эстерхази лежал на тахте, скрестив руки под головой, и глядел в окно. Последнее красное пятнышко еще дышало, дрожало и прыгало на углях в камине. В темноте он мог видеть трепещущее красное отражение его в забытом ею на столе бокале. Он вдыхал тень ли, призрак ли благоухания ее духов, до сих пор окружавший его.

Беспокойным движением он повернулся на кушетке. И натянул дорожное одеяло повыше, поближе к плечам. А потом закрыл глаза. Посреди темных волн, ходивших под его веками, которые он постарался поплотнее зажмурить, плясала блестящая точка, светлое пятно на черном шелке, прятавшем под собой твердую молодую грудь.

Он открыл глаза. В комнате было темно. В затаившихся в черных углах тенях он угадывал длинную,

обтягивающую блузу, спускающуюся на стройные бедра.

Чтобы не вскочить, он вцепился в подлокотник кушетки.

Он закрыл глаза. И все равно видел ее ходящей по комнате, видел расправленные плечи, видел стройные ноги, видел четко и точно каждое движение ее руки, подносившей бокал к губам.

Он смахнул прядь волос с взмокшего лба.

Он уткнулся лицом в подушку, чтобы не ощущать этот запах вдруг ставших ненавистными духов... чтобы не ощущать все еще сохранявшей тепло подушки, на которой она сидела.

Он вскочил, неуверенно ступая, подошел к столу, нащупал в темноте свой бокал, наполнил его до краев, так что жидкость побежала на его дрожащие пальцы, потом на стол и со стола, так что он услышал тяжелую капель, глухо ударявшую в ковер.

Он выпил все сразу, запрокинув голову. А после стоял, сжимая в руке пустой бокал, мрачно сводя к переносью брови, не отводя взгляда от закрытой двери.

Он возвратился на кушетку, точнее упал, сбросив одеяло на пол. Он задыхался.

Что ему до того, что будет потом? Зачем ему беспокоить себя размышлениями о том, что она подумает о нем? Он видел только черный атлас, мягкий, блестящий, округлый. На губах его все еще горело прикосновение этой белой кожи. Что ему до всего этого?

Встав на ноги, ровно и упрямо ступая, он пошел к закрытой двери. И настежь распахнул ее.

Кей Гонда лежала одетой на его постели, одна рука ее свисала, белея в темноте. Она рывком подняла голову, и он угадал тени глаз на бледном пятне лица. Она ощутила его зубы, впивающиеся в мякоть ее руки.

Она отчаянно сопротивлялась, мышцы ее были тверды и резки, как у зверя.

— Молчи, — шепнул он охрипшим голосом, уткнувшись в ее горло. — Ты не можешь звать на помощь!

Она не стала звать...

Он лежал притихший, вялый и утомленный. Глаза его привыкли к темноте. Она засмеялась — внезапно, негромко, страшно. Он не отводил от нее глаз. Теперь она не была хрупкой святой, смотревшей на него спокойными, полными неизвестных глубин глазами. Блестевшие в полутьме губы были приоткрыты. Глаза наполовину прикрывали веки. Она превратилась в ту беспечную и легкомысленную женщину, какой он видел ее на экране. Рука ее тихо провела по его лбу. Ласка эта была оскорблением.

Потом она встала. Он видел, как она собирала свою одежду, как быстро и молча одевалась.

— Куда ты собралась? — спросил он.

Она не ответила.

— Куда ты идешь?.. Тебе нельзя... Ты не можешь выйти из отеля... разве ты не знаешь, что это опасно?.. И куда ты можешь пойти?..

Она словно не слышала.

Дитрих фон Эстерхази

И он вдруг почувствовал, насколько слаб его голос, что у него нет сил шевельнуться, что слова его бесполезны. Царящая за окном тьма медленно вползала в его комнату, в его мозг, в наступившее утро.

Он не пошевелился, когда она направилась к двери. А потом услышал, как открылась и закрылась за ней дверь.

Не пошевелился он и тогда, когда услышал удалявшийся по коридору ее смех, громкий и беспечный.

7

Джонни Дауэс

«Дорогая мисс Гонда!

Это письмо адресовано вам, однако я пишу его себе самому. Быть может, оно даст ответ на то, что я не могу понять, хотя и должен бы знать. Существует слишком много вещей, которых я не понимаю. Иногда мне кажется, что я из тех людей, которым не следовало бы родиться. Это не жалоба. Я ничего не боюсь, и мне ничего не жаль. Я просто встревожен, и мне нужно знать.

Я не понимаю людей, и они не понимают меня. Они живут и как будто бы счастливы. Однако для меня всё, чего ради они живут, всё, о чем они говорят, представляет собой какое-то расплывчатое пятно, кляксу, не имеющую ничего общего с понятием «смысл». Я обращаюсь к ним, но все мои слова лишь звуки того языка, который не ведом им от рождения. Кто

из нас прав? Да и важно ли это? Только можно ли перекинуть мост между нами?

То, за что я отдал бы — и с радостью — всю, до последнего дня, жизнь, которая может выпасть на мою долю, они забывают с немыслимой легкостью ради того, что сами именуют жизнью. И этой самой жизни в их понимании я не вынесу и единого мгновения, даже малой секунды. Так кто же они? Бестолковые, равнодушные, недоделанные создания... или загадка с единственным ответом: ложь? Или же они здравомыслящие, настоящие, подлинные люди, а я — урод и калека, которого нельзя оставлять в живых?

Я не могу даже сказать, чего именно хочу от жизни. Знаю только то, что хочу чувствовать, однако никогда не сталкивался с тем, что могло бы заставить меня ощутить это. Я хочу чувствовать хотя бы на секунду то, для чего нет человеческого слова, быть может, восторг, но это не то чувство, за которым нет рассудка, которому нет объяснения, чувство полноты, абсолюта, конца и оправдания всего бытия, одно мгновение жизни, в котором сконденсирована вся жизнь. Я не хочу ничего большего, но не хочу и ничего меньшего.

Но если я заговорю об этом — какой ответ получу? Услышу много слов о детях, об обеде, о футболе, о Боге. Все это — пустые слова? Или это я — пустое создание, которому не суждено наполниться?

Я часто хочу умереть. Я и сейчас хочу смерти. Не потому, что я отчаялся или взбунтовался. Я хочу уйти тихо, спокойно и по собственной воле. В этом мире для меня нет места. И я не могу надеяться изменить его. И даже не имею права желать перемен в нем. Но я также не могу изменить себя. Я не могу обвинять других. И не имею права считать, что я прав. Я ничего не знаю и не хочу знать. Мне нужно всего лишь оставить место, для которого я непригоден.

Только здесь меня удерживает нечто. Нечто такое, чего я жду. Такое, что должно посетить меня прежде, чем я уйду. Я хочу пережить один-единственный момент, но момент лично *мой*, момент, которого не может вместить их мир. И я хочу просто знать, что он существует, что он может существовать.

Кстати, не хотите узнать, почему я пишу вам это письмо? Потому что, когда вижу вас на экране, понимаю, что это именно то, чего я хочу от жизни. Понимаю, что жизнь не такая. И понимаю, какой она могла бы стать. Я знаю, что это возможно.

Вот что я хотел бы рассказать вам, хотя вы, быть может, не удосужитесь прочитать мое письмо или, прочитав, не поймете его. Я не знаю, какова вы на самом деле. И пишу той, какой вы являетесь в моем представлении.

*Джонни Дауэс
Мейн-стрит,
Лос-Анджелес, Калифорния».*

Ночью пятого мая Джонни Дауэс потерял место экспедитора в оптовой фирме.

Менеджер кашлянул, ногтем смахнул соринку с левого глаза, что-то покатал между пальцами, вытер их об рубашку и проговорил:

— Притом как ныне идут дела, нам придется расстаться кое с кем из вас. Приходи снова примерно через пару месяцев. Но ничего обещать не могу.

Джонни Дауэс получил расчет за последние двенадцать дней. Он работал не на полную ставку, и оттого сумма оказалась не слишком большой. Когда он вышел из помещения, менеджер проговорил, обратившись к другому, не уволенному экспедитору, плотному парню, красную физиономию которого покрывали прыщи:

— А вот этого юношу я впредь не рассчитываю видеть. Самодовольный сопляк. У нормального человека от него мурашки по коже.

Джонни Дауэс вышел на улицу, тихую и безлюдную в ранние утренние часы. Поднял воротник латаного пальто, надвинул на глаза кепку и решительно шагнул вперед, словно бы вступая в ледяную воду.

Это было далеко не первое потерянное им место. За короткие двадцать лет своей жизни Джонни Дауэс потерял много мест. Он всегда знал свое дело, но этого как будто бы никто не замечал. Он никогда не смеялся и даже улыбался редко. Он не запоминал никаких шуток, и ему, похоже, всегда нечего было сказать. Никто не слышал, чтобы он водил девчонку в кино, никто не знал, что у него было на завтрак, да

и завтракал ли он вообще. Когда в пивной на углу собиралась теплая компания, его в ней не оказывалось. Но когда собиралась компания на увольнение, он неизменно оказывался в ней.

Он шел быстро, засунув руки в карманы. Губы — тонкая линия над квадратным подбородком. Впалые щеки, серые тени залегли под острыми скулами. Глаза чистые, быстрые, удивленные.

Он шел домой не потому, что другого пути не было; он мог бы идти дальше и не поворачиваться назад, и никто, никто на всем белом свете не обратил бы на это внимание. Через несколько часов рассветет. Потом настанет другой день. Он может залечь на своем чердаке и спать. А может и встать, и отправиться бродить по улицам, не разбирая пути. Разницы никакой.

Теперь придется искать другую работу. Тратить утомительные, бесконечно тянущиеся дни, чтобы потом получить возможность влачить другие бесконечно тягучие, утомительные и бессмысленные дни. По этой части у него был большой опыт.

Был грязный и мрачный отель — темные коридоры, пропахшие тухлыми тряпками, тесная, не по размеру, форменная куртка, постоянные звонки из душевых номеров, разгоряченные потные лица перед его большими и чистыми глазами. Менеджер сказал тогда, что он слишком застенчив.

Была аптека — засиженное мухами зеркало позади длинного прилавка, на голове белый колпак набекрень, он сбивает фруктовые воды с мороженым в полосатом шейкере, мышцы на его лице застыли, как

бы превратившись в маску из белого воска. Этот менеджер сказал, что он держится слишком скованно.

Был ресторан — клетчатые, с сальными пятнами скатерти, объявление: «Особый обед за 29 центов»; люди, едящие, опустив локти на стол; жарящиеся на кухне гамбургеры, наполнявшие зал мутной дымкой; и он с подносами, полными грязных тарелок над головой, бочком пробирающийся сквозь толпу... локти болят, спина онемела... это он, Джонни Дауэс, мечтавший о самой сути своей жизни. И удивлявшийся желаниям людей. Менеджер сказал тогда, что он не годится в бармены.

А в промежутках была горсточка никелевых монеток в кармане, с каждым днем становившаяся все легче и легче, утром чашечка кофе, а потом ничего — только тупая боль в животе под туго затянутым ремнем, постель — пятнадцать центов за ночь — в длинной комнате, пропахшей потом и лизолом; а затем скамья в парке и газета над головой, а под его закрытыми веками — песнь о жизни, не имеющая ответа. И не у кого просить помощи, и никто не предлагал ему никакой помощи. Только однажды леди в норковой шубке сухим тоном провещала, что-де нормальный и ответственный молодой человек всегда может выбиться в люди и закончить колледж, если будет усердно учиться, а потом стать уважаемым учителем или врачом в том случае, если у него есть честолюбие. У него честолюбия не было.

Он шел быстро. Башмаки его стучали по бетону, звуки отдавались от каменных кубов, возносящихся ввысь — в черную бездну над головой. В серых тон-

нелях, на длинных полосах сероватого пола, разукрашенного полосками утренней сырости, в молчании города, проложившего мертвые ходы под землей, ничто не встречало его — ни шепот, ни движение, ни эхо. Он был один.

Джонни Дауэс остановился возле узкого кирпичного дома. Зеленоватые потеки, похожие на следы помоев, выплеснутых из узких окон, словно усы подпирали почерневшие подоконники. Белые буквы на темных кирпичах боковой стены предлагали жевать табак, обрывки выцветшего плаката что-то говорили о цирке. Над дверью виднелась вывеска с выпавшими буквами: «**КМНАТЫ И НОЧАГ**». Под вывеской пристроилась пыльная стеклянная табличка с поблекшей надписью: «**ПОСТЕЛИ-ЛЮКС 20 центов**».

Лифта не было. Света на лестницах тоже. Джонни Дауэс медленно поднимался, держась рукой за холодный железный поручень. Он миновал уже много этажей, время от времени останавливаясь, чтобы отдышаться.

На второй сверху площадке приоткрылась дверь, и на пол упала полоска света. Старая лендледи стояла, поеживаясь, в линялом халате, запачканном на локтях, седые космы падали на опухшие глаза, корявые пальцы впились в дверную ручку.

— Так это ты, значить? — прошипела она высоким, чуть надтреснутым тоном. — Даже не надейся пробраться наверх. А я тебя поджидала, вот как, поджидала. Ты мне должен и знаешь об этом. Давай сюда деньги или наверх не пройдешь.

Долга накопилось за десять дней. Он достал чек из своего кармана и передал его старухе. Все, что у него было. Он слишком устал, чтобы спорить. И знал, что отдает не весь долг.

— Тебя уволили?

— Да, миссис Маллиген.

— Вот бестолочь, вот кто ты есть, именно бестолочь. Урожденный бездельник. Чтобы утром тебя здесь не было. Выметайся отсюда. Слышал?

— Да, миссис Маллиген.

Миновав ее, он поднялся на три ступеньки, когда за спиной проскрипел ее голос:

— А нечего удивляться тому, что у тебя никогда денег нету. Все на баб тратишь.

Он остановился.

— На женщин? — переспросил он. — На каких еще женщин?

— А со мной-то нечего деревяшку... святошу изображать!

— О чем вы говорите?

— А о том, — проскрипела она, сплюнув с губы волос, — что одна такая как раз дожидается тебя в твоей комнате!

— Э... что?

— Дама.

— Вы хотите сказать... женщина?

— Я хочу сказать женщина. А ты что думал? Слон?

Роскошная дама, кстати.

— Вы хотите сказать в *моей* комнате?

— Ну да, сама впускала. Она спрашивала тебя.

— Кто она?

— А об этом я у тебя спрашивать должна! Да и разит от нее как от леди.

Он ринулся вверх по лестнице, через две следующие площадки к собственной клетушке. Распахнул дверь настежь.

На столе горела свеча. Женщина медленно поднялась навстречу ему, едва не задевая макушкой низкий, косой потолок. Волосы ее словно осветили комнату.

Джонни Дауэс сразу узнал ее. Он не был удивлен. И проговорил без малейших колебаний и сомнений в голосе:

— Добрый вечер, мисс Гонда.

— Добрый вечер.

Взгляд ее был прикован к его глазам, словно ищущий опору якорь, заброшенный в их темные глубины. И было во взгляде Кей Гонды удивление.

Он самым непринужденным образом проговорил, как если бы ее присутствие было для него привычным:

— Наверно, пришлось потрудиться, поднимаясь по этой лестнице?

Она ответила:

— Слегка. Подниматься всегда сложно. Однако результат оправдывает себя.

Джонни Дауэс снял пальто. Очень спокойными, замедленными движениями, как если бы мышцы его сделались нереальными, а ладони, потеряв вес, плавали как во сне.

Он сел, и она вдруг подошла к нему, взяла обеими ладонями лицо его, коснувшись длинными пальцами щек, чуть повернула к себе и спросила:

— Что случилось, Джонни?

Он ответил:

— Теперь — ничего.

— Ты не должен так радоваться моему приходу.

— Я и не радуюсь. Дело не в этом. Я знал, что вы придете.

— Еще тогда, когда писал мне?

— Да.

— Почему?

— Потому что вы мне нужны.

— Сегодня ночью я повидала многих людей, Джонни. И рада этому. Но сейчас... не знаю... быть может, мне не следовало приходить к тебе.

— Почему?

— Быть может... было бы лучше, если бы ты не видел меня.

— Почему?

— Из-за твоих глаз, Джонни... Они видят слишком много того, чего нет.

— Того, что могло быть.

— Не знаю, Джонни... я так устала! Устала от всего.

— Я понял это, когда видел вас на экране.

— Ты по-прежнему так считаешь?

— Да. И больше, чем прежде.

Кей Гонда прошла по комнате и усталым движением рухнула на его узкую железную койку, застеленную грубым серым одеялом. И глядя на него, проговорила, улыбаясь улыбкой, в которой не было ни веселья, ни приязни:

— Люди считают меня великой звездой, Джонни.

— Да.

— Люди говорят, что у меня есть все, чего можно только пожелать.

— Разве?

— Нет. Но откуда ты знаешь это?

— Почему вы решили, что я знаю это?

— И ты никогда не боишься людей, когда разговариваешь с ними, наверное, так, Джонни?

— Нет. Я очень боюсь. Всегда. Я не знаю, что надо говорить им. Но сейчас не боюсь.

— Я очень плохая женщина, Джонни. Верны все сплетни, которые ты слышал обо мне. Все и даже те, которых ты не слышал. Я пришла к тебе затем, чтобы ты не думал обо мне так, как написал в своем письме.

— Вы пришли ко мне затем, чтобы рассказать о том, что истинно все, что я писал о вас в своем письме и даже больше.

Она бросила свою шляпку на постель и провела по волосам пальцами, длинными, тонкими, легко коснувшись высоких белых висков.

— Я переспала со всеми мужчинами в студии. Со всеми, кто хотел меня. Чем ниже, тем лучше.

— Я знаю.

— Когда-то, очень давно, я работала служанкой. Знаешь, что это такое? Ты просыпаешься утром и не знаешь, зачем тебе жить в этот день. Но ты не умираешь. И не живешь. Но слышишь. Слышишь кое-что странное, это жизнь зовет тебя. А у тебя нет ответа. Тогда я решила, что должна все забыть. Все на свете. Заткнуть уши и следовать прямой дорогой. Брать у

мужчин все, что они могут предложить, и смеяться при этом — смеяться над ними и над собой. И я брала. Брала все. Самое низменное, что у них есть. Чтобы стать такою же, как они. Чтобы заставить себя забыть. Но я до сих пор слышу. Слышу то, чего никто не в состоянии дать мне. Почему же я слышу это? Что зовет ко мне?

— Вы сами.

— Я? Но я ничто. Ничто и нигде!.. Ты знаешь, что я получаю пятнадцать тысяч в неделю?

— Да.

— А ты знаешь, что у меня двести пар туфель?

— Нетрудно предположить.

— И бриллиантов горстями?

— Вполне возможно.

— А ты знаешь, что фильмы с моим участием идут в каждом городе мира?

— И их смотрят люди, с которыми вы не захотели бы встретиться.

— Они платят деньги... миллионы за то, чтобы увидеть меня. Но значу ли я для них хоть что-нибудь?

— Нет. И вы знаете это.

— Я работаю. Я рассказываю им о том, чего у них никогда не было, о том, чего не было и у меня самой, о жизни, какой она могла бы стать. Я зову к ним — но не получаю ответа. Они выкладывают миллионы за то, чтобы увидеть меня. Они пишут мне. Но нужна ли я им, Джонни? Нужна ли я им на самом деле?

— Нет. И вы знаете это.

— Я узнала это сегодня ночью. И думала, что знаю, всего час назад... Ох, ну почему ты ничего не просишь у меня?

— А что вы хотели бы, чтобы я попросил у вас?

— Почему ты не просишь, чтобы я нашла тебе работу на киностудии?

— Вы уже дали мне то единственное, о чем я мог бы попросить вас.

Кей Гонда вскочила. И яростно заметалась по комнате. Ладони ее обхватывали локти, а локти ее то и дело задевали стену, с которой осыпалась краска. Она остановилась перед ним, жестокая и безжалостная.

— Ты дурак! — прошипела она. — Ты проклятый дурак!

— Что вас так рассердило?

— Зачем ты живешь? Чего ты хочешь?

— Не думаю, чтобы я надолго задержался в числе живых. Нет нужды. Я уже видел все, что хотел.

— Что же именно?

— Вас.

Она бросила на него молящий взгляд и шепнула:

— Джонни, так чего же мы хотим, мы с тобою?

Он ответил, и каждое слово как будто бы отражалось в его глазах, и глаза его были как песня:

— Наверно, вам приходилось бывать в храме. Вы видели там людей, с почтением преклоняющих колена, когда души их вознесены к высочайшей из высот, которую они способны достичь? К той высоте, когда они понимают, что светлы, чисты и совершен-

ны? И когда их души являются концом и причиной всего на свете? Вас не удивляло при этом, отчего подобное случается только в храме? Почему они не могут перенести подобное настроение в свою жизнь? Почему, зная высоты духа, они хотят жить вдали от вершин? А именно там и хотим жить мы с вами, вы и я. И если мы способны мечтать, то должны воплощать свои мечты в жизнь. Если нет — чего могут стоить мечты?

— Ах, Джонни, Джонни, чего может стоить жизнь?

— Ничего. Но кто сделал так?

— Те, кто неспособен мечтать.

— Нет. Те, кто способен только мечтать.

Она стояла и молча смотрела на него. Он проговорил:

— Садитесь. У нас еще есть несколько часов. Что было прежде и что будет потом — какая разница?

Она послушно села поодаль от него. Между ними находился поломанный стол с мыльницей и воткнутой в бутылку свечой. Свеча рождала пляшущее сияние на темной стене, лучики пробивались сквозь трещины в рассохшейся краске. Они говорили... так, словно мир существовал всего полчаса. Взгляды их не расставались... они словно бы соединились в долгом объятии. Они говорили... женщина, познавшая жизнь во всех подробностях, и юноша, совсем не знающий жизни.

— Джонни, — вдруг негромко спросила она, — ты сказал, что у нас осталось всего несколько часов. Почему так?

Он ответил, не посмотрев на нее:

— Просто я кое о чем подумал.

— О чем же?

— Так, ни о чем. Но об этом потом.

За пыльным световым люком в наклонной крыше небо в последнем усилии обретало мягкую, глубокую синеву. Потом... Джонни Дауэс вдруг спросил:

— Вы убили его?

— Разве нам, Джонни, обязательно говорить об этом, а Джонни?

— Я знал Грантона Сэйерса. Когда-то работал на него, мальчиком таскал клюшки в гольф-клубе Санта-Барбары. Жесткий был человек.

— Он был очень несчастен, Джонни.

— При этом кто-нибудь присутствовал?

— При чем при этом?

— При том, как вы убили его?

— А об этом обязательно нужно говорить?

— Я должен это знать. Кто-нибудь видел, как вы убивали его?

— Нет. Никто не видел, как я убила его.

Он поднялся, посмотрел на ее светлые пряди, в утомлении свесившиеся на плечо, и сказал:

— Уже очень поздно. Вы, должно быть, устали.

— Да, Джонни. Очень устала.

— Вам надо выспаться. Здесь, на моей постели.

А я лягу на крыше.

— На крыше?

— Да, а что такого. Я часто спал там в жару.

— Но сейчас холодно.

— Мне все равно. Я привык. Попробуйте ненадолго уснуть. Забудьте обо всем. И не беспокойтесь. Я нашел выход для вас.

— *Ты нашел выход?* Для меня?

— Да. Из всей этой истории с убийством. Только мы не будем сейчас говорить об этом. Завтра. Попробуйте уснуть.

— Да, Джонни.

Он пододвинул стол под световой люк, залез на него, открыл пыльное окошко и подтянулся вверх на сильных молодых руках. Став на крыше на колени, он шепнул:

— А теперь не думайте ни о чем. Усните. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Джонни, — прошептала она, глядя вверх удивленными глазами.

Он аккуратно прикрыл окно. Он сидел на крыше, сгорбившись, обнимая колени руками. И сидел так долгое время.

За морем крыш медленно поднималась ржавая дымка, и вдруг яркую синеву над темной полосой разорвала неяркая розовая трещина, повисшая над городом — мягкая, светлая, чистая. Вокруг, под ногами его, спали дома, темные в полосах сажки, и лишь несколько окошек светилось во всем городе, росинками, розовеющими в зарождающемся свете. Солнца не было. Только синева над головой становилась гуще и ярче, да за брошенными на облака черными тенями небоскребов вонзались в небо снопы лучей, еще не ясных, бледных, бесцветных, похожих на гало. Не

шевелиясь, Джонни Дауэс наблюдал за тем, как над городом встает рассвет.

Услышав доносившийся откуда-то снизу визг колес, скрип трамвая, прогремевшего по холодным рельсам, заметив в окнах светлые точки, он осторожно заглянул во тьму окна, тьму, хранившую за собой бледное, золотое сокровище на белой подушке. Тогда он открыл окно и соскользнул вниз, в свою каморку.

Кей Гонда спала.

Укрыв ноги своим пальто, припав к подушке черными атласными плечиками, разбросав золотые волосы даже через край постели.

Прикоснувшись к ее плечу, он негромко позвал:
— Мисс Гонда!

Она открыла глаза и повернулась на спину, чуть приоткрыв губы, ленивые, мягкие, чуть припухшие ото сна, и кротко, как ребенок, проговорила:

— Доброе утро.

— Доброе утро, мисс Гонда. Мне жаль вас будить. Однако вам пора вставать.

Она села на кровати, длинным и неторопливым движением отбросила волосы назад, помогая пальцами непокорным прядям. Моргнув, она сонным голосом проговорила:

— Неужели мне пора вставать?

— Да. Нам нельзя терять время.

— Что ты задумал, Джонни?

— У меня есть план, чтобы спасти вас. Нет, сейчас я ничего не могу сказать. Вы должны довериться мне.

— Я верю тебе, Джонни.

— И вы поступите в точности так, как я вам скажу?

— Да, Джонни.

— Вы приехали на автомобиле?

— Да. Я оставила его за углом.

— Спускайтесь к своему автомобилю и уезжайте. Куда угодно. Езжайте вперед, оставив город за спиной, туда, где никто не сможет увязаться за вами. Езжайте весь день. А к вечеру можно будет вернуться. В собственный дом. Тогда все будет в порядке. Вам ничего не будет грозить.

Она пристально, с любопытством посмотрела на него. Но ничего не сказала.

— Вы сделаете это? — спросил он.

— Да, Джонни.

Подойдя к двери, она на секунду остановилась. Джонни все еще смотрел на нее.

— Одно мгновение или множество жизней — есть ли разница между ними? Но видеть вас, знать, что вы существуете, знать, что вы можете существовать... Я хочу, чтобы вы запомнили только одно — я благодарю вас.

Она медленно повторила:

— Знать, что это существует, что оно может существовать.

После того как шаги ее затихли на лестнице, он долго стоял наверху, а потом подошел к столу, сел и написал письмо. Запечатав конверт, он приставил его к бутылке.

А потом открыл дверь и прислушался. Он услышал, как миссис Маллиган брела вверх по лестнице.

це, гремя мусорным ведром о ступеньки. Она оставила дверь в кухню открытой, и он услышал ее стенания.

Он тоже оставил дверь открытой, чтобы услышала миссис Маллиган. Он хотел, чтобы она услышала...

Кей Гонда гнала со скоростью семьдесят миль в час по ровным и длинным загородным дорогам, руки ее лежали на рулевом колесе, золотые волосы трепал ветер. Ее длинный, приземистый и блестящий лимузин пролетал мимо оплетенных розами зеленых изгородей, полей люцерны и ферм, от которых автомобиль провожали встревоженные глаза, а выгоревшие на солнце головы укоризненно кивали. Брови ее хмурились, глаза не отрывались от летевшей навстречу дороги. В глазах ее читался последний вопрос, на который еще не было ответа.

Когда она въехала обратно в город, уже вечерело, и первые фонари на перекрестках затевали свою борьбу с красными лучами заката. Мальчишки-газетчики размахивали белыми листами, оповещая об экстренном выпуске. Она не обратила на них никакого внимания.

Подъехав к собственному особняку, она с визгом тормозов на полной скорости остановила машину под белыми колоннами фасада. Торопливо взбежала по ступенькам, цокая каблуками по белому мрамору. В полумраке просторной прихожей нервно расхаживал чей-то явно разгневанный силуэт, замерший на

месте как вкопанный при виде ее. Силуэт принадлежал Мику Уоттсу.

Трезвому. В расстегнутой на горле рубашке. Встрепанный, с налитыми кровью глазами он комкал в руке газету.

— Так вот кто к нам пожаловал? — рявкнул он. — Явилась, наконец! Я-то знал, что ты вернешься! Знал, что ты вернешься именно сейчас!

— Позвони в студию, Мик, — проговорила она спокойно, палец за пальцем стаскивая с рук перчатки. — Скажи им, чтобы завтра к девяти часам были готовы к началу съемок. Пусть костюмерша будет в моем бунгало в семь тридцать, и скажи ей, чтобы юбка была хорошо отглажена и чтобы не было никаких морщинок возле карманов.

— Надеюсь, что ты недурно провела время! Надеюсь, что ты от души повеселилась! Но с меня довольно! Ухожу в отставку!

— Мик, ты же знаешь, что никуда не уйдешь.

— В этом и вся чертовщина! В том, что тебе это известно! И зачем я тебя только встретил? Скажи, ну почему я служу тебе как твой пес и буду служить до конца дней моих? Почему я не способен противостоять ни одной твоей безумной прихоти? Почему я должен ходить по городу и распространять эти дурацкие слухи об убийстве, которого ты не совершала, — просто потому, что ты захотела что-то там выяснить! Кстати... ну и как, удалось это тебе?

— Да, Мик.

— Надеюсь, что ты довольна собой! Надеюсь, что ты довольна тем, что натворила!

И он бросил газету ей в лицо.

Она медленно развернула скомканный листок. Заголовок гласил: «Удивительный поворот в деле об «убийстве» Сэйерса». Под заголовком размещалась статья:

«Молодой человек, опознанный как Джонни Дауэс, ранним утром этого дня совершил самоубийство в своей комнате на Саут Мейн-стрит. Тело обнаружила леддеди, миссис Марта Маллиган, услышавшая выстрел и известившая о происшествии полицию. В комнате самоубийцы было обнаружено адресованное полиции письмо, в котором юноша признавался в том, что убил Грантона Сэйерса, проживавшего в Санта-Барбаре миллионера, в ночь на третье мая, объяснив свой поступок застарелой обидой на Сэйерса, из-за которого некоторое время назад он потерял свою работу в гольф-клубе, и попросил полицию прекратить расследование обстоятельств преступления, чтобы не вовлекать в расследование невинных людей. Полиция озадачена этим «признанием» и может истолковать его только как поступок безумца, учитывая заявление, сделанное мисс Фредерикой Сэйерс, сестрой покойного миллионера при допросе полицейскими офицерами.

Заявление мисс Сэйерс гласит:

«Абсолютно озадачена признанием этого юноши, имени которого никогда не слышала до сего дня, и абсолютно не в состоянии объяснить его, поскольку природа смерти моего брата никак не была связана с убийством. Мой

брат, Грантон Сэйерс, совершил самоубийство ночью третьего мая, после обеда с мисс Кей Гондой. Он оставил мне письмо, содержание которого я могу теперь опубликовать. Теперь нет никакой необходимости скрывать, что бизнес моего брата находился на грани банкротства, и спасти его могла только сделка с могущественным концерном, переговоры с которым были тогда на полном ходу. Брат написал мне, что он устал от жизни и не имеет более желания бороться; что единственная женщина, которую он в своей жизни любил и которая могла бы вернуть его к жизни, снова в ту ночь отказалась выходить за него замуж. Я поняла, что известие о самоубийстве моего брата нарушит деловые переговоры, указывая собой на отчаянное положение его фирмы. Посему я решила на какое-то время сохранить его смерть в секрете. В ту ночь я побывала в доме мисс Гонды и, объяснив ситуацию, просила ее на некоторое время сохранить этот факт в тайне, ибо только она одна могла бы догадаться об обстоятельствах внезапной смерти моего брата. Она самым любезным образом дала мне согласие. Деловые переговоры были завершены сегодня утром, и я могу теперь открыть истину. Должна добавить, что была удивлена слухами, которые приписывали «убийство» моего брата мисс Гонде. Я полностью ошеломлена самоубийством и «признанием» этого неизвестного юноши».

— Ну и как тебе? — спросил Мик Уоттс.

— А ты не собираешься домой, Мик? Я очень устала.

— Но *ты* убийца, Кей Гонда! Ты убила этого мальчика!

— Не совсем так, Мик, не я одна.

— Ну как ты можешь стоять здесь и так смотреть на меня? Да знаешь ли ты... да понимаешь ли, что наделала?!

Кей Гонда посмотрела через открытую дверь на солнце, опускавшееся уже за бурые холмы, на огни города, мерцавшие на темных извилистых дорогах, и проговорила:

— Этот поступок был самым добрым среди всех, которые я совершила в своей жизни.

ЧАСТЬ II

Идеал

Пьеса

Вступление к пьесе *Идеал*

Повесть *Идеал* была написана в 1934 году, в то время, когда у Айн Рэнд имелись причины для недовольства миром. Роман «*Мы живые*» был отвергнут рядом издателей как «слишком интеллектуальный» и чересчур антисоветский (в Америке шло «красное десятилетие»); «*Ночь 16 января*» не нашла режиссера; и скромные сбережения мисс Рэнд подходили к концу. Первоначально являвшееся повестью, произведение, вероятно, в течение года или двух было основательно переработано ею и превращено в театральную пьесу, которая так никогда и не появилась на сцене.

После политической направленности своей первой профессиональной работы Айн Рэнд вернулась к теме своих ранних произведений: роли ценностей в человеческой жизни. В данном случае, подобно «*Ее Второй Карьере*», внимание обращено к негативу, но на сей раз в повествовании нет ни капли веселья; в основном оно носит трезвый и прочувствованный

характер. Речь идет об отсутствии цельности и чести в характере людей, их неспособности действовать согласно провозглашенным самими же идеалам. Темой произведения является грех не соблюдения в жизни своих идеалов.

Одна из знакомых мисс Рэнд, обыкновенная женщина средних лет, однажды сказала ей, что боготворит некую известную актрису и отдала бы свою жизнь ради встречи с ней. Мисс Рэнд усомнилась в искренности подобных сантиментов, и из этого сомнения родилась драматическая повесть, в которой знаменитая актриса, женщина настолько прекрасная, что невольно воспринимается людьми как воплощение их глубочайших идеалов, реально вступает в жизнь своих поклонников. Она появляется под тем предлогом, что ей грозит серьезная опасность. Вплоть до этого самого мгновения ее почитатели провозглашают почтение к ней на словах, не стоящих им ничего. Однако когда из далекой мечты она превращается в реальность, требующую действий с их стороны, происходит измена идеалу.

— О чем ты мечтаешь? — спрашивает актриса Кей Гонда одного из персонажей в тематическом развитии пьесы.

— Ни о чем, — отвечает он. — Чего могут стоить мечты?

— Ах, Джонни, Джонни, чего может стоить жизнь?

— Ничего. Но кто сделал так?

— Те, кто неспособен мечтать.

— Нет. Те, кто способен только мечтать.

В записи, сделанной в дневнике девятого апреля 1934 года, мисс Рэнд развивает эту мысль:

«Я полагаю — и хочу собрать все факты, способные проиллюстрировать это, — что худшим проклятием человечества является способность воспринимать свои идеалы как нечто абстрактное и отдаленное от повседневной жизни. Способность *жить* и мыслить различным образом, говоря иными словами, устраняет мышление из вашей реальной жизни. Это относится к не вполне сознательным и преднамеренным ханжам, но к тем, более опасным и лишенным надежды, которые наедине с собой и для себя переживают полный разрыв между своими убеждениями и жизнью и при этом все еще полагают, что имеют какие-то убеждения. С их точки зрения, либо идеалы, либо их жизнь не имеют цены, а чаще всего и то и другое».

Таковые «более опасные и безнадежные» могут предать свои идеалы ради «общественной респектабельности» (как это сделал в повести мелкий бизнесмен), или ради благосостояния народных масс (коммунист), или ради воли Господней (евангелист), или нескольких мгновений удовольствия (плейбой-граф), или для того, чтобы заявить, что добро недостижимо и потому борьба за него излишня (художник). *Идеал* красноречиво запечатлевает сущность каждого из этих различных типов и приводит их всех

к общему знаменателю. В этом отношении рассматриваемое произведение представляет истинно интеллектуальный *tour de force*. Это прежде всего философическое руководство к ханжеству, драматизированный перечень идей и жизненных позиций, обессиливающих идеалы, то есть изгоняющих таковые из жизни.

(Перечень этот, впрочем, не предлагается в виде развитой структуры сценария. В тексте самой пьесы отсутствует ход событий, нет никакой причинной связи между предыдущим и последующим эпизодами. Он представляет собой последовательность наводящих на размышления эпизодов, зачастую информативных и изобретательных, но для театра, как мне кажется, неизбежно несколько статичных.)

Художник Дуайт Лэнгли является чистейшим эталоном того порока, против которого выступает пьеса; по сути дела, он является проповедником платонизма, недвусмысленно, объявляющего, что красота, как и совершенство, в нашем мире недостижимы. Настаивая на том, что идеал на Земле невозможен, он не способен достаточно логичным образом поверить в реальность любого идеала, даже когда на самом деле находится перед ним. В результате, зная каждую черточку лица Кей Гонды, он (единственный среди персонажей) не узнает ее, когда она появляется в его жизни. Подобная философически наведенная слепота, объясняющая причину его предательства, является особенно блестящей конкретизацией темы пьесы, знаменуя собой драматическое окончание первого акта.

В своем дневнике того периода мисс Рэнд называет религию основной причиной потери человеком целостности. Худшим среди персонажей, вызывающим наиболее глубокое негодование с ее стороны, является Хикс — евангелист, проповедующий земное страдание в качестве средства достижения небесного блаженства. В великолепно проработанной сцене мы видим, что не пороки его, но его вера, в том числе понимание добродетели, заставляют его требовать измены от Кей Гонды, ее преднамеренной жертвы низжайшей из тварей. Набросив удавку на этику, проповедуя в качестве идеала жертву, религия, вне зависимости от собственных намерений, систематически порождает ханжество: она учит людей тому, что обретение ценностей является неизменным («эгоистичным»), но отказ от них благороден. Но «отказ от них» на практике означает измену им.

«Никто из нас, — жалуется один из персонажей, — никогда не выберет ту тусклую и безнадежную жизнь, которую ему приходится вести». И все же, как показывает пьеса, все эти люди предпочитают тот образ жизни, который они ведут. Оказавшись перед идеалом, который они, по собственным словам, желают, они обнаруживают, что не хотят его. Их, так сказать, «идеализм» во многом является формой самообмана, позволяющего им изображать перед собой и остальными людьми, что они стремятся к чему-то высокому. На самом же деле в реальности высоты духа им не нужны.

Кей Гонда, напротив, страстна в своей оценке; подобно Ирене в «Муже, которого я купила», она

не способна принять что-либо меньшее своего идеала. Ее экзальтированное восприятие жизни не может смириться с уродством, болью, «мелкими и гаденькими удовольствиями», которые со всех сторон окружают ее, она ощущает отчаянную потребность удостовериться в том, что не одинока в этом отношении. Не может быть никаких сомнений в том, что сама Айн Рэнд разделяла присущее Кей Гонде отношение к жизни, а зачастую и ее одиночество, и что полные отчаяния слова, сказанные Кей в пьесе, относятся к ней самой:

«Я хочу увидеть своими глазами, в подлиннике, во время моей собственной жизни ту красоту, которую я создаю в иллюзии! Я хочу увидеть ее в настоящем! А еще я хочу знать, что где-то, кто-то также хочет этого!

А иначе что пользы в ее лицемерии, в работе, в горении ради невозможного видения? Душа тоже нуждается в поливе.

Иначе она может засохнуть».

В эмоциональном плане *Идеал* представляет собой уникальное явление в творчестве Айн Рэнд. Это произведение представляет собой полярную противоположность «Хорошей копии», основанной на предположении о бессилии и незначительности зла. Однако *Идеал* фокусирует свое внимание исключительно на зле или на посредственности (в том смысле, в котором это не было сделано даже в романе *Мы живые*); это произведение пропитано чувством отстранения Кей

Гонды от всего человечества, не лишенным горечи ощущением того, что истинные идеалисты находятся в подавляющем меньшинстве среди в массе своей изменившего высшему населению земного шара, с которыми невозможно никакое общение. В соответствии с такой перспективой герой повествования Джонни Дауэс является совсем не характерным для Айн Рэнд персонажем, представляя собой неудачника, совершенно отстраненного от мира, мужчину, чья добродетель заключается в том, что он не знает, как ныне жить (и часто мечтает умереть). Когда Лео переживает подобное в Советской России, объяснение является чисто политическим и не имеет в себе никаких метафизических мотивов. Однако Джонни ощущает себя подобным образом именно в Соединенных Штатах.

В своих других произведениях Айн Рэнд сама дает ответ на подобное восприятие «злой вселенной», как она сама назвала ее. Например, Доминик Франкон в *Источнике* удивительным образом похожа на Кей и Джонни в своем идеалистическом отстранении от мира, однако в конечном счете обнаруживает, каким образом можно примирить зло с «благосклонной вселенной». «Ты должна научиться, говорит ей Реварк, не бояться мира. Не ощущать себя в его власти, как ты чувствуешь сейчас. Никогда не чувствовать той боли, которую ты ощущала в этом зале суда». Доминик овладевает этой способностью, которая, однако, не покоряется Кей и Джонни, во всяком случае, целиком. Результат не типичен для Айн Рэнд: повесть эта написана в *одобрении* первоначальной точки зрения Доминик.

Вне сомнения, напряженность той личной борьбы, которую вела в то время мисс Рэнд, — ее интеллектуальной и профессиональной борьбы с глухой, даже враждебной к ней культурой — позволяет понять заложенный в пьесе подход. Доминик, как сказала мисс Рэнд, — «это я сама в плохом настроении». То же самое можно сказать об этом аспекте *Идеала*.

Невзирая на довольно угрюмую суть, *Идеал* невозможно назвать полностью мрачной пьесой. В ней есть и более легкая, даже юмористичная сторона, в том числе остроумная сатира на Чака Финка, «бескорыстного» радикала, и на подобную Элмеру Гантри*, сестрицу Исси Туми с ее «Станцией техобслуживания Духа». Более того, сам финал пьесы при внешней его трагедийности ничуть не свидетельствует о поражении. Последний поступок Джонни есть действие — и в этом весь смысл, — направленное на защиту идеала от пустых слов и мечтаний. *Ego* идеализм посему неподделен, и предпринятый Кей Гондой квест оканчивается на положительной ноте. В этом отношении даже *Идеал* можно рассматривать как подтверждение (пусть и в несколько необычной форме) предположения о «благосклонной вселенной».

* Герой одноименного романа Синклера Льюиса, написанного в 1926 году и сатирически отображавшего религиозную деятельность фундаменталистских и евангелических кругов и отношение к ним тогдашнего общества.

Действующие лица

Билл Макнитт, режиссер.

Клер Пимоллер, сценаристка.

Сол Зальцер, сопродюсер.

Энтони Фарроу, глава киностудии «Фарроу
филм студияс».

Фредерика Сэйерс.

Мик Уоттс, представитель по связям с обществен-
ностью.

Мисс Терренс, секретарша Кей Гонды.

Джордж С. Перкинс, помощник директора
консервной компании «Нарцисс».

Миссис Перкинс, его жена.

Миссис Шлай, ее мать.

Кей Гонда.

Чак Финк, социолог.

Джимми, друг Чака.

Дуайт Лэнгли, художник.

Юнис Хаммонд.

Клод Игнациус Хикс, проповедник.

Сестра Исси Туми, проповедница.

Эзри.

Граф Дитрих фон Эстерхази.

Лало Джонс.

Миссис Моноган.

Джонни Дауэс.

Секретарши, гости Лэнгли, полис-
мены.

Место действия — Лос-Анджелес, Калифорния.

Время действия — настоящее, от полудня до вечера
следующего дня.

Обзор сцен

Пролог — Офис Энтони Фарроу на студии «Фарроу
фильм».

Акт I

сцена 1 — гостиная Джорджа С. Перкинса

сцена 2 — гостиная Чака Финка

сцена 3 — мастерская Дуайта Лэнгли

Акт II

сцена 1 — храм Клода Игнациуса Хикса

сцена 2 — салон Дитриха фон Эстерхази

сцена 3 — чердак Джонни Дауэса

сцена 4 — холл в резиденции Кей Гонды

Пролог

После полудня. Офис Энтони Фарроу на студии «Фарроу филм студииос». Просторная, богато обставленная комната в утрированно модернистском стиле — мечта второразрядного дизайнера по интерьеру, получившего заказ без финансовых ограничений. Входная дверь расположена диагонально в правом углу сзади. Еще одна маленькая дверь в стене справа. Окно слева. Большая афиша с Кей Гондой на центральной стене; на ней она изображена в полный рост, руки по бокам, ладонями вперед — необычная женщина, высокая, очень стройная, бледная; вся ее фигура напряжена, как бы благоговейно и пылко устремляясь к чему-то, так что афиша создает в комнате странную атмосферу — причем атмосферу, этой комнате не свойственную. На афише четко видна подпись — «Кей Гонда в фильме “Запретный восторг”». Занавес открывается, на сцене Клер Пимоллер, Сол Зальцер и Билл Макнитт. Зальцер, сорока лет, невысокий, коренастый, стоит спиной к комнате и с безнадежным видом смотрит в окно, нервно и монотонно постукивая пальцами по оконному стеклу. Клер Пимоллер, сорока с хвостиком лет, высокая, худая, с гладкой мужской стрижкой и в причудливом костюме, уютно устроившись в кресле, курит сигаре-

ту, вставленную в длинный мундштук. Макнитт, грубиян с виду и ведущий себя соответствующим образом, полулежит в мягком кресле, вытянув ноги и ковыряя спичкой в зубах. Никто не двигается. Никто ничего не говорит. Никто не смотрит на других. Натянутая, тревожная тишина, прерываемая только стуком по стеклу пальцев Зальцера.

Макнитт (*неожиданно взорвавшись*). Прекрати, Христа ради!

Зальцер неторопливо поворачивается, смотрит на него, медленно отворачивается назад к окну, но стучать перестает.
Тишина.

Клер (*пожимая плечами*). Ну? (*Никто не отвечает.*) У кого-нибудь есть предложения?

Зальцер (*устало*). Черт!

Клер. Не вижу смысла в подобном времяпрепровождении. Может, тогда поговорим хоть о чем-нибудь другом?

Макнитт. Давай, говори о чем-нибудь другом.

Клер (*с неубедительной веселостью*). Я вчера видела отснятый материал «Любовного гнездышка». Это триумф, настоящий триумф! Вы бы видели Эрика в той сцене, где он убивает старика и... (*Все вздрагивают.*) Ах, да. Прошу прощения. (*Тишина. Она заставляет себя продолжать.*) Я вам лучше расскажу про свою новую машину. Она великолепна — такая шикарная! Блестящая такая, кругом хром. Вчера выжала на ней восемьдесят миль в час — и никаких проблем! Говорят, новый бензин Сэйерса... (*Осталь-*

ные против желания шумно вздыхают. Она, глядя на их напряженные лица.) Да в чем, в конце концов, дело?

З а л ь ц е р. Послушайте, Пимоллер... прошу вас, Пиммолер... ради Бога, не упоминайте его!

К л е р. Что не упоминать?

М а к н и т т. Имя!

К л е р. Какое имя?

З а л ь ц е р. Да Сэйерса же! Ради бога!

К л е р (*покорно пожимая плечами*). Прошу прощения.

Тишина. Макнитт ломает в зубах спичку, выбрасывает ее, берет коробок, достает другую спичку и продолжает заниматься своими зубами. Из соседней комнаты доносится мужской голос. Все поворачиваются к входной двери.

З а л ь ц е р (*горячо*). Это Тони! Он расскажет! Он должен что-то знать!

Э н т о н и Ф а р р о у открывает дверь, но, прежде чем войти, обращается к кому-то, находящемуся за сценой. Он высокий, средних лет, держится с достоинством, одет со вкусом и даже несколько вызывающе.

Ф а р р о у (*обращаясь к кому-то, находящемуся в другой комнате*). Попробуйте еще раз позвонить в Санта-Барбару. И не кладите трубку, пока она сама не подойдет. (*Входит, закрывает за собой дверь. Все трое смотрят на него с нетерпеливым ожиданием.*)
Друзья мои, кто-нибудь сегодня видел Кей Гонду?
(*Общий разочарованный стон.*)

З а л ь ц е р. Значит, вот как. Ты тоже. А я думал, ты что-нибудь знаешь!

Ф а р р о у. Порядок, друзья. Не будем терять головы. «Фарроу студияс» рассчитывает на то, что все, кто работает на нее, будут исполнять собственные обязанности...

З а л ь ц е р. Проехали, Тони! Что дальше?

К л е р. Это абсурдно! Ну абсурдно!

М а к н и т т. Я всегда ждал от Гонды чего-нибудь в этом роде!

Ф а р р о у. Пожалуйста, без паники. Для нее нет никаких оснований. Я позвал вас сюда затем, чтобы продумать наши действия в этой критической ситуации хладнокровно, спокойно и... *(Внутренний телефон на его столе резко звонит. Он бросается к нему, его величественное спокойствие забыто, хватается трубку, взволнованно кричит.)* Да?.. Дозвонились? Санта-Барбара?.. Дайте ее мне!.. Что?! Это со мной мисс Сэйерс не будет говорить?! Ее не может не быть дома, это отговорки! Вы сказали ей, что это Энтони Фарроу? Из «Фарроу филмс»? Вы уверены, что правильно расслышали? Президент «Фарроу филмс»... *(Упавшим голосом.)* Ясно... Когда мисс Сэйерс ушла?.. Это уловки. Попробуй позвонить еще раз через полчаса... А также начальнику полиции.

З а л ь ц е р *(с отчаянием)*. Я и сам мог бы тебе это сказать! Мадам Сэйерс не станет ни с кем разговаривать. Если от нее газеты ничего не могут добиться, так мы и подавно.

Ф а р р о у. Будем последовательны. В кризисной ситуации нельзя быть непоследовательным. Давайте

соблюдать порядок, спокойствие. Понятно? *(Ломает пополам карандаш, который нервно крутил.)* Спокойствие!

З а л ь ц е р. Это в такие времена он хочет от нас спокойствия!

Ф а р р о у. Давайте... *(Телефон снова звонит, он бросается к нему.)* Да?.. Отлично! Соедините нас!.. *(Очень живо.)* Алло, шеф! Как дела? Я... *(Резко.)* Как прикажете понимать, что вам нечего мне сказать? Это Энтони Фарроу!.. Ну, обычно это очень даже имеет значение!.. Я хочу сказать, шеф... я хочу задать вам только один вопрос, и, думаю, что имею право получить ответ. Там, в Санта-Барбаре, было выдвинуто официальное обвинение против нее... так выдвинули его или нет? *(Сквозь зубы.)* Очень хорошо... Спасибо. *(Кидает трубку, пытаясь сдержать раздражение.)*

З а л ь ц е р *(с волнением)*. Ну?

Ф а р р о у *(безнадежно)*. Не захотел говорить. Никто не хочет ничего говорить. *(Опять в телефон.)* Мисс Дрейк?.. Вы пытались еще раз дозвониться мисс Гонде домой?.. А всем ее друзьям?.. Я знаю, что у нее нет друзей, все равно попытайтесь им дозвониться! *(Делает движение, чтобы положить трубку, но добавляет.)* И найдите, если сможете, Мика Уоттса. Если кто-то хоть что-нибудь знает, так это он!

М а к н и т т. Этот тоже не станет говорить.

Ф а р р о у. И нам следует взять с него пример. Тишина. Поняли? Ти-ши-на. Не отвечайте ни на какие вопросы в студии и за ее пределами. И забудьте о том, что читали сегодняшние утренние газеты.

З а л ь ц е р. Главное, чтоб газеты молчали о нас.

Ф а р р о у. Пока еще о нас ничего особенного не написали. Кроме сплетен и пустой болтовни.

К л е р. Но шум идет уже по всему городу! Намеки, шепотки, вопросы... Если бы в этом был хоть какой-то смысл, я бы подумала, что кто-то специально распустил этот слух.

Ф а р р о у. Лично я ни на минуту не верю всей этой брехне. Но тем не менее хотел бы выслушать все, что вам может быть известно. Как я понимаю, никто из вас не видел мисс Гонду со вчерашнего дня?

Все дружно пожимают плечами и качают головами.

З а л ь ц е р. Уж если газетчики не могут найти, то мы тем более.

Ф а р р о у. Упомянула ли она при ком-нибудь из вас, что собиралась вчера вечером ужинать в обществе Грантона Сэйерса?

К л е р. А когда и кому она что-нибудь говорит о себе?

Ф а р р о у. А при последней встрече не заметили ли вы чего-нибудь необычного в ее поведении?

К л е р. Я...

М а к н и т т. Я, я заметил! А что, тогда мне это показалось дьявольски смешно. Вчера утром, вот когда это было. Я подъехал к ее дому у моря, а она там носится между скал на моторной лодке. Я думал, меня инфаркт хватит, когда увидел!

З а л ь ц е р. Боже мой! Это противоречит контракту!

М а к н и т т. Что? Что у меня может случиться инфаркт?

Пролог

З а л ь ц е р. При чем здесь ты! Гонда не должна водить моторку!

М а к н и т т. Попробуй запрети ей! Потом вылезла вся мокрая на скалу. Я ей говорю: «Эдак ты когда-нибудь убьешься», а она смотрит прямо на меня и отвечает: «Меня это не волнует. И всех остальных тоже».

Ф а р р о у. Так и сказала?

М а к н и т т. Именно так. «Слушай, — говорю я ей, — мне наплевать, если ты сломаешь шею, но ты же подхватишь воспаление легких прямо посреди съемок моей очередной картины». А она посмотрела на меня с таким, знаете, своим выражением и говорит: «А может, и не будет никакой очередной картины». И пошла прямо в свой дом, а меня туда ее проклятый лакей не пустил.

Ф а р р о у. Так и сказала? Вчера?

М а к н и т т. Именно так, мерзавка проклятая! Да я никогда и не хотел ее снимать! Да я...

Телефон звонит.

Ф а р р о у (*хватая трубку*). Да?.. Кто-о? Какие такие Голдштейн и Голдштейн? (*Взрываясь*.) Скажите им, чтобы шли к черту!.. Пойдите! Скажите, мисс Гонда не нуждается ни в каких адвокатах! Скажите, что вы понятия не имеете, с какого бодуна они вообразили, что она в них нуждается! (*В ярости швыряет трубку*.)

З а л ь ц е р. Господи! Зачем мы вообще подписали с ней контракт! Одна головная боль с первого дня ее появления на съемочной площадке!

Ф а р р о у. Сол! Ты забываешься: в конце концов она — наша главная звезда!

З а л ь ц е р. А где мы ее откопали? В водосточной канаве! В водосточной канаве, на венской окраине! И что теперь имеем за свои хлопоты? Какую благодарность?

К л е р. Практичности, вот чего ей не хватает! Знаете ли, никаких возвышенных чувств. Вообще никаких! Никакого чувства товарищества. Честно говоря, не понимаю, что все вы в ней нашли!

З а л ь ц е р. По пять миллионов баксов чистой прибыли за каждую картину — вот что нашел я!

К л е р. Понять не могу, как это ей удается. Она же совершенно бессердечная. Вчера я ездила к ней после обеда обсудить сценарий. И что толку? Она не согласилась вставить младенца или собачку, как я хотела. Собаки такие человечные. Вы же знаете, все мы, в сущности, братья и...

З а л ь ц е р. Пимоллер права. Что-то в этом есть.

К л е р. И к тому же... *(Вдруг замолкает.)* Подождите! Смешно! Как я раньше не подумала. Она упомянула об ужине.

Ф а р р о у *(с нетерпением)*. Что она сказала?

К л е р. Она просто встала и вышла из комнаты, объявив, что ей-де надо переодеться. А потом добавила: «Сегодня вечером я ужинаю в Санта-Барбаре. Не люблю благотворительных миссий».

З а л ь ц е р. Боже мой, и что она хотела этим сказать?

К л е р. А кто вообще может понять, что она имеет в виду? Так что я не смогла ей возразить, ну,

не смогла! Только спросила: «Мисс Гонда, вы действительно считаете, что вы действительно лучше всех на свете?» И, как вы думаете, что она имела наглость ответить? «Да, — сказала. — Я так думаю. Но мне не хотелось бы иметь оснований для подобных мыслей».

Ф а р р о у. Почему же вы раньше не сказали мне этого?

К л е р. Забыла. Я действительно не знала, что у нее есть что-то с Грантоном Сэйерсом.

М а к н и т т. Старая история. Я думал, что она давно с ним порвала.

К л е р. Ему-то что от нее надо было?

Ф а р р о у. Но это же Грантон Сэйерс, вы же его знаете. Набитый дурак. Три года назад стоил пятьдесят миллионов. А сейчас, кто знает? Может, пятьдесят тысяч долларов, а может, и всего пятьдесят центов. Однако в саду хрустальный бассейн и греческий храм...

К л е р. И Кей Гонда.

Ф а р р о у. Ах да, и Кей Гонда. Дорогая игрушка или произведение искусства, это как посмотреть. Кей Гонда, какой она была два года назад. Но не сейчас. Мне известно, что до вчерашнего ужина в Санта-Барбаре она не встречалась с Сэйерсом больше года.

К л е р. Они поссорились?

Ф а р р о у. Нет. Не ссорились. Насколько я знаю, этот дурак трижды делал ей предложение. Она могла заполучить его целиком и полностью с греческими храмами, нефтяными скважинами и всем прочим в любую минуту — нужно было только глазом моргнуть.

К л е р. Но, может быть, сейчас у нее возникли какие-то неприятности?

Ф а р р о у. Да нет, никаких. Знаете ли, она должна была сегодня подписать с нами новый контракт. И клятвенно обещала быть здесь в пять, но...

З а л ь ц е р (*внезапно хватается за голову*). Тони! Контракт!

Ф а р р о у. Что контракт?

З а л ь ц е р. Может быть, она передумала и решила закончить карьеру.

К л е р. Это только поза, мистер Зальцер, поза. Она так заявляет после каждой картины.

З а л ь ц е р. Да ну? Посмотрел бы на то, как вы повеселились бы, если бы вам пришлось, как нам, два месяца ползать за ней на коленях. «С меня довольно, говорит, кому нужен этот фильм, говорит...» Так что, пять миллионов прибыли с кинокартины никому не нужны?! «Разве он стоит трудов?» Ха! Мы ей предлагаем двадцать тысяч в неделю, а она не знает, стоит ли ей трудиться!

Ф а р р о у. Ну-ну, Сол. Следи за своим подсознанием. Знаешь, я думаю, она придет в пять. Это в ее стиле. Она ужасно непредсказуемая особа. Ее поступки нельзя судить по обычным меркам. От нее можно ждать чего угодно.

З а л ь ц е р. Тони, а что с контрактом? Она опять настаивала... Там опять что-то было по поводу Мика Уоттса?

Ф а р р о у (*вздыхает*). К сожалению, было. Нам опять пришлось вписать это условие. С тех пор как она с нами, Мик Уоттс является ее представителем

по связям с общественностью. Очень неудачным, кстати.

К л е р. Весь этот сброд, который она собирает вокруг себя. А никто из нас для нее недостаточно хорош! Вот теперь она попала в переделку — и я рада. Да, рада! Не понимаю, почему мы должны убиваться из-за нее!

М а к н и т т. Мне лично плевать! Буду снимать Джоан Тюдор.

К л е р. А я лучше буду писать сценарии для Сэлли Суини. Она такая милашка. И...

Входная дверь распахивается. Врывается мисс Дрейк и захлопывает ее за собой, как будто за ней гонятся.

М и с с Д р е й к. Она здесь!

Ф а р р о у (вскакивая). Кто? Гонда?!

М и с с Д р е й к. Нет! Мисс Сэйерс! Мисс Фредерика Сэйерс!

Все ахают.

Ф а р р о у. Что? Она здесь?

М и с с Д р е й к (с глупым видом показывая на дверь). Там! Прямо там!

Ф а р р о у. Боже мой!

М и с с Д р е й к. Она хочет видеть вас, мистер Фарроу. Она требует, чтобы вы приняли ее!

Ф а р р о у. Так впустите ее! Впустите же, ради Бога! (Мисс Дрейк делает движение к двери.) Стойте! (Остальным.) Вам лучше уйти! Может быть, это конфиденциально. (Подталкивает их к правой двери.)

З а л ь ц е р (уходя). Заставь ее говорить, Тони!
Ради всего святого, заставь ее говорить!

Ф а р р о у. Не беспокойся!

Зальцер, Клер и Макнитт уходят. Фарроу накидывается на мисс Дрейк.

Ф а р р о у. Нечего стоять столбом и трястись!
Давайте ее сюда!

Мисс Дрейк поспешно уходит. Фарроу плюхается за стол и пытается принять равнодушный вид. Дверь распахивается, входит Фредерика Сэйерс, высокая, суровая леди средних лет, с проседью в волосах, держится прямо, одета в траур. Мисс Дрейк суетливо бежит за ней. Фарроу вскакивает.

М и с с Д р е й к. Мисс Фредерика Сэйерс, мистер Фар...

М и с с С э й е р с (отстраняя ее). Отвратительные порядки на вашей студии, Фарроу! Так нельзя вести дела.

Мисс Дрейк исчезает, прикрыв за собой дверь.

У ворот на меня набросились пятеро репортеров, увязавшихся за мной до самого вашего кабинета. Надо думать, теперь полное описание этого события, включая цвет моего нижнего белья, попадет в газеты.

Ф а р р о у. Дорогая мисс Сэйерс! Как поживаете? Очень мило с вашей стороны заглянуть к нам! Уверяю вас в том, что я...

М и с с С э й е р с. Где Кей Гонда? Мне надо ее увидеть. Сейчас же.

Ф а р р о у (*с удивлением смотрит на нее*). Присаживайтесь, мисс Сэйерс. Позвольте выразить мое глубочайшее соболезнование вашему горю в связи с преждевременной кончиной вашего брата, который...

М и с с С э й е р с. Мой брат был дураком. (*Садится.*) Я всегда знала, что он плохо кончит.

Ф а р р о у (*осторожно*). Честно говоря, у меня не было возможности выяснить подробности этой трагедии. Каким именно образом смерть постигла мистера Сэйерса?

М и с с С э й е р с (*недоброжелательно глядя на него*). Мистер Фарроу, ваше время дорого. Мое тоже. Я пришла сюда не отвечать на вопросы. Более того, я вообще пришла сюда не для того, чтобы разговаривать с вами. Мне нужна мисс Гонда по очень срочному делу.

Ф а р р о у. Мисс Сэйерс, давайте внесем ясность. Сегодня я с раннего утра пытаюсь связаться с вами. Вы должны знать, кто пустил этот слух. И вы должны понимать, насколько он абсурден. Случилось так, что мисс Гонда вчера ужинала с вашим братом. Сегодня утром его нашли мертвым, с пулей в сердце. Это ужасно, и я глубоко соболезную вам, поверьте, однако неужели этого достаточно, чтобы подозревать мисс Гонду в убийстве? Всего лишь на основании того факта, что она оказалась последней, видевшей его в живых?

М и с с С э й е р с. И того факта, что с тех пор никто не видел ее.

Ф а р р о у. Она... она действительно это сделала?

М и с с С э й е р с. Мне нечего сказать по этому поводу.

Ф а р р о у. В ту ночь в вашем доме еще кто-нибудь был?

М и с с С э й е р с. Мне нечего сказать по этому поводу.

Ф а р р о у. Но боже мой! *(Берет себя в руки.)* Послушайте, мисс Сэйерс. Я хорошо понимаю, что вы не хотите, чтобы ваши слова попали в газеты и в прессу, однако мне-то строго конфиденциально вы можете сказать, при каких обстоятельствах погиб ваш брат?

М и с с С э й е р с. Я дала показания в полиции.

Ф а р р о у. Полиция отказывается что-либо говорить!

М и с с С э й е р с. Должно быть, у нее есть на это причины.

Ф а р р о у. Мисс Сэйерс! Пожалуйста, постарайтесь меня понять! Я имею право знать истину. Что именно случилось на этом ужине?

М и с с С э й е р с. Я никогда не следила за Грантоном и его пассиями.

Ф а р р о у. Но...

М и с с С э й е р с. А мисс Гонду вы спрашивали? Что она говорит?

Ф а р р о у. Вот что, раз вы мне ничего не говорите, то и я вам ничего не скажу.

М и с с С э й е р с. Я и не прошу вас что-либо говорить. Честно говоря, все, что вы можете сказать,

не представляет для меня ни малейшего интереса. Я хочу увидеть мисс Гонду. Для ее же блага. И для вашего, полагаю.

Ф а р р о у. Я могу ей что-нибудь передать?

М и с с С э й е р с. Дорогой мой, вы ведете себя как дитя.

Ф а р р о у. Да скажите, ради всего святого, что происходит? Если вы обвинили ее в убийстве, это не дает вам права приходить сюда и требовать встречи с ней! Если она прячется, то не от вас ли в первую очередь?

М и с с С э й е р с. Очень жаль, если так. Очень неосмотрительно с ее стороны. Очень.

Ф а р р о у. Слушайте. Предлагаю сделку. Вы рассказываете мне все, а я отвезу вас к мисс Гонде. Никак иначе.

М и с с С э й е р с (*встает*). Мне всегда говорили, что у вас, киношников, отвратительные манеры. Чрезвычайно жаль. Пожалуйста, передайте мисс Гонде, что я пыталась встретиться с ней. И теперь не отвечаю за последствия.

Ф а р р о у (*вскакивая за ней*). Подождите! Мисс Сэйерс! Подождите минутку! (*Она оборачивается.*) Прошу прощения! Простите меня, пожалуйста! Я... я немного не в себе, вы же понимаете. Умоляю, мисс Сэйерс, вдумайтесь, что это значит! Величайшая кинозвезда! Мечта всего мира! Ее боготворят миллионы. Это практически религия.

М и с с С э й е р с. Я никогда не одобряла кино. И никогда не смотрю ваши фильмы. Развлечение для идиотов.

Ф а р р о у. Вы никогда не сказали бы так, если бы читали письма ее поклонников. Думаете, ей пишут одни только продавщицы и школьники, как бывает всегда? Нет. Только не Кей Гонде. Ей пишут преподаватели колледжей, писатели, судьи и министры! Все на свете! Начиная от потных фермеров и кончая мировыми знаменитостями! Просто невероятно! Сколько работаю, ничего похожего не видел.

М и с с С э й е р с. Правда?

Ф а р р о у. Не знаю, что именно она с ними со всеми делает, но что-то делает. Для них она не кинозвезда — для них она богиня. *(Перебив самого себя.)* Ох, простите. Я понимаю, что вы чувствуете по отношению к ней. Конечно, мы-то с вами знаем, что мисс Гонда не безупречна. На самом деле она очень сложный человек, который...

М и с с С э й е р с. Я считала ее очень привлекательной женщиной, пусть и несколько анемичной. Конечно, ей не хватает витаминов. *(Вдруг оборачивается к нему.)* Она была счастлива?

Ф а р р о у *(глядя на нее)*. Почему вы спрашиваете?

М и с с С э й е р с. Сомневаюсь в этом.

Ф а р р о у. Этот вопрос, мисс Сэйерс, я задаю себе уже не первый год. Она какая-то странная.

М и с с С э й е р с. Странная.

Ф а р р о у. Но теперь вы, конечно, ненавидите ее и готовы задушить собственными руками!

М и с с С э й е р с. Я не испытываю к ней и капли ненависти.

Ф а р р о у. Тогда, бога ради, помогите мне спасти ее имя! Расскажите мне, что случилось! Так или иначе,

Пролог

но надо остановить эти сплетни! Давайте же остановим их!

Мисс Сэйерс. Мой дорогой, это становится утомительным. В последний раз спрашиваю: позволите ли вы мне поговорить с мисс Гондой или нет?

Фарроу. Извините, но это невозможно, и...

Мисс Сэйерс. Или вы дурак, или сами не знаете, где она находится. Печально в обоих случаях. Всего хорошего.

Она подходит к двери, когда распахивается дверь в правой стене. Зальцер и Макнитт вводят между собой Мика Уоттса, высокого мужчину лет тридцати пяти, платинового блондина, наделенного свирепым лицом головореза и голубыми глазами младенца. Сразу видно, что он сильно пьян.

Макнитт. Вот тебе твой любимый Мик Уоттс!

Зальцер. Где, ты думаешь, мы его нашли? Он был... *(Немедленно замолкает, увидев мисс Сэйерс.)* О, прошу прощения! Мы думали, мисс Сэйерс ушла!

Мик Уоттс *(высвобождаясь из их рук)*. Мисс Сэйерс?! *(Угрожающе приближается к ней.)* Что вы им сказали?

Мисс Сэйерс. А кто вы такой, молодой человек?

Мик Уоттс. Что вы им сказали?!

Мисс Сэйерс *(надменно)*. Я ничего не сказала.

Мик Уоттс. Правильно! Язык надо держать за зубами! За зубами!

Мисс Сэйерс. Это, молодой человек, именно то, что я и делаю. *(Уходит.)*

М а к н и т т (*подходя к Мику Уоттсу, со злостью*).
Ах ты, пьяная рожа!

Ф а р р о у (*перебивает его*). Подожди минуту!
Что случилось? Где вы его нашли?

З а л ь ц е р. Внизу, в отделе рекламы! Только подумай! Он пошел прямо туда, и там на него накинулась толпа репортеров, и они начали накачивать его спиртным и...

Ф а р р о у. Господи!

З а л ь ц е р. И вот что он им выдал в качестве официального пресс-релиза! (*Расправляет смятый им самим лист бумаги, читает.*) «Кей Гонда не готовит себе обед и не вяжет себе штанишки. Не играет в гольф, не усыновляет детей и не содержит приют для бездомных лошадей. Она не похожа на свою дорогую старушку мать просто потому, что у нее нет дорогой старушки матери. Она не такая, как мы с вами. Она никогда не была такой, как мы с вами. О такой, как она, вы, скоты, и мечтать не можете!»

Ф а р р о у (*хватаясь за голову*). Он выдал им такой текст?

З а л ь ц е р. Ты меня что, за дурака держишь? Скажи спасибо за то, что мы его вовремя оттуда выцарапали!

Ф а р р о у (*подходя к Мику Уоттсу, заискивающе*). Садись, Мик, садись. Вот молодец.

Мик Уоттс шлепается на стул и застывает, оцепенело глядя в пространство.

М а к н и т т. Если позволите мне один раз врезать этому мерзавцу, он скажет все, что надо.

Пролог

Зальцер яростно толкает его локтем, чтобы он замолчал. Фарроу, метнувшись к шкафу, достает стакан и графин, наливает.

Фарроу (*нагнувшись к Мику Уоттсу, с участливым видом предлагает ему стакан*). Выпьешь, Мик? (*Мик Уоттс не шевелится и не отвечает.*) Хорошая погода, Мик. Хорошая, но жаркая. Ужасно жаркая. Может, выпьем вместе?

Мик Уоттс (*глухо и монотонно*). Я ничего не знаю. Уберите алкоголь. Идите к черту.

Фарроу. Ты о чем?

Мик Уоттс. Я ни о чем — и это относится ко всему.

Фарроу. Ну так можешь выпить. Мне показалось, что ты хочешь пить.

Мик Уоттс. Я ничего не знаю о Кей Гонде. Ничего о ней не слышал... Кей Гонда. Смешное имя, да? Однажды, очень давно, я ходил к исповеди, и там толковали об искуплении всех грехов. Незачем кричать: «Кей Гонда!» — и думать, что все грехи сняты. Просто отдай четвертак за место на балконе — и вернешься чистым, как снег.

Все переглядываются и безнадежно пожимают плечами.

Фарроу. Я вот что подумал, Мик: бог с ней, с выпивкой. Лучше съешь что-нибудь.

Мик Уоттс. Я не хочу есть. Я уже много лет не хочу есть. А она хочет.

Фарроу. Кто?

Мик Уоттс. Кей Гонда.

Ф а р р о у (*нетерпеливо*). А ты случайно не знаешь, где она будет есть в следующий раз?

М и к У о т т с. На небесах. (*Фарроу беспомощно трясет головой.*) На голубых небесах между белыми лилиями. Очень белыми лилиями. Если только сумеет найти их.

Ф а р р о у. Я тебя не понимаю, Мик.

М и к У о т т с (*впервые внимательно на него посмотрев*). Не понимаете? Она тоже. Только это не важно. А выяснять что, к чему, не стоит, потому что, как только начнешь, в конце концов окажется, что на руках у тебя больше грязи, чем было той, которую ты хотел стереть. Полотенец для этого не хватит на всей Земле. Полотенец не хватит, чтобы ее стереть. Вот в чем загвоздка.

З а л ь ц е р (*с нетерпением*). Послушай, Уоттс, ты должен кое-что знать. И лучше будет, если ты сможешь нам. Лучше бы тебе быть с нами заодно. Ты не забыл еще, что тебя выставили из всех газет на том и на этом берегу...

М и к У о т т с. И еще из многих посередине.

З а л ь ц е р. Так что, если что-нибудь случится с Гондой, ты не найдешь здесь работы, если только сейчас не поможешь нам и...

М и к У о т т с (*безразличным тоном*). Думаете, я захочу остаться с вами, подлецами, без нее?

М а к н и т т. Господи, да что все они находят в этой сучке!

Мик Уоттс оборачивается и пристально, с угрозой смотрит на Махнитта.

Пролог

З а л ь ц е р (*примирияющим тоном*). Ну-ну, Мик, он совсем не это имел в виду, он пошутил, он...

Мик Уоттс медленно, неторопливо встает, не спеша подходит к Макнитту, бьет его по лицу, так что тот падает на пол. Фарроу бросается на помощь оглушенному Макнитту. Мик Уоттс остается на месте, с абсолютным безразличием опустив руки.

М а к н и т т (*медленно поднимая голову*). Проклятый...

Ф а р р о у (*удерживая его*). Спокойствие, Билл, спокойствие, следите за...

Дверь распахивается, врывается запыхавшаяся К л е р П и м о л л е р.

К л е р. Едет! Едет!

Ф а р р о у. Кто?

К л е р. Кей Гонда! Только что видела, как ее машина свернула за угол!

З а л ь ц е р (*глядя на наручные часы*). Боже! Пять часов! Ну что тут скажешь!

Ф а р р о у. Я знал, что она придет! Я знал! (*Бросается к телефону, кричит.*) Мисс Дрейк! Несите контракт!

К л е р (*дергая его за рукав*). Тони, вы ведь не перескажете ей, что я здесь наговорила? Я всегда была ее лучшей подругой! Я все сделаю, чтобы ей угодить! Я всегда...

З а л ь ц е р (*хватая трубку*). Соедините с отделом рекламы. Быстро!

М а к н и т т (*кидаясь к Мику Уоттсу*). Я пошутил, Мик! Ты знаешь, что я пошутил. Ничего серьезного, да, дружище?

Мик Уоттс не двигается и не смотрит на него. Уоттс один остается неподвижным среди всеобщей паники.

З а л ь ц е р (*кричит в телефон*). Алло, Мигли?.. Обзвони все газеты! Пусть не занимают первую полосу! Потом скажу! (*Бросает трубку.*)

Входит мисс Дрейк с бумагами.

Ф а р р о у (*показывая на стол*). Кладите сюда, мисс Дрейк! Спасибо! (*Из-за двери доносится звук приближающихся женских шагов.*) Всем улыбаться! Улыбнитесь! Не дайте ей понять, что мы хоть на минуту могли подумать, что она...

Все, за исключением Мика Уоттса, подчиняются, все взгляды направлены на дверь. Дверь открывается. Мисс Терренс, педантичная и ничем не примечательная особа женского пола, входит и останавливается на пороге.

М и с с Т е р р е н с. Мисс Гонда уже здесь?

Общий, полный разочарования стон.

З а л ь ц е р. О, господи!

М и с с Т е р р е н с (*глядя на неподвижную группу*). В чем дело?

К л е р (*сдавленным голосом*). Вы... это вы приехали на машине мисс Гонды?

Пролог

Мисс Терренс (*синтонацией, полной оскорбленного достоинства*). Конечно. У мисс Гонды здесь в пять часов назначена деловая встреча, и я подумала, что мой долг, как секретаря, приехать и сказать мистеру Фарроу, что, похоже, мисс Гонда приехать не сможет.

Фарроу (*глухо*). Так, так.

Мисс Терренс. Еще мне хотелось бы уточнить один непонятный вопрос. Не был ли вчера вечером кто-нибудь со студии дома у мисс Гонды?

Фарроу (*оживая*). Нет. С какой стати, мисс Терренс?

Мисс Терренс. В этом и заключается мой вопрос.

Зальцер. В чем именно?

Мисс Терренс. Я не могу понять. Я спрашивала слуг, но они не брали.

Фарроу. Не брали чего?

Мисс Терренс. Если никто другой их не брал, значит, мисс Гонда возвращалась домой вчера ночью.

Фарроу (*нетерпеливо*). Почему вы так решили, мисс Терренс?

Мисс Терренс. Потому что вчера я видела их у нее на столе, уже после того, как она уехала в Санта-Барбару. А сегодня утром, когда я зашла в ее комнату, их не было.

Фарроу. И что исчезло?

Мисс Терренс. Шесть писем из тех, что присылают мисс Гонде поклонники.

Общий вздох, выражающий полнейшее разочарование.

З а л ь ц е р. Вот чокнутая!
М а к н и т т. Я-то подумал!

Внезапно Мик Уоттс начинает хохотать без видимой на то причины.

Ф а р р о у (*сердито*). Над чем ты смеешься?

М и к У о т т с (*спокойно*). Над Кей Гондой.

М а к н и т т. Да, гоните вы отсюда эту пьянь!

М и к У о т т с (*не глядя ни на кого*). Великие поиски. Безднадежные поиски. Зачем мы надеемся? Зачем ищем, хотя были бы счастливее, если бы и не знали о существовании того, что ищем? Зачем она ищет? Почему она должна ощущать боль? (*Внезапно с нескрываемой злобой оборачивается ко всем остальным.*) Будьте вы все прокляты!

ЗАНАВЕС

АКТ I

Сцена I

Занавес поднимается, открывая киноэкран, по которому медленно ползут строки письма, написанного четким и разборчивым почерком:

«Дорогая мисс Гонда!

Я не большой поклонник кино, но не пропускаю ни одного фильма с Вашим участием. В Вас есть что-то, чему я не могу найти названия, что-то, что было и во мне, но я это утратил. И у меня есть чувство, что Вы сохраняете это для меня, для всех нас. У меня это было очень давно, когда я был очень молод. Вы знаете, как это бывает; когда ты очень молод, впереди тебя ждет что-то настолько большое, что ты боишься его, но в то же время ждешь. И это ожидание делает тебя счастливым. Но годы проходят, а это нечто так и не появляется. И потом однажды ты понимаешь, что

уже не ждешь. Это может показаться глупым, потому что ты так толком и не понял, чего ждал. И вот я смотрю на себя и не знаю. Но когда я смотрю на Вас — тогда знаю, что это было.

И если когда-нибудь, каким-то чудом, Вы войдете в мою жизнь, я брошу все и пойду за Вами, и с радостью положу за Вас свою жизнь, потому что, понимаете, я все еще остаюсь человеком.

Полностью Ваш,

*Джордж С. Перкинс.
Саут-Гувер-стрит,
Лос-Анджелес,
Калифорния».*

Когда письмо доходит до последней строчки, свет на сцене гаснет, а когда загорается снова, экрана уже нет, и сцена представляет собой гостиную Джорджа С. Перкинса, ничем, собственно, не отличающуюся от тысячи других гостинных комнат в тысяче других домов, хозяева которых имеют вполне respectable, но не слишком большой доход, и сами по себе respectable во вполне достаточной степени.

Сзади, в центре, широкая стеклянная дверь, открывающаяся на улицу. Слева внутренняя дверь.

Вечер. На улице темно. Миссис Перкинс стоит посреди комнаты в полной негодования позе и с возмущенным видом наблюдает за Джорджем С. Перкинсом, который поворачивает ключ в замочной скважине, стоя снаружи. Миссис Перкинс внешне напоминает костлявую хищную птицу, которая никогда не была молодой. Джордж С. Перкинс — невысокий

Акт I

блондин, полный и беззащитный, ему немного больше сорока лет. Входя, насвистывает веселый мотивчик. Настроение у него очень хорошее.

Миссис Перкинс (*не двигаясь, грозным голосом*). Ты опять поздно.

Перкинс (*бодрым тоном*). Милая, сегодня у моего опоздания есть веское оправдание.

Миссис Перкинс (*скороговоркой*). Не сомневаюсь. Вот что, Джордж Перкинс, ты должен как-то заняться Джорджем-младшим. Парень опять притащил из школы пару по арифметике. Если отцу совершенно наплевать на своих детей, то чего ждать от мальчишки, который...

Перкинс. Любимая, простим ребенка в виде исключения — просто ради праздника.

Миссис Перкинс. Какого еще праздника?

Перкинс. Как ты отнесешься к тому, чтобы стать женой помощника директора Консервной компании «Нарцисс»?

Миссис Перкинс. Согласилась бы, не раздумывая. Но у меня нет надежды, что он на мне женится.

Перкинс. Так вот, милая, ты его жена. С сегодняшнего дня.

Миссис Перкинс (*без особой радости*). О! (*Кричит в дом.*) Мама! Пойди сюда!

Из двери слева появляется ковыляющая к ним миссис Шлай, толстая и производящая впечатление дамы, хронически недовольной этим миром.

Миссис Перкинс (*начинает говорить с полухвастливой полужзывательной интонацией*). Мама, Джорджа повысили.

Миссис Шлай (*сухо*). Долго же мы этого ждали.

Перкинс. Вы не поняли. Меня сделали заместителем директора (*Смотрит на тещу, ожидая реакции, и, не обнаружив ни малейшей, добавляет, запинаясь.*) консервной компании «Нарцисс».

Миссис Шлай. Ну и что?

Перкинс (*беспомощно разводит руками*). Ну...

Миссис Шлай. Все, что я могу сказать, — хороший же ты выбрал способ отметить новую должность, явившись домой в такое время и заставив нас ждать тебя с ужином и...

Перкинс. О, я...

Миссис Шлай. Мы поели, не беспокойся! Никогда не видела мужчину, которого хоть немного заботила бы его семья, никогда!

Перкинс. Простите, но я ужинал с боссом. Конечно, надо было бы позвонить, но я не мог заставить его ждать. Понимаете, босс лично пригласил меня на ужин.

Миссис Перкинс. А я ждала тебя здесь, хотела рассказать кое-что, приготовила приятный сюрприз и...

Миссис Шлай. Не говори ему, Роза. Теперь не говори. Это будет ему уроком.

Перкинс. Но я думал, что ты поймешь. Но я думал, что ты будешь счастлива... (*Торопливо*

поправляется.) Ну, обрадуешься тому, что меня сделали...

М и с с и с П е р к и н с. Заместителем директора! Господи, неужели ты теперь всю жизнь будешь твердить эти слова?

П е р к и н с *(мягко)*. Розы, я ждал этого двадцать лет.

М и с с и с Ш л а й. А это, мой мальчик, не повод для гордости.

П е р к и н с. Двадцать лет — это долго. Любой устанет. Но теперь мы можем принять мое назначение легко и светло... *(С внезапной горячностью.)* Понимаете, светло... *(Спохватившись, оправдывающимся тоном.)* То есть легко.

М и с с и с Ш л а й. Нет, только послушайте его! И сколько же вы зарабатываете теперь, мистер Рок-эфеллер?

П е р к и н с *(с тихой мольбой)*. Сто шестьдесят пять долларов.

М и с с и с П е р к и н с. В неделю?

П е р к и н с. Да, милая, в неделю... Каждую неделю.

М и с с и с Ш л а й *(под впечатлением)*. Ну! *(Резко.)* Ну и что ты стоишь? Садись. Небось страшно устал.

П е р к и н с *(оживая)*. Не возражаешь, если я сниму пиджак? Душно вато сегодня.

М и с с и с П е р к и н с. Я принесу твой халат. Не простудись. *(Уходит налево.)*

М и с с и с Ш л а й. Тут надо как следует подумать. Со ста шестьюдесятью пятью долларами в неде-

лю можно сделать многое. Конечно, некоторые зарабатывают и по двести. Но и сто шестьдесят пять — это тоже неплохо.

Перкинс. Я тут подумал...

Миссис Перкинс (*возвращается с вульгарного вида полосатым фланелевым халатом.*) Ну вот. Надень, будь паинькой. Мягонький и уютный.

Перкинс (*послушно надевает*). Спасибо... Милая, я тут подумал, что если... Я долго об этом думал, ночами, понимаешь... Строил планы...

Миссис Перкинс. Он строил планы? И жена ничего об этом не знает!

Перкинс. Ну, я же просто мечтал... Я хотел...

Сверху доносится грохот, шум драки и детский визг.

Голос мальчика (*за сценой*). Нет, не дам! Не дам! Сопливая!

Голос девочки. Ма-аа-ма-а!

Голос мальчика. Я тебе задам! Я тебе...

Голос девочки. Ма-аа-ма-а! Он меня бье-оот!

Миссис Перкинс (*открывает дверь слева и кричит наверх*). Замолчите и марш в постель, или я вам обоим задам жару! (*Захлопывает дверь. Шум наверху смолкает до тихого хныканья.*) Клянусь жизнью, не понимаю, почему из всех детей на свете мне достались именно эти!

Перкинс. Пожалуйста, милая, не сегодня. Я устал. Я хотел бы поговорить... о наших планах.

Миссис Перкинс. О каких еще планах?

П е р к и н с. Я подумал... что если мы будем очень экономить, то смогли бы отправиться в путешествие... через год-другой... поехать в Европу... Ну, знаешь, в Швейцарию или Италию... *(Смотрит на нее без надежды и, не видя реакции, добавляет.)* Ну, знаешь, это там, где горы.

М и с с и с П е р к и н с. И что?

П е р к и н с. И озера. И заснеженные вершины. И закаты.

М и с с и с П е р к и н с. А мы-то что будем там делать?

П е р к и н с. О... ну... думаю, просто отдыхать. И вроде как посмотрим тамошние края... лебедей там, парусники. Только мы двое.

М и с с и с Ш л а й. Угу. Только *вы* двое.

М и с с и с П е р к и н с. Да, Джордж Перкинс, вы всегда умели швыряться деньгами. А я потом выбивайся из кожи вон, чтобы сэкономить каждый пенни. Лебеди ему понадобились! Прежде чем думать о всяких лебедях, купил бы нам новый холодильник, вот все, что я могу сказать.

М и с с и с Ш л а й. И миксер для майонеза. И электрическую стиральную машину. И о новом автомобиле пора подумать. Старый на куски разваливается. И...

П е р к и н с. Слушайте, вы не понимаете. Я не хочу ничего из того, что нам нужно.

М и с с и с П е р к и н с. Что?

П е р к и н с. Я хочу того, что нам совершенно не нужно.

М и с с и с П е р к и н с. Джордж Перкинс! Ты что, пьян?

П е р к и н с. Розы, я...

М и с с и с Ш л а й (*решительно*). Хватит с меня этих глупостей! Спустись на землю, Джордж Перкинс. Есть кое-что поважнее, о чем надо подумать. Розы приготовила тебе сюрприз. Скажи ему, Розы.

М и с с и с П е р к и н с. Я только сегодня узнала, Джордж. Ты обрадуешься.

М и с с и с Ш л а й. Он будет в восторге. Говори.

М и с с и с П е р к и н с. Ну, я... я была сегодня у врача. У нас будет ребенок.

Молчание. Две женщины смотрят, слегка улыбаясь, на Перкинса, лицо которого медленно приобретает выражение неподдельного ужаса.

П е р к и н с (*с отчаянием*). Еще один?

М и с с и с П е р к и н с (*весело*). Ага. Еще один совершенно новый малыш. (*Он молча смотрит на нее, как в столбняке.*) Ну? (*Он не двигается.*) Ну, что с тобой? (*Он не реагирует.*) Ты не рад?

П е р к и н с (*медленно, тяжелым голосом*). Его не будет.

М и с с и с П е р к и н с. Мама! Ты слышишь, что он говорит?

П е р к и н с (*глухо, без выражения*). Ты слышала, что я сказал. Ты не должна рожать. И не будешь рожать.

М и с с и с Ш л а й. Ты понимаешь, что говоришь? Ты хочешь, чтобы она...

Перкинс (*глухо*). Да.

Миссис Перкинс. Мама!

Миссис Шлай (*с яростью*). Ты хоть знаешь, о ком говоришь? Ты говоришь о моей дочери, а не об уличной девке! Ляпнуть такое... собственной жене... собственной...

Миссис Перкинс. Да что с тобой?

Перкинс. Рози, я не хотел тебя оскорбить. В наше время это вполне безопасно и...

Миссис Перкинс. Пусть он замолчит, мама!

Миссис Шлай. Где ты этого нахватался? Приличные люди о таком даже не знают! Слышишь, это бывает в среде гангстеров или актрис. Но в уважаемом доме, в законном браке!

Миссис Перкинс. Что с тобой сегодня случилось?

Перкинс. Не сегодня, Рози. Это случилось уже очень давно... Но теперь с этим покончено. Я способен хорошо позаботиться о тебе и о детях. Но отдых, Рози... я не в состоянии выбросить мысль о нем из головы.

Миссис Перкинс. О чем ты? Какое лучшее применение можно найти твоим огромным деньгам, чем забота о ребенке?

Перкинс. Вот именно. Опять эти заботы. Больница и врачи. Овощное пюре по двадцать пять центов банка. Школа и корь. Все сначала. И ничего другого.

Миссис Перкинс. Так вот как ты понимаешь свой долг! Нет ничего более святого, чем семья.

Ничего более благодатного. Разве я не потратила всю свою жизнь на то, чтобы создать тебе домашний очаг? Разве у тебя нет всего, о чем только может мечтать порядочный мужчина? Чего тебе еще нужно?

П е р к и н с. Розы, это не значит, что я не ценю того, что у меня есть. Я очень ценю. Только... Ну, вот как этот мой халат. Я рад, что он у меня есть, он теплый и удобный, и нравится мне. Мне нравится надевать его. И это все. Но нужно что-то еще.

М и с с и с П е р к и н с. Нет, вот это мне нравится! Роскошный халат, который я подарила тебе на день рождения! Если он тебе не понравился, почему же ты не обменял его сразу на другой?

П е р к и н с. Розы, я ведь совсем не об этом! Я о том, что человек не может прожить жизнь ради халата. Или ради вещей, которые для него стоят в одном ряду с халатом. Вещей, которые ничего ему не дают, душе, наверно. У человека должно быть нечто такое, что пугает его, пугает и делает счастливым. Ну, словно пойти в церковь, только тут не так, как в церкви. Что-то такое, на что нужно смотреть снизу вверх. Что-то возвышенное, Розы... да-да, возвышенное.

М и с с и с П е р к и н с. Ну, если тебе не хватает культурных впечатлений, то разве я не записалась в клуб Книги месяца?

П е р к и н с. О, я знаю, что коряво объясняю! Все, о чем я прошу, — не дай родиться этому ребенку, Розы. Для меня тогда все кончится. Если я выкину свои планы из головы, то сразу состарюсь. А я не хочу состариться. Не сейчас. Господи, не сейчас! Дай мне хоть несколько лет, Розы!

М и с с и с Ш л а й (*бросается к дочери*). Роза, золотко! Не плачь так, детка! (*Оборачиваясь к Перкинсу.*) Видишь, что ты наделал? Чтобы ты больше не вздумал разевать при мне свой поганый рот! Хочешь убить свою жену? Вот, например, китайцы делают аборт — так у всех у них потом рахит.

П е р к и н с. Мама, кто вам только такое сказал?

М и с с и с Ш л а й. То есть я не знаю, о чем говорю? Я так понимаю, что только наш великий бизнесмен может объяснять нам, что есть что?

П е р к и н с. Я не имел в виду... Я только имел в виду...

М и с с и с П е р к и н с (*сквозь рыдание*). Оставь маму в покое, Джордж.

П е р к и н с (*в отчаяние*). Но я не...

М и с с и с Ш л а й. Я поняла. Я прекрасно поняла вас, Джордж Перкинс. Старым тещам в наше время не остается ничего другого, как только заткнуться и молча ждать, когда их отправят на кладбище!

П е р к и н с (*решительно*). Мама, я хотел бы, чтобы вы перестали... (*с отвагой*) лезть в наши дела.

М и с с и с Ш л а й. Вот как? Вот как, значит? Я, значит, мешаю? Я тебе, значит, в тягость? Что ж, рада, что вы мне это сказали, мистер Перкинс! А я-то, бедная дуреха, живу как прислуга в этом доме и воображаю, что он мой! Вот ваша благодарность. Что ж, я здесь больше ни минуты не останусь. Ни минуты. (*Убегает налево, хлопнув дверью.*)

Миссис Перкинс (*в ужасе*). Джордж!.. Джордж, если ты не извинишься, мама от нас уедет!

Перкинс (*с внезапной отчаянной храбростью*). Пусть уезжает.

Миссис Перкинс (*смотрит на него, не веря своим глазам*). Так вот до чего дошло? Так вот что с тобой сделало твое большое повышение? Прийти домой, переругаться со всеми, выбросить на улицу старенькую маму своей жены! Если ты думаешь, что я стану терпеть...

Перкинс. Послушай меня, я терпел ее, сколько мог. Будет лучше, если она уедет. Рано или поздно этим все равно кончится.

Миссис Перкинс. Это ты послушай, Джордж Перкинс! Если ты не извинишься перед мамой, если ты не извинишься перед ней до завтрашнего утра, я не стану говорить с тобой до конца жизни!

Перкинс (*с усталостью в голосе*). Сколько раз я уже это слышал?

Миссис Перкинс выбегает в дверь слева и хлопает ею. Утомленный Перкинс сидит не двигаясь. Старомодные часы бьют девять. Он медленно встает, выключает свет, его тень ложится на стеклянную дверь. В комнате полумрак, рассеиваемый светом камина. Он устало склоняет голову на руки. В дверь звонят. Короткий тревожный звук как будто бы говорит, что звонок издает его, не имея на это права. Перкинс встает, с удивлением и тревогой смотрит на входную дверь, наконец, подходит и открывает ее. Прежде чем мы видим, кто пришел, он вскрикивает ошеломленно: «Господи!» (Перкинс отступает на шаг назад.) На пороге стоит Кей Гонда. На ней изысканный

Акт I

в своей простоте черный костюм, очень современный, аскетически строгий: черная шляпа, черные туфли, чулки и перчатки, в руках черная сумочка. Светлые, отливающие золотом волосы и бледное лицо составляют яркий контраст с ее одеждой. Глаза на этом необыкновенном лице производят необычайное впечатление. Высокая и очень стройная, она двигается медленно, ходит легко, бесшумно и производит впечатление какого-то ненастоящего, неземного существа. Скорее, похожа на привидение, чем на женщину.

Кей Гонда. Пожалуйста, не шумите. И впустите меня.

Перкинс (*глупо запинаясь*). Вы... вы же...

Кей Гонда. Кей Гонда (*Входит и закрывает за собой дверь.*)

Перкинс. П-почему...

Кей Гонда. Вы Джордж Перкинс?

Перкинс (*глупо*). Да, мэм. Джордж Перкинс. Джордж С. Перкинс. Только как...

Кей Гонда. У меня случилась беда. Вы об этом слышали?

Перкинс. Д-да... О господи!.. Да.

Кей Гонда. Мне нужно спрятаться. На одну ночь. Это опасно. Вы позволите мне остаться здесь?

Перкинс. Здесь?

Кей Гонда. Да. На одну ночь.

Перкинс. Но как... что... почему вы...

Кей Гонда (*открывает сумочку и показывает ему письмо*). Я прочитала ваше письмо. И подумала, что здесь меня никто не будет искать. И решила, что вы, наверно, захотите помочь мне.

Перкинс. Я... Мисс Гонда, извините, пожалуйста, понимаете, я как-то растерялся... ну то есть, если вы решите, что я не стою доверия... словом, если вам нужна помощь, вы можете оставаться здесь до конца жизни, мисс Гонда.

Кей Гонда (*спокойно*). Спасибо.

Кладет сумочку на стол, снимает шляпу и перчатки с таким невозмутимым видом, как будто она у себя дома. Перкинс не сводит с нее глаз.

Перкинс. Вы хотите сказать... Вас действительно преследуют?

Кей Гонда. Полиция. (*Добавляет.*) За убийство.

Перкинс. Я не дам ей до вас добраться. Если есть что-то, что я могу...

Замолкает. За дверью слева слышны приближающиеся шаги.

Голос миссис Перкинс (*за сценой*). Джордж!

Перкинс. Да... милая?

Миссис Перкинс. Кто там звонил в дверь?

Перкинс. Никто... никто, милая. Кто-то ошибся адресом. (*Прислушивается к удаляющимся шагам, а затем шепотом говорит.*) Это моя жена. Нам лучше не шуметь. Она неплохая женщина. Только... она не поймет.

Кей Гонда. Если меня найдут здесь, вам не поздоровится.

Перкинс. Это неважно. *(Она неторопливо улыбается. Он беспомощно обводит рукой по комнате.)* Чувствуйте себя как дома. Спать можете здесь, на кушетке, а я буду снаружи следить, чтобы никто не...

Кей Гонда. Нет. Я не хочу спать. Оставайтесь. Нам с вами есть о чем поговорить.

Перкинс. О да. Конечно... а... а о чем, мисс Гонда? *(Она, не отвечая, садится. Он присаживается на край стула, собирает полы халата, жалкий и смущенный. Она выжидательно смотрит на него, в ее глазах молчаливый вопрос. Он моргает, кашляет, наконец, решительным тоном объявляет.)* Довольно прохладный сегодня вечер.

Кей Гонда. Да.

Перкинс. Вот вам и Калифорния... Золотой Запад. Всегда солнечно, но холодно... и очень холодно по ночам.

Кей Гонда. Дайте мне сигарету.

Он вскакивает, достает пачку сигарет, ломает три спички, и только четвертую ему удается зажечь. Она откидывается назад, держа зажженную сигарету между пальцами.

Перкинс *(беспомощно мямлит)*. Я... такие вот я курю. Они более легкие. *(Смотрит на нее несчастным взглядом. Он так много мог бы ей сказать. Ищет слова. Наконец говорит.)* Вот Джо Такер — это мой друг — тот курит сигары. А я нет. Никогда.

Кей Гонда. У вас много друзей?

Перкинс. Да, конечно. Много. Жаловаться не приходится.

К е й Г о н д а. Они вам нравятся?

П е р к и н с. Да, нравятся.

К е й Г о н д а. А вы им? Они вас уважают и кланиваются с вами на улице?

П е р к и н с. Ну... Думаю, да.

К е й Г о н д а. Сколько вам лет, Джордж Перкинс?

П е р к и н с. В июне исполнится сорок три.

К е й Г о н д а. Наверно, вам будет тяжело потерять работу и оказаться на улице. На темной, пустой улице, по которой ваши друзья пройдут и посмотрят сквозь вас так, будто вас нет. Тогда вам захочется закричать и рассказать о великих вещах, о которых вы знаете, но никто не услышит и не ответит вам. Правда. Это будет тяжело?

П е р к и н с (*ошарашенный*). Но почему... когда такое может случиться?

К е й Г о н д а (*невозмутимо*). Когда полиция застанет меня у вас.

П е р к и н с (*решительным тоном*). Не беспокойтесь об этом. Никто вас здесь не найдет. За себя я не боюсь. Предположим, они узнают, что я вам помог. А кто не помог бы? Кто упрекнет меня в этом? И почему?

К е й Г о н д а. Потому что они меня ненавидят. И они ненавидят всех, кто на моей стороне.

П е р к и н с. С какой стати им вас ненавидеть?

К е й Г о н д а (*спокойно*). Я убийца, Джордж Перкинс.

П е р к и н с. Ну, если вы спросите меня, я в это не верю. Я даже не собираюсь спрашивать вас, вы ли это сделали. Я просто в это не верю.

К е й Г о н д а. Если вы имеете в виду Грантона Сэйерса... нет, я не хочу говорить о Грантоне Сэйерсе. Забудьте о нем. Но я все-таки убийца. Видите, я пришла сюда и, возможно, разрушу вашу жизнь — все, что было вашей жизнью на протяжении сорока трех лет.

П е р к и н с (*негромко*). Это не так уж много, мисс Гонда.

К е й Г о н д а. Вы всегда ходите на мои фильмы?

П е р к и н с. Всегда.

К е й Г о н д а. И вы ощущаете счастье, когда выходите из кинотеатра?

П е р к и н с. Да. Конечно... Нет, думаю, нет. Смешно сказать, я никогда об этом не задумывался... Мисс Гонда, а вы не станете смеяться надо мной, если я вам кое-что расскажу?

К е й Г о н д а. Конечно, нет.

П е р к и н с. Так вот, мисс Гонда, я плачу, когда прихожу домой после вашего фильма. Запираюсь в ванной и каждый раз плачу... не знаю, почему.

К е й Г о н д а. Я знаю.

П е р к и н с. Как это?

К е й Г о н д а. Я сказала вам, что я — убийца. Потому что убиваю в людях очень многое. Я убиваю то, чем они живут. Но они приходят смотреть на меня, потому что я единственная, кто заставляет их понять, что они хотят убить собственные цели. Или думают, что хотят. И еще гордятся, что так думают и хотят.

П е р к и н с. Боюсь, я не совсем вас понимаю, мисс Гонда.

К е й Г о н д а. Когда-нибудь поймете.

П е р к и н с. Вы, правда, это сделали?

К е й Г о н д а. Что?

П е р к и н с. Правда, что вы убили Грантона Сэйерса? *(Она смотрит на него, улыбаясь, и пожимает плечами.)* Мне хотелось просто понять, почему вы решили это сделать.

К е й Г о н д а. Потому что не могла больше его выносить. Случается же так, что силы твои подходят к концу.

П е р к и н с. Да. Бывает.

К е й Г о н д а *(глядя прямо на него)*. Почему вы хотите мне помочь?

П е р к и н с. Не знаю... только...

К е й Г о н д а. В вашем письме говорилось...

П е р к и н с. О! Я и не думал, что вы прочтете эту глупость.

К е й Г о н д а. Это не глупость.

П е р к и н с. Держу пари, у вас их множество... то есть поклонников. И писем от них.

К е й Г о н д а. Мне приятно думать, что я что-то значу для людей.

П е р к и н с. Вы должны меня простить, если я написал что-то дерзкое или, ну, вы понимаете, слишком личное.

К е й Г о н д а. Вы написали, что вы несчастливы.

П е р к и н с. Я... Я не собирался жаловаться, мисс Гонда, только... Мне кажется, я что-то потерял с течением лет. Не знаю, что именно, однако понимаю, что мне не хватает потерянного. Не знаю, почему.

К е й Г о н д а. Возможно, потому, что вы хотите, чтобы так было.

П е р к и н с. Нет. *(С внезапной твердостью.)* Нет. *(Он встает и стоит, глядя прямо на нее.)* Понимаете, я вовсе не несчастлив. На самом деле я очень счастливый человек — настолько, насколько возможно быть счастливым. Только что-то внутри меня знает о жизни, которой я никогда не жил, о жизни, которой никто никогда не жил, но которой следовало бы жить.

К е й Г о н д а. Вы это знаете? Почему же вы ею не живете?

П е р к и н с. А кто ею живет? Кто может? Кому-то когда-нибудь удавалось получить лучшее из... из возможного для него? Мы всегда пытаемся купить выгодно. И вечно берем второй сорт. Совсем не то, что нужно иметь. Но... Бог внутри нас, Он знает другое... самое лучшее... чего никогда не будет.

К е й Г о н д а. А если... если это приходит?

П е р к и н с. Мы хватаемся за это, потому что внутри нас есть Бог.

К е й Г о н д а. А... Бог внутри вас... вы, действительно, хотите, чтобы Он был?

П е р к и н с *(свирепо)*. Послушайте, что я знаю точно: пусть полицейские только придут сейчас и попробуют забрать вас. Пусть снесут этот дом. Я его построил — мне понадобилось пятнадцать лет, чтобы на него заработать. Пусть лучше снесут его, чем я позволю им забрать вас. Пусть только придут те, кто гонится за вами, кем бы они ни были...

Дверь слева резко открывается. Миссис Перкинс появляется на пороге, на ней линялый вельветовый халат и длинная ночная рубашка из серовато-розового хлопка.

Миссис Перкинс (*задыхаясь*). Джордж!..

Кей Гонда встает и смотрит на них.

Перкинс. Милая, не шуми! Ради бога, не шуми... Входи... Закрой дверь!

Миссис Перкинс. Мне слышались голоса... Я... (*Она слишком потрясена, чтобы продолжать.*)

Перкинс. Милая... это... Мисс Гонда, позвольте вам представить мою жену. Милая, это мисс Гонда, мисс Кей Гонда!

Кей Гонда наклоняет голову, но миссис Перкинс остается неподвижной, глядя на нее.

Перкинс (*с отчаянием*). Ты не поняла? Мисс Гонда в беде, ты знаешь, ты слышала об этом, в газетах писали... (*Умолкает.*)

Миссис Перкинс не реагирует. Тишина.

Миссис Перкинс (*обращаясь к Кей Гонде, неестественно спокойным голосом*). Зачем вы сюда пришли?

Кей Гонда (*спокойно*). Мистеру Перкинсу придется это объяснить.

Перкинс. Розы, я... (*Умолкает.*)

Миссис Перкинс. Ну?

Перкинс. Розы, нет причин для беспокойства, просто мисс Гонду разыскивает полиция и...

Миссис Перкинс. О!

Перкинс. За убийство и...

Миссис Перкинс. О!

Перкинс. И ей просто придется остаться здесь на ночь. Это все.

Миссис Перкинс (*медленно*). Слушай меня, Джордж Перкинс: или она сию же минуту уйдет из этого дома, или уйду я.

Перкинс. Но позволь тебе объяснить...

Миссис Перкинс. Мне не нужны никакие объяснения. Я соберу вещи и детей тоже заберу. И буду молить Бога, чтобы мы никогда тебя больше не увидели. (*Она ждет. Он не отвечает.*) Скажи ей, чтобы ушла.

Перкинс. Розы... Я не могу.

Миссис Перкинс. А мы ведь с тобой вместе пробивались наверх, и нам было нелегко, Джордж. Вместе. Пятнадцать лет.

Перкинс. Розы, только на одну ночь... Если бы ты знала...

Миссис Перкинс. Я не хочу знать. Не хочу знать, почему мой муж так поступает со мной. Не хочу знать, шлюха она или убийца, или и то и другое вместе. Я была тебе верной женой, Джордж. Я отдала тебе лучшие годы своей жизни. Я родила тебе детей.

Перкинс. Да, Розы...

Миссис Перкинс. Я беспокоюсь не только о себе самой. Подумай, что будет с тобой самим после того, как ты решишь укрывать убийцу. Подумай о детях. (*Он не отвечает.*) И о своей работе тоже. Тебя же только что повысили. А мы хотели купить новые шторы в гостиную. Зеленые. Ты всегда хотел зеленые.

Перкинс. Да...

Миссис Перкинс. Потом вспомни про этот гольф-клуб, в который ты всегда хотел вступить. В нем состоят только самые солидные, уважаемые люди, а не те, отпечатки пальцев которых хранятся в полицейском участке.

Перкинс (*еле слышно*). Нет...

Миссис Перкинс. Ты подумал, что будет, когда об этом узнают?

Перкинс (*смотрит с отчаянием на Кей Гонду, ждет от нее слова, взгляда. Он хочет, чтобы решала она. Однако Кей Гонда остается неподвижной, как будто эта сцена не имеет к ней никакого отношения, но не отрывает глаз от него. Он говорит, обращаясь к ней с отчаянной мольбой.*) Действительно, что будет, когда об этом узнают?

Кей Гонда не отвечает.

Миссис Перкинс. А я тебе сразу скажу, что будет. Ни один порядочный человек больше никогда с тобой не заговорит. Тебя уволят из твоей консервной компании, вышвырнут прямо на улицу!

Перкинс (*неторопливо, отстраненным голосом, как бы издали повторяет*). На темной, пустой улице, по которой ваши друзья пройдут и посмотрят сквозь вас... и вам захочется закричать... (*Он смотрит на Кей Гонду, ее глаза широко открыты. Она не шевелится.*)

Миссис Перкинс. Это положит конец всему, чем ты когда-либо дорожил. И что получишь

Акт I

взамен? Проселочные дороги и темные улицы, бегство по ночам, страх и безысходность, и отверженность от всего мира! *(Он не отвечает и не оборачивается к ней. Он смотрит на Кей Гонду с новым выражением.)* Подумай о детях, Джордж! *(Он не двигается.)* А мы ведь были счастливы, Джордж? Пятнадцать лет...

Она умолкает. Долгая тишина. Перкинс медленно отворачивается от Кей Гонды и смотрит на жену. Его плечи поникли, он внезапно стареет.

П е р к и н с *(глядя на жену)*. Простите меня, мисс Гонда, но при данных обстоятельствах...

К е й Г о н д а *(спокойно)*. Я понимаю. *(Она надевает шляпу, берет сумочку и перчатки. Ее движения легки, неторопливы. Идет к двери в центре. Проходя мимо миссис Перкинс, говорит спокойно.)* Извините. Я ошиблась адресом.

Она уходит. Перкинс и его жена стоят у открытой двери и смотрят ей вслед.

П е р к и н с *(обнимая жену за талию)*. Мама уснула?

М и с с и с П е р к и н с. Не знаю. А что?

П е р к и н с. Думаю, надо пойти поговорить с ней. Вроде как посоветоваться. Ей лучше знать, что там надо для младенца.

ЗАНАВЕС

Сцена 2

Поднимается занавес, на экране другое письмо, написанное мелким, неровным и суетливым почерком:

«Дорогая мисс Гонда!

Волею чувства долга я ощутил необходимость приложить все усилия к тому, чтобы облегчить страдания ближнего. Каждый день перед моими глазами проходили трагедии и жертвы возмутительно несправедливого общественного строя. Однако лицезрея Вас на экране, я набирался необходимого для моего призвания мужества, потому что в такие мгновения осознавал, на какое величие способен человеческий род. Ваше искусство — это символ тех скрытых возможностей, которые я замечаю в своих отвергнутых обществом братьях. Никто из них не хотел бы стать тем, кем стал. И никто из нас не выбирал той унылой, лишенной на-

Акт I

дежды жизни, которую вынужден вести. Но в нашей способности лицезреть Вас и поклоняться Вам заключена надежда всего человечества.

Искренне Ваш,

Чак Финк.
Спринг-стрит,
Калифорния».

Загорается свет, экран исчезает, и на сцене гостиная Чака Финка, бедно обставленная комната в одноэтажном доме. Входная дверь сзади на правой стене, большое открытое окно на той же стене, ближе к зрителям; на центральной стене дверь в спальню. Поздний вечер. В комнате есть электрическое освещение, но оно не включено, и гостиную освещает одна коптящая керосиновая лампа в углу. Похоже, что квартиранты переезжают: посреди комнаты свалены два чемодана, несколько упаковочных коробок, шкафы и ящики открыты и наполовину пусты; одежда, книги, посуда и всевозможная нужная в хозяйстве рухлядь свалены вперемешку большими кучами на полу. Ч а к Ф и н к, молодой мужчина лет тридцати, худощавый и анемичный, с густой черной гривой волос, бледным лицом и выделяющимися на нем маленькими усиками, беспокойно выглядывает в окно; видно, что он с большим волнением разглядывает проходящих мимо окна людей, с улицы доносятся неразборчивые голоса. Он видит кого-то и кричит:

Ф и н к. Эй, Джимми!

Г о л о с Дж и м м и (за сценой). Чего?

Ф и н к. Подойди на минутку.

Д ж и м м и появляется у окна снаружи; это нездорового вида молодой человек в порванной одежде, один глаз подбит, по щеке со лба стекает струйка крови из ссадины на лбу.

Д ж и м м и. Ты, Чак? Я уж думал, что коп засек.
Чего надо?

Ф и н к. Ты сегодня видел Фанни?

Д ж и м м и. Ха! Фанни!

Ф и н к. Ты ее видел?

Д ж и м м и. Нет, с тех пор, как началось.

Ф и н к. Она ранена?

Д ж и м м и. Может быть. Видел ее в самом начале. Она засандалила им прямо в окно кирпичом.

Ф и н к. Что там случилось?

Д ж и м м и. Пустили слезоточивый газ и захватили пикетчиков. Ну, а мы им врезали в ответ.

Ф и н к. А Фанни кто-нибудь видел?

Д ж и м м и. Да ну ее к лешему, твою Фанни! Там лупят кого ни попало. Такая драчка, прости Господи, что мама не хочу!

Джимми исчезает. Финк отходит от окна. С волнением ходит по комнате, поглядывая на часы. Шум на улице затихает. Финк пытается заняться сборами, швыряет, не глядя, несколько вещей в коробку. Входит Ф а н н и Ф и н к, высокая, худощавая, неуклюжая девица немного моложе тридцати лет, стриженная под мальчика, бледная, растрепанная, в туфлях без каблучков и в мужском пиджаке на плечах. Прислоняется к дверному косяку, чтобы не упасть.

Ф и н к. Фанни! (Она не двигается.) Ты в порядке? Что случилось? Где ты была?

Ф а н н и (ровным хриплым голосом). Меркурохром есть?

Ф и н к. Что?

Ф а н н и. Меркурохром. *(Скидывает пиджак. Ее одежда порвана, на голых руках синяки, на плече кровоточащий порез.)*

Ф и н к. Господи!

Ф а н н и. Ну не стой как идиот! *(Решиительно идет к шкафу, шарит по полкам и достает маленькую бутылочку.)* Хватит на меня пялиться! Нет повода для истерики!

Ф и н к. Дай помогу.

Ф а н н и. Ничего страшного. Я в порядке. *(Мажет руку меркурохромом.)*

Ф и н к. Где тебя до сих пор носило? Где ты была?

Ф а н н и. В тюрьме.

Ф и н к. Где-где?

Ф а н н и. В тюрьме, нас всех замели. Пинки Томлинсона, Бада Миллера, Мэри Фелпс и остальных. Двенадцать человек.

Ф и н к. Что случилось?

Ф а н н и. Мы намеревались не пропускать ночную смену.

Ф и н к. И что?

Ф а н н и. Начал Бад Миллер. Пробил череп подлюке-скэбу. Но фараоны, чтоб им пусто, были уже наготове. Биф только что забрал нас под залог. Сигарета есть? *(Она берет сигарету и закуривает, после чего нервно курит на протяжении всей сцены.)* Суд на следующей неделе. Говорят, что штрейкбрехер едва ли поправится. Так что твою драгоценную ждет долгий отдых в прохладном месте *(С горечью.)* Но тебя,

вижу, это не волнует, мой милый. Ты-то без меня хорошо отдохнешь...

Ф и н к. Но это возмутительно! Я не допущу! У нас есть права...

Ф а н н и. Конечно. Права. Например, право оплатить товар при доставке. Без денег ни черта не получишь. А где их взять?

Ф и н к (*устало опускается на стул*). Но это невообразимо!

Ф а н н и. Ну, и не думай больше об этом... (*Оглядывается.*) Не так уж ты продвинулся в сборах. Как мы управимся за вечер со всем этим чертовым барахлом?

Ф и н к. Откуда такая спешка? Я совсем разбит.

Ф а н н и. Откуда спешка? А оттуда, что, если мы к утру не выкатимся отсюда, весь этот хлам вышвырнут прямо на улицу.

Ф и н к. Мало нам было бед, а теперь еще новая напасть! И надо тебе было лезть в эту историю! Что теперь будем делать?

Ф а н н и. Лично я буду собирать вещи. (*Начинает собирать вещи, почти не глядя на них, с ненавистью швыряет их в коробки.*) А не переехать ли нам в «Амбассадор» или в «Беверли-Сансет», дорогой? (*Финк не отвечает. Она швыряет в коробку книжку.*) Думаю, «Беверли-Сансет» нам вполне подойдет... Надо будет снять номер из семи комнат. Как ты думаешь, можем мы позволить себе номер из семи комнат? (*Финк не двигается. Она швыряет в коробку охапку нижнего белья.*) Ах, да, не забыть бы еще про персональный бассейн. (*Со злостью швыряет в коробку банку с кофе.*)

И гараж на две машины! Для наших «Роллс-ройсов»!
(Швыряет вазу, попадает мимо коробки, ваза разбивается вдребезги о ножку стула. Она вдруг истерично вскрикивает.) Проклятие! Почему только у людей все это есть!

Ф и н к (слабым голосом). Ребяческое бегство от действительности, дорогая.

Ф а н н и. Героизм — это замечательно, но как мне осточертело высказывать на трибуну с речами в пользу мировых проблем и при этом трястись, а вдруг товарищи заметят, что у меня порваны чулки!

Ф и н к. Почему бы тебе их не заштопать?

Ф а н н и. Оставь иронию, мой милый! Оставь свой великолепный сарказм редакторам журналов — может быть, однажды они закажут тебе статью.

Ф и н к. Фанни, ты могла бы и не говорить этого.

Ф а н н и. А нечего валять дурака. У таких, как мы, есть название. По крайней мере, у одного из нас точно. Знаешь, какое? В твоем великолепном словарном запасе есть для этого подходящее слово. А именно: «неудачник».

Ф и н к. Любовь моя, удача — понятие относительное.

Ф а н н и. Точно. Что такое арендная плата в сравнении с вечностью? (Швыряет в коробку охапку одежды.) Ты, например, знаешь, что это уже пятый раз?

Ф и н к. Чего пятый раз?

Ф а н н и. Пятый раз, когда нас выселяют по суду, Сократ! Я сосчитала. Пять раз за три года. Всякий раз мы платили за первый месяц, а потом ждали шерифа.

Ф и н к. В Голливуде большинство так живет.

Ф а н н и. Мог бы хоть притвориться, что тебя это волнует, хоть из вежливости, что ли.

Ф и н к. Дорогая, зачем тратить душевные силы, упрекая себя в том, в чем полностью повинно порочное общественное устройство?

Ф а н н и. Мог хотя бы не заниматься плагиатом.

Ф и н к. Каким еще плагиатом?

Ф а н н и. Ты взял эти слова из моей статьи.

Ф и н к. Ах, да. Из твоей единственной статьи. Прошу прощения.

Ф а н н и. Ее-то хоть напечатали.

Ф и н к. О да. Шесть лет назад.

Ф а н н и (*с охапкой старой обуви в руках*). А ты многого добился за это время? (*Сваливает обувь в коробку.*) Что теперь? И куда мы отправимся завтра?

Ф и н к. При тысячах бездомных и безработных стоит ли так убиваться по поводу одного частного случая?

Ф а н н и (*собирается сказать какую-то резкость, но потом пожимает плечами и отворачивается, спотыкается в полутьме о коробку*). Проклятие! Мало того что они нас вышвыривают на улицу, так еще и электричество отключили!

Ф и н к (*пожимает плечами*). Частная собственность на коммунальные расходы.

Ф а н н и. Хоть бы керосин не так вонял.

Ф и н к. Керосин изобретен для бедных. Но я слышал, что в России изобрели новый керосин, без запаха.

Ф а н н и. Ну да, конечно. В твоей России ничего не воняет. *(Достает с полки коробку, полную больших коричневых конвертов.)* А с ними что прикажешь делать?

Ф и н к. Что там?

Ф а н н и *(читает надписи на конвертах)*. Твои документы из Кларковского института социальных исследований... Переписка с профессионально-техническим училищем для отсталых детей, где ты консультировал... а вот по поводу вечернего краткого курса по диалектическому материализму... а вот из театра рабочей самодеятельности, которому ты помогал...

Ф и н к. Из театра самодеятельности выбрасывай. Я ими сыт по горло. Они не хотят ставить мое имя на шапку своих бланков.

Ф а н н и *(откладывает один конверт в сторону)*. А с остальным что мне делать? Запаковать или сам понесешь?

Ф и н к. Конечно, сам понесу. Они могут потерять. Уложи их отдельно, ладно?

Ф а н н и *(берет газеты, начинает заворачивать конверты, замирает, заметив заголовок в газете, читает)*. Знаешь, тут пишут кое-что интересное про Кей Гонду.

Ф и н к. Что там?

Ф а н н и. Это сегодняшняя газета. Тут про убийство.

Ф и н к. Что? Чепуха. Она не имеет к этой смерти ни малейшего отношения. Все это вымысел желтой прессы.

Ф а н н и (*заворачивает конверты*). У этого Сэйерса денег куры не клевали.

Ф и н к. Да уж, безусловно. Только они теперь ему ничем не помогут. Я, с тех пор как помогал организовывать пикет возле его предприятия, знал, что этому денежному мешку несдобровать.

Ф а н н и. Здесь пишут, что в последнее время его дела шли в гору.

Ф и н к. Что ж, одним плутократом меньше. Тем лучше для его наследников.

Ф а н н и (*берет пачку книг*). Двадцать пять экземпляров книги «Гнет и угнетатели». (*Добавляет с шутильвым поклоном.*) Автор Чак Финк!.. Ну и что прикажешь с ними делать?

Ф и н к (*язвительно*). А ты сама как думаешь?

Ф а н н и. Господи! Еще и это тащить! Неужели ты думаешь, что в Соединенных Штатах действительно найдется двадцать пять человек, которые согласятся купить твое бессмертное произведение?

Ф и н к. О качестве книги нельзя судить по числу проданных экземпляров.

Ф а н н и. Возможно, так... однако кое о чем это говорит!

Ф и н к. Ты хочешь, чтобы я скатился на уровень лакеев капитализма, угождающих среднему классу? Ты слабеешь, Фанни, ты становишься мелкобуржуазной.

Ф а н н и (*в ярости*). Это я становлюсь мелкобуржуазной? Я сделала столько, сколько тебе в жизни не сделать! И я не бегаю со своими рукописями по третьесортным издательствам. Мою статью напечата-

ли в «Народе»! Да, в «Народе»! И если бы я не похоронила себя с тобой в этой дыре...

Ф и н к. Эта дыра, эти трущобы взрастили лидеров движения за социальные реформы, Фанни.

Ф а н н и. Господи, Чак, ну и что? Посмотри на других. Посмотри на Миранду Люмкин. Колонка в «Вестнике» и вилла на Палм-Спрингс! А в колледже она мне в подметки не годилась! Все всегда говорили, что я умнее ее. *(Обводит комнату рукой.)* Вот что всегда достается умным.

Ф и н к *(мягким тоном)*. Я понимаю тебя, дорогая. Ты устала. Ты напугана. Я тебя не осуждаю. Но ты же знаешь, что наше дело требует, чтобы человек отказался от всего. От всяких мыслей о собственной выгоде и удобстве. Так я и поступил. У меня больше нет своей жизни. Все, чего я хочу, чтобы миллионы когда-нибудь узнали имя Чака Финка и назвали его своим вождем!

Ф а н н и *(смягчаясь)*. Я знаю. Ты прав. Ты настоящий человек, Чак. На свете так мало самоотверженных людей.

Ф и н к *(мечтательно)*. Как знать, может, лет через пятьсот кто-нибудь напишет мою биографию и назовет ее «Чак Финк Самоотверженный».

Ф а н н и. И какой тогда глупостью покажутся наши переживания, вызванные жадностью какого-то ничтожного калифорнийского домовладельца!

Ф и н к. Именно. Надо уметь видеть события с точки зрения будущего. И...

Ф а н н и *(прислушиваясь к каким-то звукам снаружи, неожиданно)*. Ш-ш! По-моему, у нас под дверью кто-то стоит.

Ф и н к. Кто? Нет там никого. Все оставили нас. Бросили нас на... *(В дверь стучат. Они переглядываются. Финк идет к двери.)* Кто там? *(Никто не отвечает. Стук повторяется. Он резко, сердитым жестом распахивает дверь.)* Чего вам... *(Замолкает. Входит Кей Гонда; она одета, как в прошлой сцене. Он ахает.)* О!.. *(Смотрит на нее сразу с испугом и недоверием. Фанни делает шаг вперед и замирает. Они не в состоянии сказать ни слова.)*

К е й Г о н д а. Мистер Финк?

Ф и н к *(истово кивая)*. Да. Чак Финк. Собственной персоной... Но ведь вы... Вы ведь Кей Гонда?

К е й Г о н д а. Да. Я прячусь. От полиции. Мне некуда пойти. Позвольте мне остаться на ночь?

Ф и н к. Разрази меня гром!.. Извините, пожалуйста.

Ф а н н и. Вы хотите, чтобы мы вас тут спрятали?

К е й Г о н д а. Да. Если вы не боитесь.

Ф а н н и. Но почему вы выбрали...

К е й Г о н д а. Потому что здесь меня никто не найдет. И потому что я прочла письмо мистера Финка.

Ф и н к *(спохватившись)*. Ну конечно! Мое письмо. Я так и знал, что из тысячи писем вы обратите внимание именно на него. Правда, неплохо написано?

Ф а н н и. Я ему помогала.

Ф и н к *(смеясь)*. Какое потрясающее совпадение! Когда я его писал, то даже не мог предположить, что... Чего только не случается на белом свете!

К е й Г о н д а (*глядя на него*). Меня подозревают в убийстве.

Ф и н к. О, даже не беспокойтесь об этом. Нам все равно. Мы — свободомыслящие люди.

Ф а н н и (*торопливо опускает штору*). Вы здесь будете в полной безопасности. Только простите наш разгром... Мы перезжаем.

Ф и н к. Прошу вас, садитесь, мисс Гонда.

К е й Г о н д а (*садится и снимает шляпку*). Спасибо.

Ф и н к. Я мечтал о том, чтобы вот так, попросту поговорить с вами. Я всегда хотел вас спросить о многом.

К е й Г о н д а. Я всегда хотела, чтобы меня о многом спросили.

Ф и н к. То, что говорят про Грантона Сэйерса, это правда? Вы должны знать. Говорят, что он был извращенцем и не интересовался женщинами, а...

Ф а н н и. Чак! Это совершенно не относится к делу и...

К е й Г о н д а (*с легкой улыбкой*). Нет. Это неправда.

Ф и н к. Конечно, я никого не порицаю. Я презираю мораль. Я хочу спросить у вас о другом; меня как социолога всегда интересовал вопрос влияния экономического фактора на личность. Сколько сейчас получает кинозвезда?

К е й Г о н д а. То ли пятнадцать, то ли двадцать тысяч в неделю согласно новому контракту — точно не помню.

Фанни и Финк обмениваются изумленными взглядами.

Ф и н к. Какие возможности для помощи обществу! Я всегда видел в вас великую гуманистку.

К е й Г о н д а. Во мне? Едва ли. Ненавижу гуманизм.

Ф и н к. Вы шутите, мисс Гонда!

К е й Г о н д а. Бывают люди, у которых есть цель в жизни. Их немного, но они есть. А у некоторых есть не только цель, но и честность. Таких совсем мало. Мне они нравятся.

Ф и н к. Но следует проявлять толерантность! Следует учитывать влияние экономического фактора. Говоря, например, о доходах кинозвезды...

К е й Г о н д а (*резко*). Я не хочу о них говорить. (*Едва ли не с жалобной ноткой в голосе.*) А вы ничего не хотите спросить о моей работе?

Ф и н к. Господи, конечно, хочу! (*Вдруг посерьезнев.*) Нет. Не хочу. (*Кей Гонда внимательно смотрит на него, слегка улыбаясь. Он добавляет с внезапной улыбкой, впервые искренно.*) Ваша работа... о ней не надо говорить. Я не могу. (*Добавляет.*) Я никогда не видел в вас просто кинозвезду. И никто не видит. Вы не Джоан Тюдор, и не Салли Суини, и все остальные. И вы создаете не дрянные мелодрамы — извините меня, но они дрянные, — а кое-что другое.

К е й Г о н д а (*смотрит на него*). Что же именно?

Ф и н к. То, как вы движетесь, и звук вашего голоса, и ваши глаза. Ваши глаза...

Ф а н н и (*с внезапной горячностью*). Они такие, как будто вы не человек, не такая, как люди вокруг.

Ф и н к. Все мы мечтаем о том совершенном создании, которым может стать человек. Но никто не видел нашу мечту. А вы видели и показываете ее нам. Как будто вам известен великий секрет... секрет, забытый всем остальным миром. Великий секрет и великую надежду. Ваш человек отмыт добела. Ваш человек достиг высших возможностей.

Ф а н н и. Когда я вижу вас на экране, я чувствую себя виноватой, но в то же время молодой, свежей и гордой. Иногда мне хочется поднять руки вот так... *(Поднимает руки над головой красивым восторженным жестом, смущается.)* Простите нас. Мы ведем себя как дети.

Ф и н к. Может быть, мы и есть дети. Но посреди тусклой жизни нам приходится ловить каждый лучик света, ловить везде, даже в кино. А почему, собственно, не в кино, величайшем наркотике человечества? Вы сделали для страдающего человека больше, чем любой филантроп за всю историю. Как вам это удастся?

К е й Г о н д а *(не глядя на него)*. Это можно делать достаточно долго. Полагаться на собственные силы и по капле выжимать из себя надежду для людей, но потом оказывается, что тебе самой нужна помощь... ответный голос, прозвучавший в ответ гимн, простое эхо. Я вам очень благодарна. *(В дверь стучат. Все трое переглядываются. Финк решительно идет к двери.)*

Ф и н к. Кто там?

Ж е н с к и й г о л о с *(за сценой)*. Слушай, Чак, не одолжишь немного сливок?

Ф и н к (*со злостью*). Проваливай! Нет у нас никаких сливок. Хватает же наглости беспокоить людей в подобный момент! (*Негромкое ругательство, удаляющиеся шаги за сценой. Финк оборачивается к остальным.*) Господи! А я уж подумал, что это полиция!

Ф а н н и. Сегодня ночью никого нельзя пускать в дом. Любой из этих голодранцев будет рад сдать вас полиции за... (*Ее голос внезапно меняется, как будто последнее слово вылетело помимо ее воли.*) за вознаграждение.

К е й Г о н д а. Вы отдаете себе отчет, что вас ждет, если они меня тут найдут?

Ф и н к. Они доберутся до вас только через мой труп.

К е й Г о н д а. Вы не знаете, что может грозить вам...

Ф и н к. Нам не важно это знать. Мы знаем другое, знаем, что значит для нас ваша работа. Да, Фанни?

Ф а н н и (*стоит в стороне, глубоко задумавшись*). Что?

Ф и н к. Я говорю, что мы знаем, что значит для нас работа мисс Гонды, ведь так?

Ф а н н и (*без выражения*). О да... да...

К е й Г о н д а (*внимательно глядя на Финка*). А то, что она для вас значит... вы способны предать это чувство?

Ф и н к. Нельзя предавать то лучшее, что есть в твоей душе.

К е й Г о н д а. Нельзя.

Ф и н к (*заметив задумчивость Фанни*). Фанни!

Ф а н н и (*вздвигнув*). Да? Что?

Ф и н к. Расскажи мисс Гонде, как мы всегда...

Ф а н н и. Мисс Гонда, конечно, очень устала. Дадим ей лечь спать.

К е й Г о н д а. Да. Я очень устала.

Ф а н н и (*с воодушевлением*). Вы можете воспользоваться нашей спальней... О да, не спорьте, пожалуйста. Нам будет очень удобно вот здесь, на диване. Мы будем сторожить вас, чтобы никто сюда не вошел.

К е й Г о н д а (*вставая*). Вы очень любезны.

Ф а н н и (*берет лампу*). Пожалуйста, извините за неудобство. У нас небольшие проблемы с электричеством. (*Показывая дорогу в спальню.*) Сюда, пожалуйста. Вам будет удобно, и вы будете в безопасности.

Ф и н к. Спокойной ночи, мисс Гонда. Не волнуйтесь. Мы вас посторожим.

К е й Г о н д а. Спасибо. Спокойной ночи.

Уходит за Фанни в спальню. Финк поднимает ставню. Широкая полоса лунного света падает на пол. Он начинает прибираться.

Ф а н н и возвращается в комнату, закрыв за собой дверь.

Ф а н н и (*понижая голос*). Ну, что ты об этом думаешь? (*Он разводит руками и пожимает плечами.*) А еще говорят, что чудес не бывает!

Ф и н к. Лучше не шуметь. Она может нас услышать... (*Из-под двери в спальню видна полоска света.*) Будем собирать вещи?

Ф а н н и. Вещи теперь не имеют значения. (*Он выуживает из коробок простыни и одеяла, для чего*

снова вываливает их содержимое на пол. Фанни стоит в стороне у окна и молча на него смотрит. Потом тихо говорит.) Чак?

Ф и н к. Да?

Ф а н н и. Через несколько дней мне придется явиться в суд. Вместе с одиннадцатью нашими ребятами.

Ф и н к *(смотрит на нее с вопросом)*. Ну и?..

Ф а н н и. Нет смысла обманывать себя. Нас посадят.

Ф и н к. Можно не сомневаться.

Ф а н н и. Но если мы найдем деньги на борьбу с приговором...

Ф и н к. Конечно. Но денег нет. Что об этом думать? *(Короткое молчание. Он продолжает прерванное занятие.)*

Ф а н н и *(шепотом)*. Чак... как, по-твоему, она нас слышит?

Ф и н к *(глядя на дверь спальни)*. Нет.

Ф а н н и. Ее обвиняют в убийстве.

Ф и н к. Ага.

Ф а н н и. Человек, которого она убила, был миллионером.

Ф и н к. Верно.

Ф а н н и. Полагаю, члены его семьи хотели бы знать, где она находится.

Ф и н к *(поднял голову, смотрит на нее)*. Ты о чем?

Ф а н н и. Я тут подумала — если им скажут, где она прячется, они с радостью заплатят вознаграждение.

Ф и н к *(с грозным видом подступает к ней)*. Мерзавка... ты что, пытаешься...

Ф а н н и *(не двигаясь)*. Тысяч пять долларов, а? Как ты думаешь?

Ф и н к *(замирает на месте)*. Что?

Ф а н н и *(не двигаясь)*. Тысяч пять долларов, говорю.

Ф и н к. Ах ты, тварь! Заткнись, пока я тебя не прикончил! *(Тишина. Он начинает раздеваться. Затем.)* Фанни...

Ф а н н и. Да?

Ф и н к. А если больше пяти тысяч отвалят?

Ф а н н и. Наверняка. Люди и больше того платят за обыкновенных похитителей.

Ф и н к. Да заткнись же ты! *(Тишина. Он продолжает раздеваться.)*

Ф а н н и. А меня ждет тюрьма, Чак. Месяцы, а может, и годы в тюрьме.

Ф и н к. Ну да.

Ф а н н и. И остальных тоже. И Бада, и Пинки, и Мэри, и всех прочих. Твоих друзей, твоих товарищей. *(Он замирает.)* Они нужны тебе. Они нужны делу. Двенадцать лидеров.

Ф и н к. Да...

Ф а н н и. С пятью тысячами мы наняли бы лучшего нью-йоркского адвоката. И он выиграл бы дело... И нам не пришлось бы съезжать с квартиры. Не пришлось бы волноваться. Тогда ты сможешь спокойно продолжать служить своему великому делу... *(Он не отвечает.)* Подумай о двенадцати людях, которых ты отправляешь за решетку... двенадцать за одну, Чак. *(Он не отвечает.)* Подумай о своем долге перед миллионами братьев. Миллион за одну, Чак. *(Тишина.)*

Ф и н к. Фанни...

Ф а н н и. Да?

Ф и н к. А как нам это повернуть?

Ф а н н и. Проще простого. Уйдем, пока она спит.

И сразу в полицейский участок. Возвращаемся с ко-
пами. Понял?

Ф и н к. А если она услышит?

Ф а н н и. Она не услышит. Но нам придется по-
торопиться. *(Идет к двери. Он останавливает ее.)*

Ф и н к *(шепотом)*. Она услышит, как скрипнет
дверь. *(Показывает на окно.)* Сюда...

*Они выскальзывают в окно. Комната недолго остается пустой.
Потом дверь в спальню открывается. На пороге появляется
К е й Г о н д а. Задерживается там на несколько секунд, затем
проходит через комнату к двери и выходит наружу, оставив
дверь открытой.*

ЗАНАВЕС

Сцена 3

Над сценой письмо, написанное четким, уверенным почерком:

«Дорогая мисс Гонда!

Я неизвестный художник. Но я знаю, до каких высот сумею подняться, ведь у меня есть святое знамя, не способное пасть! — это знамя Вы. Я рисую одну только Вас. Вы, богиня, присутствуете на каждом моем холсте. Я никогда не видел Вас живой. Но мне это и не нужно. Я могу нарисовать Ваше лицо с закрытыми глазами. Потому лишь, что моя душа представляет собой только зеркало, в котором отражается ваша душа. Однажды Вы услышите, как обо мне заговорят. А пока примите это письмо, как первую дань от Вашего преданного служителя...

Дуайт Лэнгли.

*...Норманди-авеню, Лос-Анджелес,
Калифорния».*

Гаснет свет, экран исчезает, и на сцене появляется мастерская Дуайта Лэнгли. Просторная комната, обставленная броско, с вызовом и даже вульгарно, производит впечатление театральной декорации. Посреди задней стены большое окно, за окном видны темное небо и верхушки деревьев; слева дверь на улицу, на правой стене, в глубине, дверь в другую комнату. На стенах, мольбертах и полу множество картин и набросков; все они изображают Кей Гонду — одну головку, в полный рост, в современной одежде и в развевающихся драпировках, обнаженной.

Комната заполнена разношерстной публикой; присутствуют мужчины и женщины во всевозможных нарядах: от фраков и вечерних платьев до пляжных пижам и широких брюк, слишком уж процветающих незаметно. Однако всех присутствующих объединяет общая черта — бокал в руке, и по всему видно, что уже не первый.

Д у а й т Л э н г л и развалился на диване; он молод, красив, смуглолиц; темная шевелюра растрепана, улыбка надменна, но неотразима. Ю н и с Х э м м о н д держится в стороне от гостей, ее глаза беспрестанно с беспокойством обращаются к Лэнгли; эта красивая, молодая женщина, тихая, неразговорчивая, одета в изящное черное платье, явно более дорогое, чем одежда остальных присутствующих.

Когда зажигается свет, все гости поднимают бокалы за здоровье Лэнгли, заглушая сильную музыку, пробивающуюся из радиоприемника.

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. За Лэнни!

М у ж ч и н а в с в и т е р е. За Дуайта Лэнгли Калифорнийского!

Ж е н щ и н а в в е ч е р н е м п л а т ь е. За победителя и лучшего из нас пьют веселые проигравшие!

Т р а г и ч е с к и н а с т р о е н н ы й д ж е н т л ь м е н. За величайшего художника всех времен!

Акт I

Лэнгли (*встает, делает благодарственный жест рукой, лаконично*). Благодарю.

Все пьют. Кто-то роняет бокал, он со звоном разбивается. Лэнгли уходит в сторону. Юнис приближается к нему.

Юнис (*протягивая к нему свой бокал, нежным шепотом*). За тот день, о котором мы так давно мечтаем, дорогой.

Лэнгли (*оборачивается к ней, равнодушно*). А... да-да... (*Чокается с ней, не глядя.*)

Женщина в шароварах (*обращаясь к ней*). Не пытайся прибрать его к рукам, Юнис. Даже не пробуй. Отныне Дуайт Лэнгли принадлежит всему миру!

Женщина в вечернем платье. Ни в коем случае не хочу умалять достижение Лэнни, но должна сказать, что величайшая выставка десятилетия выглядела слабовато. Два-три холста с идеей, но остальные бездарны... и хватает же в наше время наглости, чтобы выставлять такое...

Женоподобный молодой человек. Боже мой! Это просто хлам!

Мужчина в костюме. Но Лэнни их всех уделал! Первая премия десятилетия!

Лэнгли (*без тени смущения*). Вас это удивляет?

Трагически настроенный джентльмен. Потому что Лэнни гений!

Женоподобный молодой человек. Абсолютно согласен! Настоящий гений!

Лэнгли идет к буфету, чтобы наполнить свой бокал. Юнис оказывается рядом с ним и берет его под руку.

Ю н и с (*тихо, с нежностью*). Дуайт, мы и минуты не были наедине, и я не могла тебя поздравить. Но сейчас я хочу сделать это. Я слишком счастлива, слишком горда тобой, чтобы выразить свое чувство словами, но я хочу, чтобы ты понял... мой любимый... насколько много для меня значит твоя победа.

Л э н г л и (*избавляясь от ее руки, равнодушным голосом*). Спасибо тебе.

Ю н и с. Я не могу забыть прошедшие годы. Помнишь, уверенность в собственных силах подчас оставляла тебя, но я не сомневалась в твоём будущем и...

Л э н г л и. Не надо сейчас об этом, ладно?

Ю н и с (*с деланным смехом*). Не надо. Я знаю это. Ужасно дурной тон. (*Не удержавшись.*) Но я ничего не могу поделать с собой. Я люблю тебя.

Л э н г л и. Я знаю. (*Отходит от нее.*)

Б л о н д и н к а (*сидящая на диване рядом с женщиной в шароварах*). Иди к нам, Лэнни! Когда-то еще посчастливится посидеть рядом с настоящим гением!

Л э н г л и (*усаживается на диван между двумя женщинами*). Привет.

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х (*обнимая его за плечи*). Лэнгли, твоя картина у меня никак из памяти не уйдет. Я буквально вижу ее внутренним взором. Она буквально не дает мне покоя.

Л э н г л и (*покровительственно*). Она вам понравилась?

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. Я в нее влюбилась. Но какое название ты для нее придумал. Как же она называлась? Надежда, Вера... Милосердие? Нет. Подожди-ка. Свобода, Равенство или...

Л э н г л и. «Цельность».

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. Точно. «Цельность». Но что же ты, дорогой, имел в виду?

Л э н г л и. Не пытайтесь понять.

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. Но эта женщина! Женщина с вашей картины, Лэнгли! Друг мой, вы создали образец высокого искусства!

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. Это бледное лицо. И эти глаза. Глаза, которые смотрят прямо сквозь тебя!

Ж е н щ и н а в в е ч е р н е м п л а т ь е. Ты, конечно, знаешь, кто это?

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. Как всегда у него, Кей Гонда.

М у ж ч и н а в с в и т е р е. Скажи, Лэнни, ты хоть раз в жизни нарисовал другую женщину? С чего вдруг ты все рисуешь ее да ее?

Л э н г л и. Художник *говорит*. Но не *объясняет*.

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. А кто знает о том, что на самом деле произошло между Гондой и Сэйерсом?

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. Держу пари, ее рук дело. Без нее обойтись никак не могло.

Ж е н о п о д о б н ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Представьте себе только Кей Гонду на виселице! Золотые волосы, черный капюшон и петля. Даже подумать жутко!

Женщина в вечернем платье. Новая тема для тебя, Лэнни. «Кей Гонда на виселице».

Лэнгли (в ярости). Заткнитесь все! Она этого не делала! Не смейте обсуждать ее в моем доме!

Гости на миг затихают.

Мужчина в костюме. Воображаю, какое наследство оставил этот Сэйерс.

Женщина в шароварах. В газетах пишут, что он еще больше разбогател в последнее время. Заключил сделку с «Юнайтед Калифорния Ойл» или с какой-то другой крупной корпорацией. Но теперь об этой сделке, наверно, нужно забыть.

Мужчина в свитере. Нет, вечерние газеты сообщили, что его сестра взяла управление в свои руки.

Женщина в вечернем платье. Но чем занимается полиция? Они арестовали кого-нибудь?

Мужчина в костюме. Неизвестно.

Женщина в вечернем платье. Ей-богу, смешно...

Мужчина в свитере. Послушай, Юнис, в этом доме осталась еще какая-нибудь выпивка? Лэнни спрашивать бесполезно. Он никогда не знает, где что лежит.

Мужчина в костюме (обнимая Юнис). Величайшая мамочка-сестренка-и-все-остальное-в-одном-флаконе, какой нет ни у одного художника в мире!

Юнис высвобождается не слишком резко, но с заметным неудовольствием.

Женподобный молодой человек. А знаете, что Юнис штопает ему носки? Да-да! Я видел на нем заштопанные. Просто прелесть!

Мужчина в свитере. Женщина позади трона! Женщина, направлявшая его шаги, стиравшая ему рубашки и поддерживавшая его в тяжелые времена.

Женщина в вечернем платье (*женщине в шароварах, вполголоса*). Поддерживает в нем боевой дух... и его банковский счет.

Женщина в шароварах. Неужели... это правда?

Женщина в вечернем платье. Дорогая моя, это ни для кого не секрет. Откуда, как ты думаешь, он брал деньги «в тяжелые времена»? Из миллионов Хэммонда! Старый Хэммонд, конечно, выгнал свою дочь из дома, однако деньги у нее все равно есть.

Женподобный молодой человек. О да, скажу я вам. Из высшего общества ее тоже выставили. Но она ни капельки об этом не жалеет, ни капельки.

Мужчина в свитере. Ну так как, Юнис? Где выпивка?

Юнис (*с сомнением*). Боюсь...

Лэнгли (*встает*). Она боится, что ей это придется не по вкусу. Но мы будем пить, одобряет она наше желание или нет. (*С раздражением шарит в шкафах.*)

Женщина в шароварах. Ну, правда, народ, уже поздно и...

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. Еще по рюмашечке, и топаем по домам.

Л э н г л и. Эй, Юнис, а где у нас джин?

Ю н и с (*открывает буфет и достает две бутылки, тихим голосом*). Вот.

М у ж ч и н а в с в и т е р е. Ура! Сначала ма-
лютке!

Все кидаются к бутылкам.

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. По одному бокаль-
чику и сматываемся. Эй, все! Еще тост. За Дуайта
Лэнгли и Юнис Хэммонд!

Ю н и с. За Дуайта Лэнгли и его будущее!

Одобрительный гул. Все пьют.

В с е (*хором*). Речь, Лэнни!.. Да!.. Давай, Лэнни!..
Речь!.. Давай!

Л э н г л и (*забирается на стул и стоит на нем, слегка пошатываясь, говорит с наигранной искренностью*). Горчайшим мгновением в жизни художника является миг его триумфа. Свое одиночество он может осознать, лишь оказавшись посреди толпы. Художник — это горн, вызывающий на битву, в которой никто не хочет участвовать. Мир не видит и не хочет видеть того, что открыто ему. Я призываю людей настежь распахнуть двери своих сердец для самого святого из того, что свято, однако эти двери остаются закрытыми... навсегда... (*Хочет что-то добавить, но*

Акт I

потом безнадежно всплескивает руками и повторяет с выражением тихой грусти.) навсегда...

Аплодисменты. Общий шум обрывается стуком в дверь.

Л Э Н Г Л И (*подпрыгивает от неожиданности на стуле*). Войдите!

Дверь открывается, и появляется разгневанная д о м о в л а - д е л и ц а в грязном китайском кимоно.

Д о м о в л а д е л и ц а (*пронзительно, с возмущением*). Мистер Лэнгли, этому шуму необходимо положить конец! Вы хоть знаете, который час?

Л Э Н Г Л И. Марш отсюда!

Д о м о в л а д е л и ц а. Леди из триста пятнадцатой говорит, что вызовет полицию! Джентльмен из...

Л Э Н Г Л И. Ты что, не расслышала меня! Убирайся! Думаешь, я останусь в твоём мерзком доме?

Ю н и с. Дуайт! (*Домовладелице.*) Мы будем соблюдать тишину, миссис Джонсон.

Д о м о в л а д е л и ц а. То-то же! (*Уходит сердитая.*)

Ю н и с. Правда же, Дуайт, не надо...

Л Э Н Г Л И. Ах, оставь меня в покое! Отныне никто не будет указывать мне, что делать!

Ю н и с. Но я только....

Л Э Н Г Л И. Ты становишься отвратительной, ворчливой мещанкой!

Юнис застывает, глядя на него.

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. Ну это ты уже слишком, Лэнгли!

Л э н г л и. Меня тошнит от твоего желания везде сунуть свой нос! Думаешь, ты навек приковала меня к себе цепями благодарности!

Ю н и с. Дуайт! Ты же не думаешь, что я...

Л э н г л и. Я прекрасно знаю, что думаешь ты! Думаешь, ты меня купила? Думаешь, купила до конца жизни за какие-то счета от бакалейщика?

Ю н и с. Что ты говоришь! (*Вдруг пронзительно кричит.*) Я не понимаю тебя!

М у ж ч и н а в с в и т е р е. Слушай, Лэнгли, поспокойней, ты не соображаешь, что говоришь, ты...

Л э н г л и (*отталкивая его*). Проваливай к дьяволу! Вы все можете проваливать к дьяволу, если хотите! (*Обращаясь к Юнис.*) Ну а ты...

Ю н и с. Дуайт... пожалуйста... не сейчас...

Л э н г л и. Нет! Именно здесь и сейчас! Я хочу, чтобы все они слышали! (*Гостям.*) Так вы думаете, что я без нее не обойдусь? Я вам покажу! С меня хватит! (*Обращаясь к Юнис.*) Слышала? С меня хватит! (*Юнис стоит неподвижно.*) Я свободен! Я прославлюсь на весь мир! Вам такое и не снилось! Я готов встретить единственную женщину, которую хотел в своей жизни, — Кей Гонду! Все эти годы я ждал того дня, когда познакомлюсь с ней! Я жил только ради этого! И никто не встанет у меня на пути!

Ю н и с (*идет к двери слева, вынимает свою шляпку и пальто из груды одежды в углу, оборачивается к нему, тихо говорит*). Прощай, Дуайт... (*Уходит.*)

Акт I

Секунду в комнате стоит мертвая тишина; первой начинает двигаться женщина в шароварах, она идет за своим пальто, потом поворачивается к Лэнгли.

Ж е н щ и н а в ш а р о в а р а х. Такова-то твоя «Цельность».

Л э н г л и. Если ты хочешь этим поддеть меня...
(Женщина в шароварах уходит, хлопнув дверью.)
И катись к черту! (Остальным.) Проваливайте! Все!
Вон!

Общая суматоха с шляпами и пальто.

Ж е н щ и н а в в е ч е р н е м п л а т ь е. Ну, если нас гонят такими словами...

М у ж ч и н а в к о с т ю м е. Ничего, не обижайся, Лэнни немного перебрал.

Л э н г л и (смягчаясь). Простите. Всем спасибо. Но сейчас я хочу побыть один.

Гости уходят, сконфуженно прощаясь.

Б л о н д и н к а (уходит одной из последних. За-мешкавшись, шепчет неуверенно). Лэнни...

Л э н г л и. Вон! Вы все! (Она уходит. На сцене остается один Лэнгли, который с изумлением оглядывает руины своего интерьера. В дверь стучат.) Вон, я сказал! Чтобы духу вашего тут не было! (Стук повторяется. Он идет к двери, резко распахивает ее. К е й Г о н д а входит. Она стоит, глядя на него, не произнося ни слова. Он спрашивает нетерпеливо.) Ну? (Она не отвечает.) Чего надо?

Кей Гонда. Вы Дуайт Лэнгли?

Лэнгли. Да.

Кей Гонда. Мне нужна ваша помощь.

Лэнгли. Что стряслось?

Кей Гонда. Вы не знаете?

Лэнгли. Откуда я могу знать? Вообще, кто вы такая?

Кей Гонда (*после паузы*). Кей Гонда.

Лэнгли (*смотрит на нее и раздражается хохотом*). Всего-то? А не Елена Троянская? И не мадам Дюбарри? (*Она молча смотрит на него.*) Хватит! В чем подвох?

Кей Гонда. Вы меня не узнаете?

Лэнгли (*пренебрежительно рассматривает ее, держа руки в карманах и усмехаясь*). Ну что же. Вы действительно похожи на Кей Гонду. Но и ее дублерша похожа на нее. И дюжина дюжин девиц в Голливуде. Чего вы хотите? Девушка, я все равно не могу устроить вас на студию. Я даже не могу обещать вам кинопробы. Откройте карты. Кто вы?

Кей Гонда. Вы не понимаете? Я в опасности. Мне надо спрятаться. Пожалуйста, позвольте мне остаться у вас на ночь.

Лэнгли. По-вашему, здесь что, ночлежка?

Кей Гонда. Мне некуда больше пойти.

Лэнгли. Старая голливудская сказка.

Кей Гонда. Они не станут искать меня здесь.

Лэнгли. Кто?

Кей Гонда. Полиция.

Л э н г л и. В самом деле? Но почему Кей Гонда выбрала именно мой дом, чтобы спрятаться в нем? *(Она приоткрывает сумочку, но потом закрывает ее и ничего не говорит.)* Откуда мне знать, что вы действительно Кей Гонда? У вас есть доказательства?

К е й Г о н д а. Никаких. Вам придется положиться на свое зрение.

Л э н г л и. Кончайте молоть вздор! Зачем вы здесь? Вы берете меня на... *(Громкий стук в дверь.)* Кто там? Это что, заговор?

Идет к двери и распахивает ее. Входит полицейский в форме. Кей Гонда быстро поворачивается к ним спиной.

П о л и с м е н *(добродушно)*. Добрый вечер. *(Недоуменно оглядывается.)* И где этот дебош, на который нам жаловались?

Л э н г л и. Боже мой! Здесь нет никакого дебоша, офицер. Ко мне заходили несколько друзей, но они давно ушли.

П о л и с м е н *(с некоторым любопытством глядя на Кей Гонду)*. Между нами, нам часто жалуются на шум, который сильно преувеличивают. По мне, так нет ничего страшного, если молодежь немного повеселится.

Л э н г л и *(с интересом наблюдая за реакцией полицейского на Кей Гонду)*. Мы, действительно, никого не потревожили. Здесь нет ничего интересного для вас. Правда, офицер?

П о л и с м е н. Да, сэр. Простите за беспокойство.

Л э н г л и. Здесь, правда, нет никого, кроме нас, меня и этой девушки (*показывает на Кей Гонду*). Но если нужно, можете осмотреть помещение.

П о л и с м е н. Нет, что вы, сэр. Не нужно. Спокойной ночи. (*Уходит.*)

Л э н г л и (*ждет, пока стихнут его шаги. Затем разражается хохотом*). Вот тебя и разоблачили, моя девочка!

К е й Г о н д а. Каким образом?

Л э н г л и. Здесь побывал коп. Если бы ты была Кей Гондой, а полиция тебя искала, неужели он не забрал бы тебя с собой?

К е й Г о н д а. Он не видел моего лица.

Л э н г л и. Нет, он посмотрел. Ну ладно, признавайся, в какую игру ты играешь?

К е й Г о н д а (*становится перед ним на свет*). Дуайт Лэнгли! Посмотри на меня! И посмотри на мои портреты, которые ты написал! Неужели ты меня не узнаешь? Я всегда была рядом с тобой, когда ты работал, в твои лучшие часы. Или ты лгал самому себе?

Л э н г л и. Только не надо впутывать сюда мои произведения. Мои произведения не имеют никакого отношения к твоей жизни и к моей тоже.

К е й Г о н д а. Но зачем нужны произведения, превозносящие то, в существовании чего не нуждаются?

Л э н г л и (*торжественно*). Послушай. Кей Гонда — это воплощение красоты, которое я несу в мир, красоты, не достижимой для нас. Мы можем только

Акт I

воспевать эту красоту во всей ее недоступности. Такова миссия художника. Мы можем только стремиться к ней, но не способны обладать ею. Мы пытаемся, но всегда уступаем. В этом наша трагедия, но в отсутствии надежды наша слава. Убирайся!

К е й Г о н д а. Мне нужна ваша помощь.

Л э н г л и. Убирайся!!!

*Она бессильно роняет руки, поворачивается и уходит. Дуайт
Лэнгли захлопывает дверь.*

ЗАНАВЕС

АКТ II

Сцена I

На экране письмо, написанное старомодным почерком с наклоном:

«Дорогая мисс Гонда!

Кто-то может назвать это письмо кощунством. Но я пишу его и не чувствую себя грешником. Потому что, когда вижу Вас на экране, мне кажется, что мы с Вами работаем ради одного и того же. Вы, может быть, удивитесь, но я простой, ничем не примечательный проповедник. Но разговаривая с людьми о священном смысле жизни, я чувствую, что Вы несете в себе ту Истину, которую я тщетно пытаюсь объяснить словами. Мы идем разными дорогами, мисс Гонда, но в одном направлении.

С глубочайшим уважением,

Клод Игнациус Хикс.

*...Бульвар-соссен, Лос-Анджелес,
Калифорния».*

Акт II

Свет гаснет, экран исчезает. Сцена представляет собой церковь, в которой служит К л о д И г н а ц и у с Х и к с, стоит почти абсолютный мрак. Видны только справа на переднем плане неясные очертания двери, открытой на темную улицу. На центральной стене горит маленький крест из лампочек. Света от него достаточно, чтобы видеть лицо и плечи Клода Игнациуса Хикса, возвышающиеся над сценой (он стоит на кафедре, но в темноте этого не видно). Он высокий, худой, одет в черное; волосы не закрывают высокий лоб. Он красноречиво обращается к темноте, патетично воздевая руки.

Х и к с. Но даже в самом озлобившемся из нас присутствует Божественная искра, единственная капля воды в бесплодной пустыне мира. И все человеческие страдания, изощренные мучения, которые люди испытывают в этой жизни, происходят оттого, что они предали это сокровенное пламя. Все совершают предательства, и никто не избежит кары. Никто... *(В темноте кто-то громко чихает возле правой двери. Хикс обрывает себя и спрашивает испуганно.)* Кто здесь?

Он нажимает на выключатель, и зажигаются две свечи по обе стороны его кафедры. Теперь видна церковь: узкое вытянутое помещение с голыми балками и некрашеными стенами. Окон нет, лишь одна дверь. Старые деревянные скамейки стоят рядами перед кафедрой.

С е с т р а И с с и Т у м и стоит справа на переднем плане, около двери. Она маленького роста, пухленькая, на вид ей лет сорок. Светлые волнистые волосы спадают на плечи из-под большой и широкой розовой шляпы, украшенной ландышами. Ее приземистая фигура утопает в длинных складках голубого плаща.

И с с и Т у м и (*торжественно поднимает правую руку*). Благословение Господне на вас! Добрый вечер, брат Хикс. Продолжайте. Не отвлекайтесь на меня.

Х и к с (*испуганно и сердито*). Вы? Что вы тут делаете?

И с с и Т у м и. Я услышала вас с улицы — Бог благословил вас голосом, однако не научил контролировать низкие тона. Я не хотела мешать вам и тихонько вошла.

Х и к с (*холодно*). Чем могу быть полезен?

И с с и Т у м и. Но продолжайте репетировать свою проповедь. Потрясающие, проникновенные слова. Хотя и несколько старомодные. Вы отстаете от времени, брат Хикс. Я говорю сейчас совсем другому.

Х и к с. Я не просил вас давать мне советы, сестра Туми... так что же привело вас ко мне?

И с с и Т у м и. Благослови, Господи! Я принесла вам добрую весть. Правда-правда. Она не оставит вас равнодушным.

Х и к с. Вынужден заметить, что у нас никогда не было общих интересов.

И с с и Т у м и. Истинно сказано, брат Хикс. Вы улавливаете мои слова на лету. И именно поэтому будете вне себя от радости. (*Удобно усаживается на скамью.*) Словом, такое дело, брат мой: в нашей округе нет места для нас обоих.

Х и к с. Впервые слышу из ваших уст правдивое слово.

И с с и Т у м и. Нашим бедным заблудшим прихожанам, безусловно, приходится нелегко. Не могут же они поддерживать подаванием одновременно две церкви! Эти голодранцы блоху-то не прокормят.

Х и к с. Неужели я могу надеяться на то, что в вас, наконец, заговорила совесть, и вы собираетесь уехать отсюда?

И с с и Т у м и. Кто? Я? Уехать отсюда? (*Торжественно.*) Брат Хикс, вы даже представить себе не можете, как много делает мой приход. Последний из заблудших грешников, оказавшись на его пороге, возносит молитвы Богу!.. (*Ехидно.*) Так что не мечтайте, брат мой! Я собираюсь откупиться от вас.

Х и к с. Что?

И с с и Т у м и. Не то чтобы мне это было необходимо. Вы мне не конкурент. Но, думаю, пора прояснить этот вопрос раз и навсегда. Мне нужна эта территория.

Х и к с (*против собственной воли*). И в каком пекле вам внушили мысль, что храм Вечной Истины Духа может быть выставлен на продажу?

И с с и Т у м и. Нет-нет, брат Хикс, будем все-таки современными. В таком ключе деловые предложения не обсуждают. Посмотрим на факты. А они говорят, что вы, брат, здесь лишний.

Х и к с. Я заставлю вас понять...

И с с и Т у м и. Сколько у вас прихожан? Тридцать человек, в лучшем случае пятьдесят. А вот у меня каждый вечер по две тысячи, душ, ищущих Бога. Две тысячи и никак не меньше! Сегодня у меня новая

всенощная — я назвала ее «Ночная жизнь ангелов», так что жду целых три тысячи.

Х и к с (сдерживаясь). В жизни каждого человека бывают минуты, когда он просто вынужден напоминать себе о том, что милосердным следует быть ко всем и каждому. Я не желаю оскорблять вас. Однако я всегда подозревал, что вы являетесь игрушкой в лапах дьявола. Моя церковь стоит здесь уже...

И с с и Т у м и. Я знаю. Двадцать лет. Но времена меняются, брат мой. А чем вы тут заняты? Живете в допотопных временах, благослови вас Бог!

Х и к с. Мне вполне подходит вера моих отцов.

И с с и Т у м и. Допустим, брат, допустим. Но прихожанам она уже не подходит. Например, не стоило называть церковь «храмом Вечной Истины». Современные люди не пойдут в церковь с таким названием. А у меня «Маленькая Церковь на Бойком Углу». И это привлекает людей, брат. Летят, как мухи на варенье.

Х и к с. У меня нет желания обсуждать с вами этот вопрос.

И с с и Т у м и. Возьмем хотя бы проповедь, которую ты сейчас репетировал. Да люди заснут на ней. Можно не сомневаться. В наше время нельзя так проповедовать. Я подхожу по-другому: моя последняя служба носила название «Станция Технического Обслуживания для Души». Учитесь, брат мой! И эту станцию соорудила у себя прямо за кафедрой. *(Встает и идет к кафедре Хикса.)* Прямо вот здесь. Колонки, стекло, позолота, а сверху надписи: «Не-

порочность», «Молитва», «Суперсмесь: искренняя молитва». И юноши в белых балахонах — красавчики! — с белыми крылышками, понятно, а на головных уборах: «Верую-Ойл Инкорпорейтед»... Умно, а?

Х и к с. Это святотатство!

И с с и Т у м и (*поднимаясь на кафедру*). А кафедра-то у вас (*проводит пальцем*) хм... пыльная, брат Хикс. Плохо, так дела не делают... Кафедра должна блестеть золотом, как автомобиль. (*Воодушевляясь.*) Вот я, произнося проповедь, говорю своим прихожанам, что все мы едем по трассе жизни, и каждому нужно, чтобы его бак был полон бензином веры, шины надуты воздухом милосердия, радиатор до пробки залит водой воздержания, аккумулятор заряжен током праведности и притом необходимо избегать объездов погибельных. (*Обычным голосом.*) И вот это, дорогой мой, привело их в восторг. Слава Богу! Вот это был успех! И ящик для пожертвований — я сделала его в виде канистры для бензина — был набит до полна!

Х и к с (*с трудом сдерживая гнев*). Сестра Туми, попрошу вас сойти с моей кафедры!

И с с и Т у м и (*сходит*). Так вот, брат мой, не будем тянуть резину, перейдем к делу. Даю вам пятьсот баксов, и вы выметаетесь отсюда вместе со своим старьем.

Х и к с. Всего пятьсот долларов за храм Вечной Истины?

И с с и Т у м и. Что плохого в сумме пятьсот долларов? Это куча денег. За пятьсот долларов можно купить хороший подержанный автомобиль.

Х и к с. За двадцать лет, проведенных в этой церкви, я никому не указывал на дверь. Но сегодня я это сделаю. *(Показывает на дверь.)*

И с с и Т у м и *(пожимая плечами)*. Как вам угодно, брат мой. Имеют очи, да не видят!.. Могу только посочувствовать! *(Поднимает руку.)* Благословение Божие на вас! *(Уходит.)*

Через минуту после ее ухода в дверь осторожно заглядывает
Э з р и, неуклюжий, долговязый и некрасивый подросток.

Э з р и *(шепотом)*. Брат Хикс!

Х и к с *(вздвогнув от неожиданности)*. Эзри! Ты что там делаешь? Заходи.

Э з р и *(входя, с благоговением в голосе)*. Гы! Прямо кино!

Х и к с. Ты что, все слышал?

Э з р и. Гы! Так, значит, это была сестра Исси Туми?

Х и к с. Да, Эзри, это была сестра Исси Туми. И ты никому не должен рассказывать то, что здесь слышал.

Э з р и. Ага, сэр. Зуб даю, брат Хикс. *(С восхищением смотрит на дверь.)* Ну, по мне, сестра Туми здорово говорит!

Х и к с. Не хвали ее. Сестра Туми служит злу.

Э з р и. Да, сэр... А вот кудряшки у нее красивые!

Х и к с. Эзри, ты мне веришь? Ты хочешь ходить сюда на службу?

Э з р и. Да, сэр... Близнецы Крамп говорят, что у сестры Туми в церкви настоящий аэроплан, честное слово!

Х и к с (*с отчаянием*). Мальчик мой, послушай меня, послушай ради своей бессмертной души...

Осекается. Входит К е й Г о н д а.

К е й Г о н д а. Мистер Хикс?

Х и к с (*не сводя с нее глаз, потрясенным голосом*).

Эзри, уйди.

Э з р и (*истуганным голосом*). Да, сэр. (*Поспешно уходит.*)

Х и к с. Вы не...

К е й Г о н д а. Да.

Х и к с. Чем я обязан великой чести?..

К е й Г о н д а. Убийству.

Х и к с. Вы хотите сказать, что эти слухи правдивы?

К е й Г о н д а. Если хотите, можете меня выгнать. Или вызвать полицию, если вам это больше нравится. Только сделайте это сразу.

Х и к с. Вы ищете место для ночлега?

К е й Г о н д а. Да, на одну ночь.

Х и к с (*идет к двери, закрывает и запирает ее*).

Эта дверь оставалась открытой двадцать лет. Но сегодня ночью она будет заперта. (*Он подходит к Кей Гонде и молча протягивает ей ключ.*)

К е й Г о н д а (*в изумлении*). Почему вы отдаете его мне?

Х и к с. Дверь не откроется, если вы не захотите ее открыть.

К е й Г о н д а (*улыбается, берет ключ и опускает в сумочку. Благодарит*). Спасибо.

Х и к с (*сурово*). Нет. Не благодарите меня. Я не хочу, чтобы вы здесь остались.

К е й Г о н д а (*не понимает его*). Не хотите?

Х и к с. Но вы в безопасности, если действительно нуждаетесь в ней. Я предоставляю вам свою церковь. Можете оставаться здесь столько, сколько захотите. Решать вам.

К е й Г о н д а. Значит, вы не хотите, чтобы я здесь пряталась?

Х и к с. Да, я не хочу, чтобы вы здесь прятались.

К е й Г о н д а (*смотрит на него задумчиво, потом идет к скамейке и садится, продолжая на него смотреть. Медленно произносит*). И что мне, по вашему мнению, следует делать?

Х и к с (*стоя перед ней, строгим и проникновенным тоном*). Вы взвалили на себя тяжелую ношу.

К е й Г о н д а. Да. Тяжелую ношу. И не знаю, как долго смогу нести ее.

Х и к с. Вы можете спрятаться здесь от своих преследователей. Но ради чего?

К е й Г о н д а. Так вы не хотите меня спасти?

Х и к с. О нет. Я хочу вас спасти. Но не от полиции.

К е й Г о н д а. А от кого?

Х и к с. От себя самой. (*Она пристально смотрит на него, но не отвечает*.) Вы совершили смертный грех. Вы убили человека. (*Указывает вокруг*.) Может

ли это место — или любое другое — защитить вас от собственной совести?

К е й Г о н д а. Нет.

Х и к с. Вы не убежите от совершенного вами преступления. Так что, и не пытайтесь убежать от него. Примите его. Сдайтесь. Признайтесь.

К е й Г о н д а (*медленно*). Но если я признаюсь, меня казнят.

Х и к с. А если нет, вы погибнете — погибнете для вечной жизни.

К е й Г о н д а. Сложный выбор... И третьего не дано?

Х и к с. Выбор всегда сложен. Для каждого из нас.

К е й Г о н д а. Почему?

Х и к с. Потому что за земные радости мы расплачиваемся посмертными муками. Но те, кто выбирает страдания, вознаграждаются там вечным блаженством.

К е й Г о н д а. Значит, мы живем на Земле только для того, чтобы страдать?

Х и к с. И чем больше страдание, тем больше добродетель. (*Медленно опускает голову.*) Вам предстоит сделать высочайший выбор. Примите добровольно худшее, что с вами может случиться. Бесчестье, позор, тюрьму, смертную казнь. Тогда ваше наказание обратится вам во славу.

К е й Г о н д а. Как это?

Х и к с. Оно позволит вам попасть в Царство Небесное.

К е й Г о н д а. А почему я должна туда пасть?

Х и к с. Если человек знает о существовании высшей, прекраснейшей жизни, он не может не стремиться к ней.

К е й Г о н д а. Но как удержаться, если хочешь получить эту высшую жизнь здесь, на Земле?

Х и к с. Наш мир полон мрака и лишен совершенства.

К е й Г о н д а. Но почему он лишен совершенства? Потому что не способен стать совершенным? Или потому, что мы не хотим, чтобы он таким стал?

Х и к с. Этот мир не имеет значения. Все самое прекрасное, что он может нам дать, нужно лишь для того, чтобы пожертвовать этим прекрасным ради великого блага, которое ждет нас впереди. *(Она не смотрит на него. Он с минуту стоит, глядя на нее, потом негромко, с чувством произносит.)* Вы не представляете, насколько прекрасны в данный момент. *(Она поднимает голову.)* Вы не знаете, сколько часов я провел, глядя на вас на экране из бесконечной дали. Я отдал бы свою жизнь, чтобы спрятать вас здесь, в безопасном месте. И лучше бы меня самого порвали на куски, чем я увидел бы, как вам причиняют боль. Но тем не менее я все-таки прошу вас отпереть эту дверь и принять мученическую смерть. Это моя жертва. Ибо я приношу в жертву самое прекрасное, что было в моей жизни.

К е й Г о н д а *(мягким и негромким тоном)*. Но когда мы с вами принесем свои жертвы, что останется на Земле?

Х и к с. Наш пример. Он осветит путь всем заблудшим душам, барахтающимся в болоте порока. Они тоже научатся отказываться от благ. Ваша слава велика. Историю вашего преобразования узнают во всем мире. Вы искупите собой тех ничтожных и несчастных людей, которые ходят в эту церковь, и всех жалких нищих людей, в каких бы далеких от вас трущобах они не жили.

К е й Г о н д а. Таких, как этот мальчик, который только что здесь был?

Х и к с. Таких, как этот мальчик. Пусть символом станет он, а не более возвышенная фигура. В том тоже состоит часть жертвы.

К е й Г о н д а (*медленно*). И что, по-вашему, я должна сделать?

Х и к с. Признайтесь в совершенном вами преступлении. Признайтесь публично, перед толпой, чтобы слышали все!

К е й Г о н д а. Прямо сейчас? Этой ночью?

Х и к с. Этой ночью!

К е й Г о н д а. Но в такое время толпы нигде не найдешь.

Х и к с. В такое время... (*Воодушевляясь*.) Послушайте. Прямо сейчас в такое время большая толпа собирается в храме заблуждения, в шести кварталах отсюда. Кошмарное местечко, и заправляет им самая презренная женщина из всех, что я знаю. Я отведу тебя туда. И отдам этой низменной женщине самую прекрасную женщину собственной жизни — о такой сенсации для своей публики она никогда и мечтать не смела. Ты признаешься в убийстве перед ее толпой.

Я отдам в ее руки всю славу и честь, пусть будет, что это ее проповедь преобразила тебя. Пусть слава достанется ей. Она последняя, кто заслуживает ее.

К е й Г о н д а. Это тоже часть жертвы?

Х и к с. Да.

Кей Гонда встает. Идет к двери, отпирает и широко распахивает ее. Потом оборачивается к Хиксу и кидает ключ ему в лицо. Ключ попадает в него, она видит это, поворачивается и уходит.

Хикс стоит неподвижно, опустив голову и плечи.

ЗАНАВЕС

Сцена 2

На экране появляется письмо, написанное острым, четким, вычурным почерком:

«Дорогая мисс Гонда!

У меня было все, чего мужчина может пожелать в этой жизни. Я видел все, и теперь мне кажется, что я покидаю жизнь — это третьесортное шоу, представленное где-нибудь на грязных задворках. И если я не даю себе труда умереть, то лишь потому, что моя жизнь обладает всей пустотой могилы и смерть ничего для меня не изменит. Она может прийти ко мне хоть сегодня, и никто, включая меня, пишущего эти строки, не заметит разницы.

Но прежде, чем это случится, я хочу воскресить то, что еще осталось в моей душе, и, наконец, выразить свое восхищение Вам, Вам,

ставшей примером для подражания всего мира. *Morituri te salutamus*

Граф Дитрих фон Эстерхази.
Беверли-Хиллз,
Калифорния».

Свет гаснет, экран исчезает, и сцена превращается в гостиную номера, занятого графом Дитрихом фон Эстерхази. Это большая роскошная комната, современная и продуманно простая. Открытая входная дверь на центральной стене слева. Дверь поменьше, ведущая в спальню, на заднем плане на правой стене. На левой стене большое окно, через которое вдали виден темный парк. На первом плане справа камин. Горит одна лампа.

Когда зажигается свет, входная дверь открывается, чтобы впустить г р а ф а ф о н Э с т е р х а з и и Л а л о Д ж о н с. Граф фон Эстерхази — высокий, подтянутый мужчина сорока с небольшим лет, аристократическая манера подчеркивает элегантность его вечернего костюма. Лало Джонс — изысканная дама, прячет лицо в мягкой горностаевой накидке, накинутой на потрясающее вечернее платье. Входит первая, в изнеможении падает на стоящую на первом плане кушетку и очаровательным, полным изящества движением устало вытягивает ноги. Дитрих фон Эстерхази молча следует за ней. Она делает легкое движение, полагая, что он подхватит ее накидку. Однако он не подходит к ней и не смотрит на нее. Лало пожимает плечами и откидывает накидку назад, она медленно сползает вниз по ее голым рукам.

Л а л о (глядя на часы на столе, лениво). Всего только два часа... Право же, зря мы так рано ушли, дорогой... (Эстерхази не отвечает. Он как будто не слышит. В его молчании нет враждебности, чувствуется полное равнодушие и непонятная напряжен-

ность. Он подходит к окну и задумчиво смотрит в него, не осознавая присутствия Лало. Она зевает, зажигает сигарету.) Я, наверно, поеду домой... (Нет ответа.) Слышишь: я, наверно, поеду домой... (Кокетливо.) Ну, конечно, если ты не будешь настаивать... (Молчание. Она пожимает плечами и устранивается поудобнее. Говорит лениво, глядя на дым от своей сигареты.) Знаешь, Рикки, нам надо поехать в Агуа Калиенте. На сей раз я все поставлю на Черного Раджу. Верный номер... (Нет ответа.) Кстати, Рикки, я вчера должна была заплатить моему шоферу... (Поворачивается к нему с внезапным нетерпением.) Рикки!

Эстерхази (вздвигнув, оборачивается к ней. Вежливо и совершенно равнодушно). Что?

Лало (нетерпеливо). Я сказала, что вчера должна была заплатить моему шоферу.

Эстерхази (из какого-то далека). Да, конечно. Я об этом позабочусь.

Лало. Что случилось, Рикки? Ты дуешься потому, что я проиграла эти деньги?

Эстерхази. Вовсе нет, дорогая. Я рад, что сегодня вечером ты развлеклась.

Лало. Но ты же знаешь, что мне всегда потрясюще везет в рулетку. Если бы мы не ушли так рано, я, конечно, отыгралась бы.

Эстерхази. Прости. Я немного устал.

Лало. В любом случае, что значат эти жалкие тысяча и семьдесят с чем-то долларов?

Эстерхази (стоит, молча глядя на нее. Потом легкой улыбкой, как будто приняв внезапное решение,

лезет в карман и спокойно подает ей чековую книжку).

Что ж, посмотри, сколько на ней осталось.

Л а л о (*равнодушно берет книжку*). Что это? Твоя чековая книжка?

Э с т е р х а з и. Посмотри, что осталось... не помню, в каком банке.

Л а л о (*читает*). Триста шестнадцать долларов... (*Быстро смотрит на корешок книжки.*) Рикки! Тот чек на тысячу долларов ты выписал на счет в этом банке! (*Он, молча, с той же улыбкой кивает.*) Тебе придется завтра с утра, не откладывая ни на минуту, перевести на него деньги из другого банка.

Э с т е р х а з и (*медленно*). У меня нет денег ни в одном другом банке.

Л а л о. Что?

Э с т е р х а з и. У меня нет других денег. Ты держишь все, что у меня осталось.

Л а л о (*ее ленивое безразличие улетучивается*). Рикки! Ты меня разыгрываешь!

Э с т е р х а з и. Ни в коей мере, дорогая.

Л а л о. Но... но тогда — ты сумасшедший! Такие вещи не случаются... вот так! Люди такое видят... заранее... знают.

Э с т е р х а з и (*спокойно*). Я знал. Уже два года знал. Но состояние не исчезает без нескольких последних конвульсий. Всегда остается нечто такое, что можно продать, заложить, подо что можно занять денег... находится человек, у которого можно занять. Но только не на сей раз. Теперь уже ничего не осталось.

Л а л о (*с ужасом*). Куда же все делось?

Эстерхази. Откуда мне знать? А куда девается все то, что есть в нашей душе в самом начале жизни? Пятнадцать лет — это много. Когда меня выставили из Австрии, у меня в кармане были миллионы, но все прочее, прочее-то, как мне кажется, исчезло уже к этому времени.

Лало. Звучит очень красиво, но что ты собираешься делать?

Эстерхази. Ничего.

Лало. Но завтра...

Эстерхази. Завтра графа Дитриха фон Эстерхази вызовут в банк для объяснений по поводу подобного чека. *Может* быть, вызовут.

Лало. Хватит ухмыляться! Думаешь, это смешно?

Эстерхази. Не смешно, но забавно... Первый граф Дитрих фон Эстерхази пал в бою под стенами Иерусалима. Второй погиб, защищая свою крепость от варваров. Последний выписал неправомочный чек в душном, отделанном хромированными панелями казино... Забавно.

Лало. О чем ты говоришь?

Эстерхази. О том, какая это странная вещь — утечка души. Ты проживаешь день за днем, а она вытекает из тебя по капле. Вытекают на каждом шагу. Словно новенькие монетки, высыпающиеся из дыры в кармане, такие маленькие и блестящие, и тебе уже никогда не найти их.

Лало. К чертям твои рассуждения! Но что теперь будет со мной?

Эстерхази. Я сделал все, что мог, Лало. И тебя предупредил раньше всех прочих.

Л а л о. Ну ты же не собираешься стоять тут, как дурак, и ждать пока...

Э с т е р х а з и (*мягким тоном*). Знаешь, я рад, что все так получилось. Несколько часов назад у меня были проблемы, огромные проблемы, на решение которых мне не хватало сил. Теперь я свободен. И свободу эту я получил одним махом, сделав то, что даже не собирался делать.

Л а л о. Тебя все это совершенно не волнует?

Э с т е р х а з и. Я не испугался бы даже в том случае, если бы мне не было все равно.

Л а л о. То есть ты все-таки боишься?

Э с т е р х а з и. Хотел бы испугаться, да не могу.

Л а л о. Но почему ты ничего не делаешь? Позвони своим друзьям!

Э с т е р х а з и. Их реакция, моя дорогая, будет точно такой же, как твоя.

Л а л о. Ты меня же и осуждаешь?

Э с т е р х а з и. Вовсе нет. Я восхищаюсь тобой. Ты делаешь мое будущее таким простым и таким легким.

Л а л о. Но, боже мой! Как же платежи за мой новый «кадиллак»? И жемчуг, который ты должен был мне купить? И...

Э с т е р х а з и. И счет за номер. И счет за цветы. И за последнюю вечеринку, которую я здесь устраивал. И за норковую шубку для Колетт Дорсей.

Л а л о (*подскакивая*). Что-о?

Э с т е р х а з и. Моя дорогая, неужели ты серьезно считаешь, что была... единственной у меня?

Л а л о (*мечет глазами молнии. Готова выкрикнуть оскорбление. Но вместо этого внезапно закатывается издевательским хохотом*). Думаешь, меня это заботит теперь? Думаешь, я стану оплакивать жалкого...

Э с т е р х а з и (*тихо*). А ты не думаешь, что тебе было бы лучше уехать домой?

Л а л о (*яростным движением закутывается в меха, бросается к двери, внезапно оборачивается*). Позвони мне завтра, когда придешь в себя. Я возьму трубку, если захочу этого.

Э с т е р х а з и. Ну, если только завтра я еще буду здесь.

Л а л о. Что?

Э с т е р х а з и. Я сказал, что позвоню только в том случае, если завтра еще буду здесь.

Л а л о. Что ты имеешь в виду? Собираешься уехать или...

Э с т е р х а з и (*негромко, утвердительным тоном*). Или.

Л а л о. Ах, не надо становиться в позу дурака из глупой мелодрамы! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Эстерхази стоит неподвижно, глубоко задумавшись. Потом слегка вздрагивает, как бы очнувшись. Пожимает плечами. Уходит направо в спальню, оставив дверь открытой. Звонит телефон. Он возвращается, успев поменять фрак на роскошную домашнюю куртку.

Э с т е р х а з и (*снимает трубку*). Алло! (*Судивлением.*) В такое время? Как ее зовут?.. Не говорит?..

Хорошо, пусть поднимается. (*Кладет трубку. Закуривает. В дверь стучат. Он улыбается.*) Войдите!

Входит Кей Гонда. Улыбка исчезает с его лица. Он не двигается. Какое-то мгновение стоит, неподвижными пальцами держа у рта сигарету. Потом отбрасывает ее резким движением запястья — это единственное, чем он выражает свое удивление, — и спокойно отвешивает светский поклон.

Эстерхаз и. Добрый вечер, мисс Гонда.

Кей Гонда. Добрый вечер.

Эстерхаз и. Вуаль или темные очки?

Кей Гонда. Что?

Эстерхаз и. Надеюсь, вы не позволили портье узнать вас?

Кей Гонда (*вдруг улыбается, достает из кармана очки*). Темные очки.

Эстерхаз и. Гениальная идея.

Кей Гонда. Что?

Эстерхаз и. Вы пришли сюда, чтобы спрятаться.

Кей Гонда. Откуда вы знаете?

Эстерхаз и. Потому что это могли сделать только вы. Только вы одна обладаете настолько тонким чутьем, способным распознать единственное действительно искреннее письмо, которое я написал за всю свою жизнь.

Кей Гонда (*глядя на него*). В самом деле?

Эстерхаз и (*открыто рассматривая ее, говорит будничным, прозаичным тоном*). Вы кажетесь выше, чем на экране, и менее реальной. Волосы у вас

светлее, чем я думал. Голос как будто на тон выше. Жаль, что ни одна камера не способна точно отобразить этот оттенок вашей губной помады. (*Другим тоном, теплым и искренним.*) Ну а теперь, когда я выполнил свой долг поклонника и отреагировал по-;обаяющим образом, садитесь, и забудем о том, в каких необычных обстоятельствах мы находимся.

К е й Г о н д а. Вы действительно хотите, чтобы я у вас осталась?

Э с т е р х а з и (*глядя на комнату*). Не самое плохое место. Вид из окна, правда, не очень и соседи сверху иногда шумят, но не часто. (*Посмотрев на нее.*) Нет, я не буду говорить, насколько рад вашему появлению. Я никогда не бываю многословен в отношении того, что действительно дорого мне. Впрочем, подобная возможность нечасто выпадала на мою долю.

Отвык.

К е й Г о н д а (*сидясь*). Спасибо.

Э с т е р х а з и. За что?

К е й Г о н д а. За те слова, которых вы не сказали.

Э с т е р х а з и. Знаете ли вы, что это я должен вас благодарить? Не только за то, что вы пришли, но и за то, что из всех ночей вы пришли ко мне именно в эту ночь.

К е й Г о н д а. Почему?

Э с т е р х а з и. Возможно, жизнь дана вам затем, чтобы спасти чужие жизни. (*Пауза.*) Когда-то... давно — хотя нет, вот странно! — всего несколько минут назад я был готов убить себя. Не смотрите на меня так. Это не страшно. Страшнее всего другое: чувство

полного безразличия даже к смерти, даже к собственному равнодушию. И вдруг приходите вы... Думаю, я мог бы возненавидеть вас за это.

К е й Г о н д а. Думаю, еще возненавидите.

Э с т е р х а з и (*с внезапной горячностью и неожиданным чувством*). Я не хочу опять гордиться собой. Я это бросил. Но теперь я горжусь. Только потому, что вижу вас здесь. Только потому, что случилось то, что я не считал возможным в этой жизни.

К е й Г о н д а. Вы сказали, что не будете мне говорить, как рады меня видеть. Так и не говорите. Я не хочу слышать эти слова. Я не могу слышать их так часто. Я никогда им не верила. И не думаю, что поверю сегодня.

Э с т е р х а з и. Это означает, что вы всегда верили в них. Вы же знаете эту неистребимую хворь — желание верить в лучшее в человеке. Я хочу предупредить вас, чтобы вы этого не делали. Хочу еще посоветовать уничтожить в себе желание жить в чем-то, кроме той сухой грязи, в которой копошатся все остальные. Хочу, но не могу. Потому что вы никогда не сможете этого сделать. В этом ваше проклятие. И мое.

К е й Г о н д а (*сердитым и умоляющим тоном*). Я не хочу слышать ничего подобного!

Э с т е р х а з и (*присаживаясь на край кресла, говорит мягко, легко*). Знаете, когда я был молодым — очень молодым, — я тогда думал, что моя жизнь будет огромной и яркой. Мне хотелось преклонить колена перед собственным будущим... (*Пожимает плечами*.) Это проходит.

К е й Г о н д а. Проходит ли?

Э с т е р х а з и. Всегда. Но никогда до конца.

К е й Г о н д а (*смолкает и вдруг пылко и доверчиво произносит*). Однажды, совсем-совсем молодой, я увидела одного человека. Дело было в горах, он стоял на скале. Стоял, запрокинув голову, расставив в стороны руки, напряженный как лук, как натянутая струна, поющая на полной экстаза ноте, какой людям никогда не доводилось слышать... Я не знаю, кто это был. Я только поняла, что именно такой и должна быть жизнь... (*Голос ее постепенно затихает.*)

Э с т е р х а з и (*с интересом*). И что было дальше?

К е й Г о н д а (*другим голосом*). Я вернулась домой, мама как раз накрывала стол к ужину и была счастлива, потому что ей удалось подливка для жаркого. И потому в молитве поблагодарила за это Бога... (*Вскакивает, поворачивается к нему, сердито.*) Не слушайте меня! Не смотрите на меня так!.. Я пыталась избавиться от этого чувства. Я думала, что должна на многое закрыть глаза, от многого воздерживаться... научиться жить, как другие. Стать такой, как они. И забыть. И я сделала это. Сделала. Но того человека на скале забыть не могу. Не могу!

Э с т е р х а з и. Мы неспособны на это.

К е й Г о н д а (*с волнением*). Значит, вы меня поняли? И я не одна? О, Господи! Не может быть так, чтобы я была одна! (*Вдруг притихнув.*) Но почему сдались вы?

Э с т е р х а з и. Потому что сдаются все люди. Потому что это, вожденное, никогда не приходит. И что получил взамен? Моторные лодки, лошадей,

карты, женщин — все жизненные тупики, все легкомысленные удовольствия. Все то, чего я никогда не хотел.

Кей Гонда (*мягко*). Вы уверены в этом?

Эстерхазы. А больше ничего не было. Но если бы это посетило меня, если бы получил шанс, последний шанс...

Кей Гонда. Вы уверены в этом?

Эстерхазы (*смотрит на нее, затем решительно подходит к телефону и снимает трубку*). Гладстон 2-1018... Алло, Карл?.. Помнишь, ты мне говорил про две каюты на «Императрице Панамы»... ты все еще хочешь избавиться от них? Да... да, хорошо... В полвосьмого?.. Там и встретимся... Я понял... Спасибо. (*Кладет трубку. Кей Гонда вопросительно смотрит на него. Он оборачивается к ней, говорит спокойно и буднично.*) «Императрица Панамы» отходит из Сан-Педро в половине восьмого утра. В Бразилию. Оттуда не выдают.

Кей Гонда. Что вы намереваетесь делать?

Эстерхазы. Убежим вместе. Как преступившие закон — оба. Теперь мне есть за что бороться. О, увидев меня, мои предки позавидовали бы мне. Потому что мой священный Грааль существует, он настоящий, живой, доступный. Только они не поняли бы. Это наш с вами секрет. Ваш и мой.

Кей Гонда. Но вы не спросили моего согласия.

Эстерхазы. Но я и не должен спрашивать. Если я спрошу, у меня не будет права ехать с вами.

Кей Гонда (*ласково улыбается, затем*). Но я все равно хочу ответить вам.

Эстерхазы (*замолкает, с ожиданием смотрит на нее*). Так скажите.

Кей Гонда (*доверчиво глядя прямо на него, шепотом*). Да, я хочу поехать с вами.

Эстерхазы (*мгновение внимательно смотрит на нее; а затем, как бы для того, чтобы умышленно пригасить искренность мгновения, смотрит на часы и говорит уже будничным тоном.*) Нам осталось переждать всего несколько часов. Я растоплю камин. Нам будет лучше. (*Разжигая огонь, бодрым тоном.*) Я захвачу несколько вещей... Все необходимое вам можно будет купить на корабле... У меня мало денег, но до утра мне удастся собрать несколько тысяч... Еще не знаю, где, но я их достану... (*Она садится в кресло перед огнем. Он устраивается на полу у ее ног и смотрит на нее.*) В Бразилии ужасно яркое солнце. Надеюсь, вы не боитесь обгореть?

Кей Гонда (*с радостной, немного ребячливой интонацией*). Всегда обгораю.

Эстерхазы. Купим домик где-нибудь в джунглях. Займусь валкой леса — как ни странно, этим делом я еще не занимался. Но научусь. А ты научишься готовить.

Кей Гонда. Научусь. Я научусь всему, что нам понадобится. Мы начнем заново, с начала мира — нашего мира.

Эстерхазы. Тебе не страшно?

Кей Гонда (*улыбается*). Ужасно страшно. Я ведь никогда раньше не была счастлива.

Эстерхаз и. Работа испортит тебе руки... твои прекрасные руки... *(Он берет ее руку и поспешно роняет ее. Говорит с некоторым усилием, внезапно серьезным тоном.)* Я буду лишь твоим зодчим, твоим пажом и сторожевым псом. И ничем больше — пока не заслужу этого.

Кей Гонда *(глядя на него)*. О чем ты задумался?

Эстерхаз и *(рассеянно)*. Я задумался о завтрашнем дне и обо всех следующих днях... Как они еще далеки от нас...

Кей Гонда *(весело)*. Я хочу дом на берегу моря. Или около большой реки.

Эстерхаз и. С балконом в твоей комнате, над водой, обращенным в сторону рассвета... *(непроизвольно добавляет)*, а ночью залитым лунным светом...

Кей Гонда. У нас не будет соседей... нигде... на много миль вокруг... И никто не будет глазеть на меня... Никто не станет платить деньги за то, чтобы видеть меня на экране...

Эстерхаз и *(понижая голос)*. Я никому не позволю на тебя глазеть... По утрам ты будешь плавать в море... одна... в зеленоватой воде... под первыми лучами солнца, падающими на твое тело... *(Встает, наклоняется к ней, шепотом.)* А потом я позову тебя в дом... на скалы... в мои объятия... *(Обнимает ее и страстно целует. Она отвечает на поцелуй. Он поднимает голову и тихо, цинично смеется.)* Так вот чего мы оба на самом деле хотим, правда? Зачем тогда притворяться?

Кей Гонда *(не понимает его)*. Что?

АКТ II

Эстерхаз и. Зачем притворяться, изображать из себя нечто особенное? Мы ничем не лучше других. *(Пытается еще раз поцеловать ее.)*

Кей Гонда. Пусти! *(Вырывается.)*

Эстерхаз и *(смеется)*. Куда ты пойдешь? Тебе некуда пойти! *(Она ошеломленно, круглыми глазами смотрит на него.)* В конце концов, какая разница, сейчас это произойдет или потом? Не стоит воспринимать это занятие слишком серьезно. *(Кей Гонда бросается к двери. Он останавливает ее. Она вскрикивает негромко, закрывая ладонью собственный рот.)* Успокойся! Ты не можешь позвать на помощь!.. Что лучше: смертная казнь или вот это... *(Она истерически хохочет.)* Успокойся!.. В конце концов, какая мне разница, что ты будешь потом обо мне думать?.. Зачем мне думать о завтрашнем дне?

Она вырывается, бежит и выскакивает за дверь. Он остается на месте и слушает смех, громкий и беззаботный, удаляющийся по коридору.

ЗАНАВЕС

Сцена 3

На экране письмо, написанное крупным, неровным почерком:

«Дорогая мисс Гонда!

Это письмо адресовано Вам, но на самом деле я пишу его себе самому. Пишу и думаю, что обращаюсь к той женщине, которая является единственным оправданием существования этого мира, которой хватает мужества быть этим оправданием. К женщине, которая не надевает на несколько часов маску величия, чтобы потом вернуться к действительности в виде детей/обедов/подруг/футбола и Бога. К женщине, которая ищет это величие в каждой минуте и на каждом шагу. К женщине, жизнь которой не проклятие, не сделка, а гимн. Мне достаточно знать, что такая женщина существует. И я написал эти строки, хотя, может быть, Вы не возьмете на себя труда их прочесть

или прочтете, но не поймете меня. Я не знаю, какая Вы на самом деле. Но я пишу Вам такой, какой Вы можете быть.

Джонни Дауэс.
Мэйн-стрит, Лос-Анджелес,
Калифорния».

Огни гаснут, экран исчезает, и на сцене возникает чердак Джонни Дауэса: грязное, непривлекательного вида помещение под низким, косым потолком и темными стенами, покрытыми потрескавшейся штукатуркой. Каморка совершенно пуста, и кажется необитаемой и даже нереальной. Узкая железная кровать у правой стены, сломанный стол и несколько ящиков вместо стульев. Слева в глубине узкая дверь. Вся центральная стена представляет собой большое окно, разделенное рамой на маленькие квадраты. За окном открывается вид на Лос-Анджелес. За темными контурами небоскребов на небе видна первая розовая полоска рассвета. Когда загорается свет, на сцене никого нет, царит полумрак. Интерьер комнаты теряется на фоне потрясающей панорамы сияющего огнями Лос-Анджелеса. Она должна привлекать внимание зрителя так, чтобы он забыл, что находится в помещении, и местом действия являются город и небо. (Во время действия небо медленно светлеет, полоска рассвета растет.)

Слышны шаги, поднимающиеся по лестнице. Под дверью угадывается приближающийся свет. Дверь открывается, входит Кей Гонда. За ней, шаркая ногами, входит миссис Моноган, старая хозяйка дома, со свечой в руке. Ставит свечу на стол и стоит, переводя дыхание после подъема по крутой лестнице, и с любопытством рассматривает Кей Гонду.

Миссис Моноган. Ну, пожалте. Это здесь.

Кей Гонда (*медленно оглядывая комнату*).
Спасибо.

Миссис Моноган. А вы его родственница, да?

Кей Гонда. Нет.

Миссис Моноган (*с ехидцей*). Так я и думала.

Кей Гонда. Я никогда его не видела.

Миссис Моноган. Так я тебе скажу! Дурной он парень. Ой, дурной! Бездельник-то, настоящий, он-то. Платить — это никогда. На одной работе его больше двух недель не держат.

Кей Гонда. Когда он вернется?

Миссис Моноган. В любую минуту... или никогда, откуда я знаю? Всю ночь его где-то носит, а где, один Бог знает. По улицам, лодырь, шляется, по улицам. Придет как пьяный. Но не пьяный, не! Я знаю, не пьет он.

Кей Гонда. Я его подожду.

Миссис Моноган. Располагайся. (*Внимательно смотрит на нее.*) Что ль, работу ему хочешь предложить?

Кей Гонда. Нет, у меня нет для него работы.

Миссис Моноган. Опять ему пинка дали три дня назад. А раньше была хорошая работа — посыльным. И долго он на ней продержался по-твоему? И не думай. Потом был подавальщиком в «Гамбургерах Луи». Говорю тебе, дурной он. Я-то уж знаю. Получше тебя.

Кей Гонда. Я его совсем не знаю.

Миссис Моноган. А что его с работы гонят, так я их и не осуждаю. Станный он. Не посмеяться, не пошутить. *(Доверительно.)* Знаешь, что мне его старший из «Гамбургеров-то Луи» сказал? «Сопляк, говорит, сопляк и много о себе воображает, — сказал мне этот Луи, которого гамбургеры-то. — От него у постоянного официанта мурашки по коже бегут».

Кей Гонда. Значит, Луи, которого гамбургеры, так и сказал?

Миссис Моноган. Чистую правду говорю. *(Вполголоса.)* А знаешь что? Он же в колледже учился, парень этот. И не поверишь, что учился, раз такую работу берет. Чему учился, один Бог знает. И проку от него никакого. И... *(Умолкает, прислушивается. На лестнице раздаются шаги.)* Вот он! Других таких бесстыжих нет, чтобы в такое время домой являться. *(Удвери.)* Подумай-ка. Может, сможешь для него что сделать. *(Уходит.)*

Входит Джонни Дауэс. Это высокий, стройный парень, разменявший третий десяток лет; узкое лицо с обтянутыми кожей скулами, твердо сомкнутые губы, чистый, открытый взгляд. Они долго смотрят друг на друга.

Джонни *(медленно, спокойно, без удивления или любопытства в голосе)*. Добрый вечер, мисс Гонда.

Кей Гонда *(не может оторвать от него взгляд, в голосе ее звучит изумление)*. Добрый вечер.

Джонни. Пожалуйста, садитесь.

Кей Гонда. Но вы не хотите, чтобы я здесь осталась.

Джонни. Вы остаетесь.

Кей Гонда. Вы не спрашиваете, почему я пришла.

Джонни. Вы здесь. *(Он садится.)*

Кей Гонда *(вдруг подходит к нему, берет руками его голову и поворачивает к себе лицом)*. Что случилось, Джонни?

Джонни. Теперь уже ничего.

Кей Гонда. Ты не должен так радоваться моему приходу.

Джонни. Я знал, что вы придете.

Кей Гонда *(отходит от него и полным усталости движением опускается на кровать. Смотрит на него, улыбается, но не весело и не дружелюбно)*. Люди говорят, что я великая кинозвезда, Джонни.

Джонни. Да.

Кей Гонда. Они говорят, что у меня есть все, чего можно только пожелать.

Джонни. Разве это действительно так?

Кей Гонда. Нет. Но откуда ты знаешь?

Джонни. Почему вы решили, что я это знаю?

Кей Гонда. Джонни, а ты никогда не смущаешься, когда говоришь с людьми?

Джонни. Нет. Очень смущаюсь. Всегда. Я не знаю, что им сказать. Но сейчас не смущаюсь.

Кей Гонда. Я очень плохая женщина, Джонни. Все, что ты обо мне слышал, правда. Как и то, чего ты не слышал. Я пришла сказать тебе, чтобы ты не думал обо мне так, как написал в письме.

Д ж о н н и. Вы пришли именно для того, чтобы сказать: все то, что я написал в письме, правда. Все и даже больше.

К е й Г о н д а (*с жестким смешком*). Дурак! Я тебя не боюсь... Ты знаешь, что я получаю двадцать тысяч долларов в неделю?

Д ж о н н и. Да.

К е й Г о н д а. Ты знаешь, что у меня пятьдесят пар туфель и трое дворецких?

Д ж о н н и. Нетрудно предположить.

К е й Г о н д а. А ты знаешь, что мои фильмы идут во всех городах мира?

Д ж о н н и. Да.

К е й Г о н д а (*с яростью*). Не смотри на меня так!.. Ты знаешь, что люди платят миллионы, чтобы посмотреть на меня? Мне не нужно твое одобрение! У меня масса поклонников! Я для них очень много значу!

Д ж о н н и. Ты ничего для них не значишь. И ты это знаешь.

К е й Г о н д а (*смотрит на него почти с ненавистью*). Я это знала час назад. (*Поворачивается к нему*). Почему ты ничего у меня не просишь?

Д ж о н н и. Что же я должен просить у вас?

К е й Г о н д а. Например, почему ты не просишь меня устроить тебя на работу в киностудию?

Д ж о н н и. Единственное, о чем я мог бы вас попросить, вы для меня уже сделали.

К е й Г о н д а (*жестко смеется, говорит новым, странным для нее, совершенно будничным тоном*).

Ладно, Джонни, не будем валять дурака. Я скажу тебе кое-что. Я убила человека. Опасно прятать убийцу. Почему ты меня не гонишь? (*Он сидит и молча смотрит на нее.*) Нет? И это не получается? Ну что же, посмотри на меня. Я самая красивая женщина, какую ты когда-либо видел. Хочешь переспать со мной? Почему нет? Прямо сейчас. Я не стану сопротивляться. (*Он не шевелится.*) Тоже нет? Ну слушай: знаешь ли ты, что за мою голову назначено вознаграждение? Почему бы тебе не вызвать полицию и не сдать меня? Устроишь свою жизнь.

Д ж о н н и (*мягко*). Ты так несчастлива?

К е й Г о н д а (*идет к нему и падает у его ног на колени*). Помоги мне, Джонни!

Д ж о н н и (*отпускается на пол рядом с ней, кладет руки ей на плечи, негромко спрашивает*). Почему вы пришли ко мне?

К е й Г о н д а (*поднимает голову*). Джонни. Если все вы видите меня на экране, слышите слова, которые я говорю, и восхищаетесь мной, то где могу я услышать ваши слова? Где я могу их услышать, чтобы идти дальше? И ту славу, ту радость, которую я создаю на экране как иллюзию, я хочу видеть здесь и сейчас, своими собственными глазами! Я хочу видеть настоящую жизнь! И хочу знать, что на белом свете есть хотя бы один человек, который хочет того же! Иначе какой толк, какой смысл в моих трудах и горении ради невозможного видения? Душе тоже нужна пища. Она может иссякнуть.

Д ж о н н и (*встает, ведет ее к кровати, усаживает, стоит около нее*). Могу сказать вам только

одно: на свете мало людей, которые видят тебя и понимают. И такие люди придают смысл твоей жизни. Остальные — остальные остаются такими, какими ты видишь. У вас есть долг. Жить. Существовать на земле. Чтобы они знали, что вы существуете и можете существовать. Бороться, даже если на победу надежды нет. Мы не можем оставить землю в руках тех, остальных.

К е й Г о н д а (*глядя на него, тихо*). Кто ты, Джонни?

Д ж о н н и (*удивленно*). Я?.. Я никто.

К е й Г о н д а. Откуда ты родом?

Д ж о н н и. У меня где-то был дом и родители. Но я плохо помню их... плохо помню все, что когда-либо со мной происходило. В памяти моей нет такого дня, который стоило бы вспоминать.

К е й Г о н д а. У тебя нет друзей?

Д ж о н н и. Нет.

К е й Г о н д а. У тебя нет работы?

Д ж о н н и. Есть... нет, меня уволили три дня назад. Я забыл.

К е й Г о н д а. Где ты жил раньше?

Д ж о н н и. Во многих местах. Я со счета сбился.

К е й Г о н д а. Ты ненавидишь людей, Джонни?

Д ж о н н и. Нет. Я никогда их не замечаю.

К е й Г о н д а. О чем ты мечтаешь?

Д ж о н н и. Какая польза в мечтах?

К е й Г о н д а. Какая польза в жизни?

Д ж о н н и. Никакой. Но кто в этом виноват?

К е й Г о н д а. Те, кто не умеет мечтать.

Д ж о н н и. Нет. Те, кто умеет только мечтать.

К е й Г о н д а. Ты очень несчастлив?

Д ж о н н и. Нет... Думаю, вам не стоит задавать мне такие вопросы. Я не смогу дать здравый ответ ни на один из них.

К е й Г о н д а. Один великий человек сказал: «Я люблю тех, кто не знает, как сегодня жить».

Д ж о н н и *(тихо)*. Наверно, я тот человек, которому не следовало родиться на свет. Это не жалоба. Мне не страшно, и я не жалею. Но мне часто хотелось умереть. У меня нет желания ни изменить мир, ни быть его частью, когда он такой, как есть. У меня никогда не было такого оружия, как у вас. Я не испытал даже желания найти оружие. Я хотел бы уйти отсюда — спокойно и по собственному желанию.

К е й Г о н д а. Не надо так говорить.

Д ж о н н и. Меня всегда здесь что-то удерживало. Что-то такое, что должно было посетить меня до того, как я уйду прежде. Я хочу пережить одну-единственную минуту, которая принадлежала бы мне, а не им. Минуту, лишённую мелких и гадких удовольствий. Минуту восторга, полного и абсолютного, минуту, которую нельзя пережить... Они никогда не давали мне жить. Я всегда надеялся, что сам выберу себе смерть.

К е й Г о н д а. Не говори так. Ты мне нужен. Я здесь. Я не позволю тебе уйти.

Д ж о н н и *(после паузы, глядя на нее странным новым взглядом, ровно и сухо)*. Ты? Ты убийца, которую однажды поймают и повесят. *(Она смотрит на него, потрясенная. Джонни подходит к окну, стоит и смотрит в него. За окном теперь день. Лучи света ореолом*

окружают темные силуэты небоскребов. Вдруг, не поворачиваясь к ней, спрашивает.) Ты его убила?

К е й Г о н д а. Не будем об этом говорить.

Д ж о н н и *(не оборачиваясь)*. Я знал Грантона Сэйерса. Я один раз работал на него, носил за ним клюшки в гольф-клубе Санта-Барбары. Тяжелый был человек.

К е й Г о н д а. Он был очень несчастен, Джонни.

Д ж о н н и *(оборачиваясь к ней)*. Кто-нибудь присутствовал?

К е й Г о н д а. Где?

Д ж о н н и. Кто-нибудь видел, как ты его убила?

К е й Г о н д а. Обязательно об этом говорить?

Д ж о н н и. Я должен это знать. Кто-нибудь видел, как ты его убила?

К е й Г о н д а. Нет.

Д ж о н н и. У полиции есть что-нибудь против тебя?

К е й Г о н д а. Ничего, кроме того, что я могла бы им рассказать сама. Но я им ничего не скажу. И тебе тоже. Во всяком случае, сейчас. Не надо спрашивать меня.

Д ж о н н и. Какое вознаграждение назначили за твою голову?

К е й Г о н д а *(после паузы, странным голосом)*. Что ты сказал, Джонни?

Д ж о н н и *(спокойно)*. Я спросил, какое вознаграждение назначили за твою голову? *(Она молча смотрит на него.)* Не важно. *(Подходит к двери, открывает ее, кричит.)* Миссис Моноган! Пойдите сюда!

Кей Гонда. Что ты делаешь?

Он не отвечает и не смотрит на нее. Миссис Моноган шаркающими шагами поднимается по лестнице и появляется в двери.

Миссис Моноган (*недовольным тоном*).
Чего тебе надо?

Джонни. Миссис Моноган, слушайте внимательно. Спуститесь к своему телефону. Вызовите полицию. Скажите им, чтобы скорее приехали. Скажите, Кей Гонда находится здесь. Вы поняли? Кей Гонда. Быстрее.

Миссис Моноган (*ошеломленно*). Да, сэр...
(*Торопливо уходит.*)

Джонни закрывает дверь, поворачивается к Кей Гонде. Она бросается к двери. Между ними стол. Он открывает ящик, достает пистолет и наводит на нее.

Джонни. Стой на месте.

Она не двигается. Он возвращается к двери и запирает ее. Она вдруг как-то поникает, продолжая стоять.

Кей Гонда (*не глядя на него, ровным безжизненным голосом*). Убери его. Я не буду пытаться сбежать.

Он сует пистолет в карман и становится спиной к двери. Она садится спиной к нему.

Джонни (*быстро*). У нас осталось около трех минут. На мой взгляд, с нами ничего не случилось и

не случится. Минуту назад мир остановился и будет неподвижен еще три минуты. Но этот перерыв наш. Ты здесь. Я смотрю на тебя. Я видел твои глаза и в них всю правду, доступную людям. *(Она роняет голову на руки.)* Прямо сейчас на земле нет других людей. Только ты и я. Нет ничего, кроме мира, в котором мы живем. Один раз вдохнуть этот воздух, двигаться, слышать свой собственный голос не отвратительным и не страдающим... Я никогда не знал благодарности. Но теперь из всех слов хочу сказать тебе только три: я благодарю тебя. Когда ты уйдешь отсюда, помни, что я тебя поблагодарил. Помни — что бы ни случилось в этой комнате...

Она прячет лицо в ладони. Он молча стоит, голова откинута назад, глаза закрыты.

Слышны быстрые шаги, поднимающиеся по лестнице. Джонни и Кей не двигаются. Громкий, энергичный стук в дверь.

Джонни оборачивается, отпирает дверь и открывает ее. Входит капитан полиции, за ним два полицмена.

Кей Гонда встает, глядя на них.

Капитан. Господи Иисусе!

Они смотрят на нее, ошеломленные.

Полицмен. А я думал, опять ложный вызов!

Капитан. Мисс Гонда, я чрезвычайно рад вас видеть. Мы с ног сбились в...

Кей Гонда. Уведите меня отсюда. Куда угодно.

Капитан *(делая шаг к ней)*. Ну, у нас нет...

Джонни (*тихо, но с суровым приказом в голосе, так что все оборачиваются к нему*). Отойдите от нее. (*Капитан останавливается. Джонни показывает полицейскому на стол.*) Сядьте. Возьмите ручку и бумагу.

Полицейский смотрит на капитана, тот кивает, сбитый с толку. Полицейский выполняет.

Теперь пишите. (*Диктует медленно, ровным бесстрастным голосом.*) Я, Джон Дауэс, признаюсь в том, что в ночь на пятое мая, находясь в здравом уме и действуя предумышленно, убил Грантона Сэйерса в Санта-Барбаре, штат Калифорния. (*Кей Гонда издает глубокий вздох, похожий на стон.*) Последние три ночи меня не было дома, что может подтвердить моя домохозяйка, миссис Шейла Моноган. Она также может подтвердить, что третьего мая меня уволили с работы в отеле «Альгамбра». (*Кей Гонда вдруг хохочет, залившимся радостным смехом.*) Год назад я работал на Грантона Сэйерса в гольф-клубе «Гриндэйл» в Санта-Барбаре. Лишившись работы и сильно нуждаясь в деньгах, вечером пятого мая я пришел к Грантону Сэйерсу и попытался шантажировать его, угрожая тем, что придам огласке некую информацию, которой располагаю. Он отказался дать мне денег, даже под угрозой пистолета. Я выстрелил в него. От пистолета я избавился, выбросив его в океан по дороге из Санта-Барбары. Я один совершил это преступление. Никто другой не был к нему причастен. (*Добавляет.*) Все записали? Дайте мне подписать.

Полицейский дает ему признание. Джонни подписывает.

К а п и т а н *(не может прийти в себя)*. Мисс Гонда, вам есть что сказать по этому поводу?

К е й Г о н д а *(в легкой истерике)*. Не спрашивайте меня! Не сейчас! Не говорите со мной!

Д ж о н н и *(отдает признание капитану)*. Будьте добры, позвольте мисс Гонде немедленно уйти отсюда.

К а п и т а н. Минутку, мой мальчик! Не так быстро. Вы еще многое должны объяснить. Как вы попали в дом Сэйерса? И как оттуда выбрались?

Д ж о н н и. Я сказал вам все, что собирался сказать.

К а п и т а н. В каком часу вы произвели выстрел? И что здесь делает мисс Гонда?

Д ж о н н и. Вы знаете все, что вам надо знать. Вы знаете достаточно, чтобы не впутывать в это дело мисс Гонду. У вас мое признание.

К а п и т а н. Конечно. Но вам придется доказать свои слова.

Д ж о н н и. Оно останется признанием, даже если я предпочту ничего не доказывать.

К а п и т а н. Будешь упрямитесь, э? Ну ничего, в участке все расскажешь. Пошли, ребята.

К е й Г о н д а *(делает шаг вперед)*. Подождите! Теперь вы должны послушать меня. Я хочу сделать заявление. Я...

Д ж о н н и *(отступает, выдергивает из кармана пистолет, наводит на них)*. Всем оставаться на месте. *(Кей Гонде.)* Не двигайся. Не говори ни слова.

К е й Г о н д а. Джонни! Ты не знаешь, что делаешь! Подожди, любимый! Убери пистолет.

Д ж о н н и (*улыбается ей, не опуская пистолет*). Я услышал. Спасибо.

К е й Г о н д а. Я тебе все расскажу! Ты не знаешь! Мне ничего не угрожает!

Д ж о н н и. Я знаю, что ты в безопасности. Будешь. Отойди. Не бойся. Я никого не раню. (*Она подчиняется.*) Я хочу, чтобы вы все смотрели на меня. Через много лет вы сможете рассказывать своим внукам о том, что однажды видели нечто невероятное, чего никогда не удастся увидеть и им — абсолютно счастливого человека! (*Приставляет пистолет к груди, стреляет, падает.*)

ЗАНАВЕС

Сцена 4

Холл виллы Кей Гонды. Высокий, пустой, по-современному аскетичный. Никакой мебели, никаких украшений. Задняя часть сцены представляет собой длинную приподнятую платформу, разделяющую помещение по горизонтали, от нее на авансцену спускаются три широкие, во всю длину комнаты, ступени. Высокие прямоугольные колонны поднимаются по бокам ступеней. Слева, в глубине, дверь в дом. Весь задник изображает широкие оконные панели с входной дверью посередине. За домом видна узкая тропинка между острыми скалами, тонкая полоска высокого берега, на океан, а над ним пылающее закатом небо. В холле царит полутьма. Единственным источником света является закат за окном.

Мик Уоттс сидит на верхней ступеньке, наклонившись к величественного вида дворецкому, который сидит внизу, на полу, в уверенной, но неудобной позе, поддерживая поднос с полным бокалом виски с содовой. Ворот рубашки Мика Уоттса расстегнут, галстук съехал набок, волосы встрепаны. Он яростно комкает в руке газету. Он трезв.

Мик Уоттс (продолжая разговор, который длится уже какое-то время, говорит ровным, бес-

страстным, монотонным, серьезным и доверительным тоном). ...И тогда король созвал их, собрал вокруг своего трона и сказал: «Я устал, и меня тошнит от этого. Я устал от своего королевства, в котором нет ни одного человека, стоящего того, чтобы им правили. Я устал от своей бесцветной короны, в которой не отражается ни одного луча славы, зажегшегося на моей земле...» Знаешь, придурковатый был король. Некоторые вопят, как он, и разбивают свои куриные головы об стену — мозги из головы. Другие на ощупь бредут вперед, словно собака, гонящаяся за своей тенью, прекрасно зная, что тень не ухватишь, но все равно гонится за ней... с пустым сердцем и разбитыми кровоточащими лапами. Так вот, король сказал им на смертном одре — нет, это произошло уже в другой раз, и тогда он сказал им: «Это конец, но я все еще надеюсь. Но конца нет. И я буду надеяться... вечно... вечно... вечно. *(Внезапно смотрит на дворецкого так, как если только что заметил его, тыкает в него пальцем и спрашивает уже совершенно другим тоном.)* Какого дьявола ты тут делаешь?»

Д в о р е ц к и й *(вставая)*. Позвольте напомнить вам, сэр, что вы проговорили целый час с четвертью?

М и к У о т т с. Я?

Д в о р е ц к и й. Вы, сэр. Поэтому я позволил себе без вашего разрешения сесть.

М и к У о т т с *(с удивлением)*. Так, значит, ты все это время проторчал здесь?

Д в о р е ц к и й. Да, сэр.

М и к У о т т с. Но изначально ты все-таки явился сюда с какой-то целью?

Дворецкий (*протягивая поднос*). Ваш виски, сэр.

Мик Уоттс. А! (*Тянется за бокалом, но останавливается, тычет в сторону дворецкого мятой газетой, спрашивает.*) Ты это уже читал?

Дворецкий. Да, сэр.

Мик Уоттс (*отталкивает поднос в сторону, тот падает, бокал разбивается*). Иди к черту! Я не хочу виски!

Дворецкий. Но вы приказали принести, сэр.

Мик Уоттс. Все равно иди к черту! (*Дворецкий пытается поднять поднос.*) Катись отсюда! Пускай валяется! Проваливай! Не хочу видеть ни одной поганой морды!

Дворецкий. Да, сэр. (*Уходит налево.*)

Мик Уоттс расправляет газету, смотрит на нее, опять яростно комкает. Слышны приближающиеся шаги. Снаружи появляется Фредерика Сэйерс, она торопливо подходит к двери; в руках у нее газета. Мик Уоттс идет к двери и открывает ее, прежде чем она успевает позвонить.

Мисс Сэйерс. Добрый вечер.

Он не отвечает, выпускает ее, закрывает дверь и стоит, молча глядя на нее. Она оглядывается, затем недоуменно смотрит на него.

Мик Уоттс (*не двигаясь*). Ну и?..

Мисс Сэйерс. Это вилла мисс Кей Гонды?

Мик Уоттс. Это.

Мисс Сэйерс. Могу я видеть мисс Гонду?

Мик Уоттс. Нет.

М и с с С э й е р с. Я Мисс Сэйерс. Мисс Фредерика Сэйерс.

М и к У о т т с. Мне все равно.

М и с с С э й е р с. Не будете ли вы так любезны передать мисс Гонде, что я здесь? Она дома?

М и к У о т т с. Ее нет.

М и с с С э й е р с. Когда вы ее ждете назад?

М и к У о т т с. Я ее не жду.

М и с с С э й е р с. Дорогой мой, это какой-то абсурд!

М и к У о т т с. Безусловно. Вам лучше уйти отсюда.

М и с с С э й е р с. Сэр?!

М и к У о т т с. Она приедет с минуты на минуту. Я знаю, что приедет. И говорить сейчас не о чем.

М и с с С э й е р с. Добрый человек, вы осознаете...

М и к У о т т с. Я осознаю все, что осознаете вы, и еще кое-что. И я вам говорю, сделать ничего нельзя. Не беспокойте ее сейчас.

М и с с С э й е р с. Могу я спросить, кто вы и о чем говорите?

М и к У о т т с. Кто я, не имеет значения. А говорю я об этом (*показывает на газету*).

М и с с С э й е р с. Да, я это читала и должна сказать, что это весьма странно и...

М и к У о т т с. Странно? Черт, это чудовищно! Вы и половины не знаете!.. (*Спыхватывается, добавляет ровным тоном.*) Впрочем, я тоже.

М и с с С э й е р с. Послушайте, я должна разобраться до конца. Иначе дело пойдет слишком далеко и...

М и к У о т т с. Дело и так зашло слишком далеко.

М и с с С э й е р с. В таком случае я должна...

Снаружи в дом входит К е й Г о н д а. Она одета так же, как во всех предыдущих сценах. Держится спокойно, но не скрывая усталости.

М и к У о т т с. Явилась наконец! Я так и знал!

К е й Г о н д а *(тихим, ровным голосом)*. Добрый вечер, мисс Сэйерс.

М и с с С э й е р с. Мисс Гонда, впервые за последние два дня могу вздохнуть с облегчением! Никогда не думала, что настанет такой день, когда я буду рада вас видеть! Но вы должны понять...

К е й Г о н д а *(равнодушно)*. Понимаю.

М и с с С э й е р с. Согласитесь, что я не могла предвидеть такого поразительного поворота событий. То, что вы скрылись от публики, было невероятно любезно с вашей стороны, однако вам не стоило прятаться от меня.

К е й Г о н д а. Я ни от кого не пряталась.

М и с с С э й е р с. Но где вы тогда были?

К е й Г о н д а. Не дома. Моя отлучка не имела никакого отношения к смерти мистера Сэйерса.

М и с с С э й е р с. Но когда вы слышали эти абсурднейшие слухи, обвиняющие вас в убийстве, вам следовало сразу же обратиться ко мне! Когда в ту ночь в моем доме я попросила вас не открывать подробностей смерти моего брата, у меня и мысли не было о том, какие подозрения может вызвать ваше молчание. Я делала все возможное, чтобы связаться с вами. Пожалуйста, поверьте, что не я пустила эти слухи.

К е й Г о н д а. Я никогда не думала, что это сделали вы.

Мисс Сэйерс. Хотелось бы знать, кто их пустил?

Кей Гонда. Хотелось бы.

Мисс Сэйерс. Я должна извиниться перед вами. Наверно, вы полагали, что я обязана немедленно открыть правду, но вы знаете, почему мне пришлось. Но теперь сделка заключена, и я подумала, что должна первой известить вас о том, что теперь имею возможность говорить.

Кей Гонда (*равнодушно*). Очень мило с вашей стороны.

Мисс Сэйерс (*поворачивается к Мику Уоттсу*). Молодой человек, расскажите на своей нелепой студии, что мисс Гонда не убивала моего брата. Скажите им, что в завтрашних газетах будет опубликовано его письмо, написанное перед самоубийством. Он написал, что у него больше нет желания бороться, поскольку его бизнес прогорел, а единственная женщина, которую он когда-либо любил, отказалась выйти за него замуж.

Кей Гонда. Простите меня за это, мисс Сэйерс.

Мисс Сэйерс. Я не упрекаю вас, мисс Гонда. (*Мику Уоттсу.*) Полиции Санта-Барбары обстоятельства смерти брата были известны, однако они обещали мне молчать. Мне пришлось какое-то время не придавать огласке самоубийство брата, потому что я вела переговоры по слиянию...

Мик Уоттс. ...с «Юнайтед Калифорния ойл», и вы не хотели, чтобы там узнали об отчаянном положении компании Сэйерса. Вполне разумно. Теперь вы заключили сделку и надули «Юнайтед Калифорния». Поздравляю.

Мисс Сэйерс (*пораженная, Кей Гонде*). Этот обаятельный джентльмен все знал?

Мик Уоттс. Неужели это еще не понятно?

Мисс Сэйерс. Тогда, ради всего святого, почему вы позволили всем подозревать мисс Гонду?

Кей Гонда. А вам не кажется, мисс Сэйерс, что тему эту теперь можно забыть? Она была. Была и ушла в прошлое. И оставим ее в прошлом.

Мисс Сэйерс. Ну, как хотите. Хочу задать вам только один вопрос. Новое обстоятельство совершенно сбilo меня с толку. Но, возможно, вы что-то знаете о нем. (*Показывает газету.*) Здесь написано. Какая-то невероятная история... мальчик, о котором я никогда не слышала, накладывает на себя руки и оговаривает себя... Что значит его признание?

Кей Гонда (*ровным голосом*). Не знаю.

Мик Уоттс. Что такое?

Кей Гонда. Никогда не слышала об этом молодом человеке.

Мисс Сэйерс. Ну, тогда остается только приписать этот поступок безумцу, потерявшему разум...

Кей Гонда. Да-да, мисс Сэйерс. Вы правы.

Мисс Сэйерс (*после паузы*). Ну, если вы прощаете меня, мисс Гонда, я хотела бы пожелать вам спокойной ночи. Я немедленно отдам свое заявление в газеты и полностью обелю ваше имя.

Кей Гонда. Благодарю вас, мисс Сэйерс. Спокойной ночи.

Мисс Сэйерс (*поворачиваясь к двери*). Удачи вам во всех ваших делах. Вы проявили такое мужество в трудной ситуации. Позвольте мне поблагодарить вас.

Кей Гонда кланяется, мисс Сэйерс уходит.

М и к У о т т с (*свирепым тоном*). Ну и?..

К е й Г о н д а. А не хочешь ли ты уйти домой, Мик? Я очень устала...

М и к У о т т с. Надеюсь, что ты...

К е й Г о н д а. По дороге позвони на студию. Скажи, что завтра я подпишу контракт.

М и к У о т т с. Надеюсь, что ты отлично провела время! Развлеклась от души! А с меня хватит!

К е й Г о н д а. Завтра увидимся на студии в девять утра.

М и к У о т т с. С меня хватит! Все, подаю в отставку!

К е й Г о н д а. Мик, ты же знаешь, что никогда не уйдешь от меня.

М и к У о т т с. В этом-то и кроется мое проклятие, о чем тебе прекрасно известно! Ну почему я служу тебе, как пес, и буду служить, как пес, до конца дней своих? Почему я не способен противостоять ни одной твоей безумной прихоти? Почему я должен бродить по студии и распускать слухи об убийстве, которого ты никогда не совершала? Только потому, что тебе нужно было что-то выяснить? Ну и как, удалось?

К е й Г о н д а. Да.

М и к У о т т с. И что же?

К е й Г о н д а. Мик, сколько человек посмотрели мою последнюю картину? Ты помнишь цифры?

М и к У о т т с. Семьдесят пять миллионов шестьсот тысяч триста двенадцать человек.

К е й Г о н д а. Так вот, Мик, шестьдесят пять миллионов шестьсот тысяч людей ненавидят меня.

Акт II

Они ненавидят меня в своей душе потому, что видят во мне то, что они предали. Для них я не что иное, как живой укор... Но есть и триста двенадцать других, а может быть, только двенадцать. Мало кому нужно, чтобы в нашей жизни стало возможным высокое, тех, кто не удовлетворится меньшим и не согласится жить на любых других условиях... И контракт завтра я подпишу именно с ними. Мы не вправе оставить Землю всем остальным.

М и к У о т т с (*протягивая ей газету*). А что ты будешь делать вот с этим?

К е й Г о н д а. Я тебе уже ответила.

М и к У о т т с. Но ты убийца, Кей Гонда! Ты убила этого мальчика!

К е й Г о н д а. По правде сказать, Мик, далеко не я одна.

М и к У о т т с. Но бедный дурень решил, что спасет твою жизнь!

К е й Г о н д а. Он это и сделал.

М и к У о т т с. Что?!

К е й Г о н д а. Он решил умереть, чтобы я могла жить. И сделал это.

М и к У о т т с. Но ты хоть понимаешь, что натворила?

К е й Г о н д а (*медленно, глядя мимо него*). Нет, Мик, это был самый добрый поступок в моей жизни.

ЗАНАВЕС

1934 г.

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Литературно-художественное издание

16+

Серия «Айн Рэнд: проза»

Айн Рэнд

ИДЕАЛ

Авторский сборник

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*
Руководитель направления *И. Архарова*
Ответственный редактор *Ю. Надточей*

Подписано в печать 13.03.2017 г. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 16,8. Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 275.

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талап-
тарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский
көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

АЙН РЭНД

Айн Рэнд (1905–1982) родилась в Санкт-Петербурге, но в юности эмигрировала в Америку, где к ней пришел оглушительный успех. Айн Рэнд — автор бестселлеров «Гимн», «Мы живые», «Атлант расправил плечи», «Источник», а также создатель философского направления объективизма, в основе которого лежит мысль о величии человека, находящего опору в собственном разуме.

Подобно всякому драматургу, Айн Рэнд предпочла сценическое воплощение «Идеала», исходя из того, что пьеса эта будет поставлена. С точки зрения современной культуры спектакль этот, однако, не состоялся; большинство из нас не имели и не будут иметь никакой возможности увидеть «Идеал» на сцене, не говоря уже о том, чтобы увидеть эту пьесу в пристойном кинематографическом воплощении. Полностью войти во вселенную «Идеала» мы сможем, только прочитав именно повесть. Перед нами возникает сравнение между завершенным, но имеющим проблемы произведением (повесть) и произведением более качественным, но недоступным для нас (пьеса).

Леонард Пейкофф

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-095883-2

9 785170 958832

